

ЛЕХАИМ N 7 (207)

**ИЮЛЬ
2009г.**

2009 ТАМУЗ 5769

Послания Любавичского Ребе

Здоровье тела, сознания и духа.

Ñîñò ààèò àèü Öíèî -Áàð Áàéí ááðã

О различных болезнях и медицинских проблемах

О головной боли

<...> Вы пишете, что страдаете от головных болей, однако не сообщили мне диагноз врачей.

По-видимому, они – следствие нерегулярных менструаций; когда цикл месячных наладится, благодаря применению надлежащих медицинских процедур, Ваши головные боли, по крайней мере, уменьшатся.

<...> Что касается мигрени, от которой Вы страдаете. В дополнение к новым препаратам, появившимся в последнее время (и среди них различные соединения никотиновой кислоты), я посоветовал бы Вам приобрести небольшую мезузу. Удостоверившись в ее кошерности, дважды оберните мезузу в материю и носите с собой (конечно же, только в разрешенное время, а не в шабат в публичном месте).

О лечении грыжи

<...> Вы пишете о Вашей грыже. Спросите у специалиста, следует ли Вам носить специальный пояс; также попытайтесь выяснить, почему у Вас опять появилась грыжа. Тогда Вы примете соответствующее решение, и дай Б-г Вам успехов.

<...> Вы испытывали боли до операции, но и сейчас, уже после нее, боли не совсем прекратились. Известно, что длину пояса, который надевают при грыже, следует время от времени регулировать, в соответствии с физическими изменениями, – Вы можете потерять вес или, напротив, прибавить. Разумно предположить, что Ваши боли обусловлены неправильно выбранной длиной пояса – поэтому лучше, чтобы специалист проверил пояс и урегулировал его длину.

Наверняка Вы не забываете ежедневно читать Хумаш, Теилим и Танью, что обязательно для всех. Если Вы еще не делаете этого, то, по крайней мере, начните. Перечитывайте ежедневно главу из Теилим, соответствующую Вашему году (например, только что прошедший бар мицву начинает с 14-й главы и потом каждый год повторяет очередную).

Кроме того, Вам стоило бы регулярно изучать Мишну – хотя бы два отрывка в день. Хорошо бы знать несколько глав Мишны и, как минимум, одну главу Тانьи наизусть.

<...> От наших праведников известно (некоторые приписывают это высказывание Бааль-Шем-Тову), что «они принимают на себя ответственность за одинарное погружение» в микве, то есть однократное погружение не принесет вреда здоровью.

О памяти

<...> Относительно того, что Вы пишете о своей памяти.

Поймите: прежде всего следует многократно повторять уроки, и не только вслух, но и про себя, а также вести себя в соответствии с требованиями скромности внешнего вида.

Чтобы Б-г помог Вам с Вашей проблемой, давайте ежедневно перед молитвой несколько монет на благотворительность.

<...> Старайтесь не переутомляться – когда Вы читаете книгу или что-то изучаете и чувствуете, что память Ваша слабеет, смените предмет изучения на что-то другое, чтобы изучение материала не носило слишком однообразного характера. Например, изучайте Эйн Яков вместо Мишны, Мишну вместо Талмуда и т. д. После получаса-часа занятий постарайтесь подойти к материалу иным образом – как различаются между собой изучение суммы знаний и глубокое изучение.

Еще один практический совет: запишите содержание того, что Вы изучили, запомнившиеся Вам моменты.

Можно также на какое-то время занять себя другой, желательной для Вас мицвой, а затем вернуться к занятиям. Изучайте предметы, близкие Вам.

Вам следует знать наизусть, по крайней мере, ряд глав из Мишны. Изучайте их так, чтобы они не напрягали Вашу память, даже если это займет более длительное время.

<...> Есть известный совет, восходящий к речениям наших благословенной памяти мудрецов (Эрувин, 54а): «они живы для тех, кто проговаривает их» – то есть произносит вслух изучаемое. Поэтому весьма полезно проводить занятия с кем-нибудь вместе, по принципу «брать и отдавать». Все это очень способствует улучшению памяти.

Об ожирении

Вы страдаете от излишнего веса, и это очень расстраивает Вас. Кроме того, Вам трудно ограничивать себя в пище и питье.

Вот моя точка зрения.

1) Доктора преувеличивают потенциальную опасность излишнего веса.

2) Не сосредотачивайтесь на этой мысли – по крайней мере, не думайте постоянно о своем избыточном весе. Тогда Вы успокоитесь, благодаря чему улучшится обмен веществ и вес снизится.

И самое главное – служите Б-гу с радостью.

О возвращении к обычной жизни после медицинских процедур

<...> Меня очень удивило Ваше сообщение о том, что после операции Вам предписывают пребывать в покое много месяцев. Обычно это требует гораздо меньшего времени. Возможно, Вы неточно описали в письме свое заболевание и предложенную Вам операцию. Если же описание Вашей болезни соответствует действительности, то Вам можно вести обычную супружескую жизнь. Имеет смысл регулярно консультироваться по этому поводу с раввином, который разрешает алахические вопросы.

О радиотерапии

Вы сообщаете, что Вашей жене предлагают курс радиотерапии для лечения головы. Я уже писал Вам однажды, что эту форму терапии нужно применять с крайней

осторожностью. Есть много других, не столь опасных, способов лечения, и их положительный эффект более очевиден, чем в случае с радиотерапией.

Что же касается утверждения врача, что он подвергнет ее только одной дозе радиации, готов повторить: по мнению противников этого метода лечения, результаты радиации могут иметь столь же негативные последствия, сколь и позитивные. Это относится и к однократной дозе, поскольку зависит от ее объема. А если вообще нечего опасаться при получении одной дозы, тогда непонятен смысл подобного лечения.

О кожных болезнях

Я получил Ваше письмо и молитву-прошение и прочту ее в благоприятный момент на могиле рабби Йосефа-Ицхака. Вы перечисляете события своей жизни за последние годы, а также описываете свою кожную болезнь.

<...> Иногда те или иные пищевые продукты и напитки неблагоприятно воздействуют на организм: на коже появляется сыпь. И если Вы воздержитесь от этих вредных для Вас продуктов, сыпь пройдет.

Между тем трудно выявить продукты, оказывающие вредное воздействие. Самый простой способ – на некоторое время исключить какой-то определенный вид пищи и посмотреть, приведет ли это к исчезновению сыпи.

Если я правильно понял, Вы сами выбираете мазь и способ лечения, следуя совету друзей – что не соответствует ни логике, ни указаниям Торы, в которой говорится: «Дозволяется целителю исцелять».

Наверняка в Вашем районе есть дерматологи – хотя бы сейчас проконсультируйтесь с ними, как поступать, и следуйте их наставлениям. Очевидно, Вы напрасно советовались с человеком, которого люди считают «опытным».

<...> Вы пишете, что у Вас кожное расстройство на внешней стороне ладони левой руки. Верю, что к настоящему моменту болезнь ослабевает; несомненно, она – следствие эмоционального стресса... Перестав концентрироваться на проблемах, вызывающих у Вас душевные страдания, Вы окончательно излечитесь.

В любом случае, целесообразно – особенно сейчас, в месяц элул, – проверить Ваши тфилин, особенно тфилин на руке, и в том числе требуемые размеры ремешков, в частности их ширину.

<...> В свете разъяснений, содержащихся в разных местах хасидского учения, о связи между речью и состоянием кожи человека, Вам следует тщательно воздерживаться от пустой болтовни и тем более от сквернословия. Чаще повторяйте тексты Торы и молитвы, поскольку буквы и слова есть аспект кожи (Тора Ор, 58а): «Суждение Б-жье – это мера за меру, но во много раз большая», а духовное и материальное следуют рука об руку. Так, воздерживаясь от пустой болтовни и сквернословия, Вы скорее избавитесь от кожного заболевания.

О курении

<...> Поскольку курение угрожает здоровью человека, Вы должны руководствоваться фундаментальным принципом – еврейским кодексом Шульхан арух, где сказано, что человек должен заботиться о своем здоровье.

Впрочем, вред от того, что Вы продолжаете курить, иногда следует сопоставлять со стрессом, который человек испытывает, прекращая курение. Соответственно, к каждому случаю нужно подходить индивидуально. Но если все же врач велел пациенту прекратить курение, то пациент должен вести себя согласно указаниям врача: следовать инструкциям врача велит Тора.

<...> Вы спрашиваете, почему не был вынесен запрет против курения.

Из Вашего письма я понял, что Вы осознаете, какие алахические проблемы возникают с вынесением такого запрета. Раввинистические авторитеты обычно неохотно выносили его, даже при отсутствии разногласий, если запрет включал «установление, которому не может подчиниться большинство членов общины». В этом случае запрет принудительно ставит многих в положение тех, кто грешит сознательно.

Но, конечно же, вопросов с вынесением данного запрета не возникло бы, если бы все авторитеты придерживались единого мнения.

Между тем Вы знаете: есть авторитеты, пусть они и в меньшинстве, которые полагают, что вредное воздействие курения на организм еще окончательно не доказано. Это одна из причин, почему производство и продажа сигарет не запрещены органами здравоохранения.

В последние годы выражалось опасение, что запрет на курение и приравнивание обычных сигарет к марихуане приведет к росту потребления наркотиков: считается, будто курение сигарет, особенно среди молодежи, в известной мере служит заменой весьма распространенным наркотикам.

Но следует учесть: ни эти, ни все прочие соображения не оправдывают употребление того, что уже запрещено согласно правилу «старайся тщательно оберегать свое здоровье».

<...> Надо сказать, что проблемы с курением – дело специалистов, а именно медицинских работников. Здесь же и ответ, почему раввинистические авторитеты не выработали единой позиции по этому вопросу.

Следует также учесть еще одно важное обстоятельство. Мнение тех врачей, которые считают курение опасным для здоровья, основано на качестве сигарет, производимых в настоящее время, – они содержат вредные вещества. Были проведены многочисленные исследования, чтобы удалить эти вещества и создать безвредные сигареты, – тогда вопрос о запрете курения был бы снят...

В общем, выносить запрет на курение, по крайней мере, преждевременно; но еще более важно, что такой запрет в соответствии с Торой был бы постоянным, как сама Тора вечна и неизменна.

Что касается общей обязанности заботиться о своем здоровье, то здесь раввинам не нужно предпринимать никаких специальных шагов, поскольку существует основополагающий закон в еврейском законодательном кодексе Шульхан арух.

О зубах

<...> Вы пишете о проблемах с зубами. Поскольку Вы испытываете зубную боль весьма продолжительное время, ясно: что-то не в порядке. Вам следует безотлагательно заняться зубами.

<...> Врачи предложили Вам удалить несколько зубов, но до сих пор Вы не соглашались на эту операцию из-за талмудических предписаний. Хорошо известно высказывание благословенной памяти наших мудрецов «не удаляй зуба» (Псахим, 113а), и кое-кто из хасидов ссылается в этом вопросе на благословенной памяти рабби Гилеля из Парича, который не позволил удалить себе ни одного зуба. Хотя вообще-то я не замечал, чтобы люди следовали этому правилу...

<...> И это обстоятельство особенно касается Вас: ведь врач сказал Вам, что удаление зуба связано не только с самим зубом, но и с состоянием Вашего организма в целом.

<...> Человеческий организм с талмудических времен претерпел много изменений, и медицинские советы, содержащиеся в Талмуде, необязательно применимы в наши дни – более того, запрещено даже прибегать к ним, как сказано в Ликутим (завершающий раздел Маарил). Таким образом, я серьезно сомневаюсь, что следует прибегнуть к столь радикальной мере, какую предложил Вам один из врачей – удалить все зубы, Б-же сохрани. Лучше посоветуйтесь с другими специалистами. Возможно, достаточно удалить один-два зуба, чтобы решить проблему.

<...> Несомненно, Вы тщательно соблюдаете обычай благословения новомесячья – это традиционное средство для здоровья зубов

ДУМАЙ ХОРОШО – И БУДЕТ ХОРОШО

Аадэ Ёақад

Современная психология различает два основных стиля человеческого мышления – позитивный и негативный. Позитивное мышление исходит из представления о том, что нет нерешаемых проблем. Есть проблемы нерешенные, и позитивно мыслящий человек думает над тем, каким образом их решать. Негативное мышление, в свою очередь, базируется на негласном постулате, что «все плохо» и ничего с этим не поделаешь. Есть даже такой афоризм: позитивно мыслящий человек ищет способы решить проблему, а негативно мыслящий ищет доводы, почему эту проблему решить невозможно.

В каждом человеке заложены возможности как позитивного мышления, так и негативного. Выбор зависит от многих факторов – начиная от полученного образования и воспитания и кончая эмоциональным состоянием в конкретный момент. Мы, евреи, традиционно считаем себя склонными к негативному мышлению: на этот счет у нас есть множество анекдотов – про «радость худших вариантов», про еврейскую маму, волнующуюся за ребенка по поводу и без повода, про сына, отправляющего домой телеграмму: «Можете начинать беспокоиться, подробности письмом»...

Вероятно, эта повышенная возбудимость, склонность преувеличивать грозящие опасности являются частью нашей национальной ментальности. Кстати, она прекрасно уживается с традиционным еврейским оптимизмом. На этот счет тоже есть анекдот о еврее-оптимисте, вечно ходившем с похоронным видом: когда его спросили, как это объяснить, он ответил вопросом: «А вы думаете, легко быть оптимистом?»

Однако вера в Б-га дает человеку настрой именно на позитивное мышление. В конце прошлого года были опубликованы данные американских социологов, которые с цифрами в руках доказали, что верующие люди лучше переживают экономический кризис. Авторы доклада считают: религия помогает сохранять психологическую устойчивость перед лицом испытаний. Верующий человек знает, что все проблемы преодолимы с Б-жьей помощью – и поэтому никогда не отчаивается.

Яркий пример позитивного мышления преподал нам Алтер Ребе. Рассказывают, однажды ему пришлось уехать из дома, и в его отсутствие еженедельную главу Торы

читал кто-то из его учеников. Это был раздел «Ки таво», где перечисляются проклятия на еврейский народ, если он отступится от Торы. Двенадцатилетний сын Алтер Ребе, вернувшись из синагоги, был так потрясен, что заболел, и даже неясно было, сможет ли он держать пост в Йом Кипур. «Почему ты именно сейчас так огорчился, ведь ты уже не раз слышал этот раздел Торы?» – спросили его. «Да, но прежде его читал отец, а в его голосе я не слышал проклятий», – отвечал ребенок.

Верующие знают, что проблемы человек создает себе сам. В какой-то момент люди поступали неправильно, допускали ошибки, совершали грехи – и в результате оказались в тяжелой жизненной ситуации. Чтобы выбраться из подобной ситуации, решить свои проблемы, приходится действовать. А чтобы действовать – нужно прежде всего мыслить позитивно. Бааль-Шем-Тов учит: «Там, где находится мысль человека, там и он сам».

Для верующего человека мысль вещественна, она способна изменить мир. Точно так же мысль способна изменить отношения между людьми. Если мы мыслим негативно – думаем о человеке, что он плохой и ничего с этим нельзя поделать, – он будет по отношению к нам вести себя плохо. Если негативно мыслящий человек будет все время говорить своему непослушному ребенку, что он плохой, – характер ребенка от этого не улучшится, он так и останется непослушным. А человек, мыслящий позитивно, рано или поздно найдет способ повлиять на ребенка и так с ним договориться, что тот начнет прислушиваться к советам родителей.

Когда к третьему Ребе, Цемах Цедеку, приходили евреи и начинали жаловаться на болезни, на бедность, на проблемы в семье, Ребе всем давал совет на идише: «Трахт гут вэт зайн гут». То есть думай хорошо, и все будет хорошо. Это наиболее яркое проявление позитивного мышления: надо не жаловаться и не стенать по поводу «плохой жизни», а смотреть на жизнь как на вещь изначально прекрасную, на возникающие же трудности и проблемы – как на поддающиеся решению.

В настрое на позитивное мышление важная роль принадлежит молитве. Когда человек молится – он просит Б-га о помощи в решении проблем, то есть заранее признает, что любая проблема может быть решена с Б-жьей помощью.

Классический пример мы видим в Мегилат Эстер. В какой-то момент из-за происков злодея Амана евреи оказались под угрозой полного истребления. Казалось бы, все обстоятельства складывались в пользу негативного мышления, выход не просматривался. Что же сделали евреи? Весь народ начал молиться. Евреи просили Б-га о помощи и одновременно получали мощный заряд позитивного мышления, настрой решить проблему. Вплоть до того, что Мордехай в это время учил детей законам о Храме – он был уверен не только в том, что народ будет спасен, но и в последующем возвращении в Страну Израиля! И тогда Б-г предоставил Эстер возможность разоблачить Амана, сорвать его планы и спасти евреев.

Мы видим, что слова третьего Ребе – «думай хорошо и все будет хорошо» – приобретают дополнительный оттенок смысла: «Думай о том, чтобы сделать хорошо – и с Б-жьей помощью все будет хорошо».

НАПЕРЕКОР ВСЕМУ

Борьба ребе Йосефа-Ицхака Шнеерсона за сохранение религиозной жизни в СССР

יְאֹדֶי אֶבְרִיָאִים

Как-то весной 1920 года пятый Любавичский Ребе, Шолом-Дов-Бер Шнеерсон, подошел к окну своего ростовского дома – взглянуть, что за шум слышен в городе, совсем недавно занятом большевиками. По улице двигалась очередная демонстрация трудящихся с флагами и транспарантами, которые угрожали «беспощадной гибелью» врагам новой власти. Посмотрев на это, Ребе отвернулся и грустно сказал: «Нет, я с этими на одном свете не уживусь».

Йосеф-Ицхак Шнеерсон

Его слова оказались пророческими. Через две недели, 21 марта 1920 года, ребе Шолом-Дов-Бер скончался. Его сменил сын, шестой Любавичский Ребе, Йосеф-Ицхак Шнеерсон.

Состояние религиозного еврейства тогдашней России было плачевным. Мир Торы столкнулся одновременно с двумя угрозами, внешней и внутренней: политикой советского государства, стремившегося железной рукой искоренить в стране «религиозный дурман» и «мракобесие», и массовым энтузиазмом, вызванным в широких еврейских массах перспективой участия в построении светлого будущего, которое обещали большевики.

К этому времени российское еврейство было измучено шестилетними бедствиями империалистической войны, переросшей в войну гражданскую, – массовым изгнанием еврейского населения прифронтовой полосы, бесконечными погромами, болезнями, голодом... У тех, кто сохранил верность традиции, часто попросту не было сил, чтобы вступить в борьбу, требовавшую огромной энергии и немалого мужества. Поэтому неудивительно, что секуляризация и ассимиляция советского еврейства довольно быстро приняли стремительный и необратимый характер.

Многие религиозные лидеры пришли в тот момент к неутешительному выводу, что история религиозного еврейства в России близка к концу, а у русских евреев,

желающих сохранить веру предков, есть только один выход – как можно скорее бежать из коммунистического рая. Поэтому сразу по окончании Гражданской войны начался массовый исход религиозного еврейства. Только в 1921 году Россию покинули выдающиеся раввины: рав Моше Соловейчик со всей семьей (включая 18-летнего сына, будущего главу Ешива-Университи рава Йосефа-Дова); рав Исраэль-Меир Пупко, более известный как Хафец Хаим – по названию своего труда, с учениками; главы нескольких хасидских дворов – Рохмистровский ребе, Сквирский ребе, Трисский ребе и т. д.

Один из «эмигрантов», Хафец Хаим, решил покинуть Россию после того, как местные власти заставили студентов его ешивы работать в субботу. Это грубое посягательство на свободу совести так потрясло раввина, что он вынес постановление: эмиграция из Совдепии – заповедь, равноценная спасению жизни (пикуах нефеш). Поэтому в случае необходимости можно даже нарушить субботу ради того, чтобы уехать из России.

На протяжении своей нелегкой жизни рав Йосеф-Ицхак Шнеерсон не раз проявлял способность действовать независимо от мнения большинства. К примеру, уже покинув Россию, он послал своего зятя и будущего преемника рава Менахема-Мендла получать высшее образование – тогда как большинство восточно-европейских раввинов вздрагивали при слове «университет». В описываемой ситуации он также пошел своим путем, приняв решение остаться в России и работать здесь.

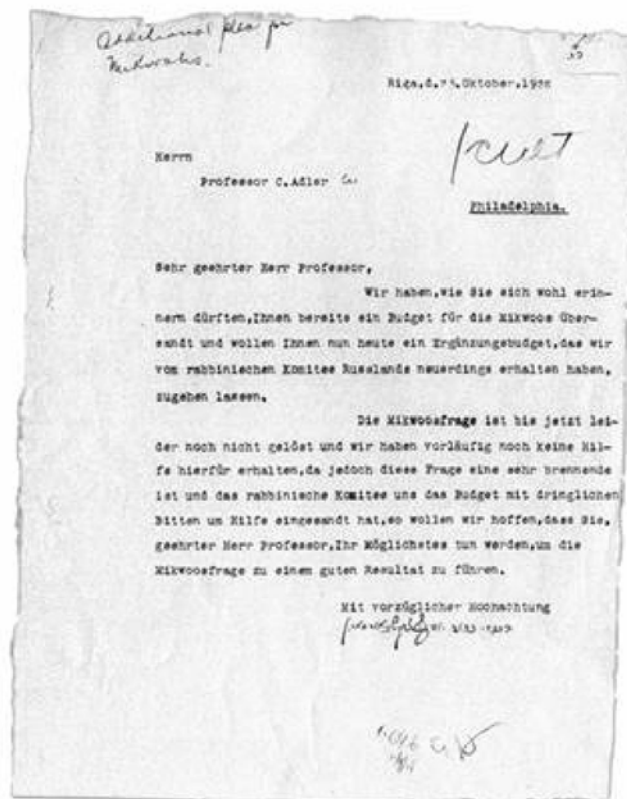
Глядя на происходящее реалистически, Ребе Раяц не мечтал об изменении государственной политики в СССР. Он поставил перед собой и своими соратниками более скромную задачу: помочь выжить тем, кто, несмотря ни на что, остался верен религии своих предков.

Впрочем, даже эта довольно скромная цель на первых порах казалась недостижимой, в первую очередь из-за отсутствия средств. Российские общины были обескровлены, имущество дореволюционных миллионов-меценатов национализировали большевики. Поэтому во многих местах не было денег, чтобы содержать синагогу, микву или хедер.

Осознав бедственное положение российского еврейства, рав Шнеерсон решил: «заграница нам поможет». Прежде всего он, естественно, обратился к религиозным организациям – ортодоксальной партии «Агудат Исраэль» и федерации ортодоксальных раввинов США «Агудат а-рабаним». Ни те ни другие не откликнулись на его просьбу. Однако рава Шнеерсона это не обескуражило. Не получив помощи от ортодоксальных собратьев, он обратился к светским организациям. В 1924 году он начал переговоры с Йосефом Розеном, представителем «Джойнта» в Москве. Эти переговоры завершились весьма успешно – на протяжении последующих лет «Джойнт» регулярно перечислял Комитету раввинов, возглавляемому равом Шнеерсоном, десятки тысяч долларов: в 1925-м – 18 тыс., в 1926-м – 34 тыс., в 1927-м – 25 тыс. Кроме того, значительные суммы выделялись для подготовки к празднику Песах.

Получив в распоряжение столь значительные средства, рав Шнеерсон развернул бурную деятельность во всесоюзном масштабе. Большая часть полученных сумм тратилась на поддержание еврейской инфраструктуры – синагог, боен, пекарен и т. д. – и на еврейское образование. Ему рав Шнеерсон уделял особое внимание, прекрасно понимая, что без него религиозное еврейство полностью исчезнет. Поэтому львиная доля всех средств расходовалась на подпольные хедеры и ешивы, самыми крупными из которых были центры религиозного образования в Минске (митнагедский) и Невеле

(хасидский), носившие название «Бейт-мидраш ле-рабаним ве-шохтим» («Бейт-мидраш для подготовки раввинов и резников»). Это было грандиозным нововведением – традиционные ешивы никогда не готовили специалистов по ритуальному забою скота. Однако Ребе Раяц прекрасно понимал: в условиях не прекращавшихся большевистских гонений необходимо, чтобы как можно больше будущих «служителей культа» умели, в случае необходимости, сами обеспечить общину кошерным мясом.

Письмо Ребе Раяца профессору Ц. Адлеру с просьбой о выделении средств на строительство микв в Советском Союзе

Согласно отчету 1928 года, денежную помощь получали двенадцать ешив (620 студентов) и хедеры двадцати двух различных общин (4200 учеников). Финансирование ешив осуществлялось из расчета 25 рублей на студента (в невельской ешиве – 50 рублей), плюс зарплаты преподавателям. Хедеры получали по пять рублей на ученика.

По статье «образование» финансировались также попытки переиздать хотя бы самые необходимые еврейские книги. Некоторые из этих проектов увенчались успехом – так, в 1926 году был выпущен молитвенник. Однако попытка издать на следующий год Пятикнижие закончилась неудачей.

Впрочем, у организации были и другие расходы – например, на оказание юридической помощи религиозным евреям. В те годы раввины, меламеды, резники и другие «служители культа» нередко страдали от преследований местных властей. Для оказания им необходимой юридической помощи Ребе принял решение создать специальное юридическое бюро во главе с известным адвокатом Оринсоном. Это бюро договаривалось с адвокатами, готовыми защищать в суде меламедов и других еврейских религиозных деятелей. При этом распространенным методом было обжалование решения

местного суда в суде более высокой инстанции, вплоть до судов высшей инстанции в Москве.

Одним из важнейших шагов, предпринятых Ребе и его единомышленниками на юридическом поприще, стало обращение в Центральную юридическую консультацию с вопросом, разрешает ли советское законодательство обучать детей религии в частном порядке. Консультация дала официальное разъяснение, что закон разрешает приватное обучение в частных домах, в группах по 5–6 детей, не более. По распоряжению Ребе нотариально заверенные копии справки были разосланы в десятки общин, чтобы те ссылались на нее, если местные власти предпримут попытки закрыть хедер или ограничить деятельность меламеда.

Защищая права религиозных евреев, Ребе предполагал, что все мероприятия, направленные против еврейской религии, инициированы пресловутой Евсекцией – Еврейской секцией ВКП(б), действующей гораздо активнее, чем того требовали центральные власти. Это убеждение он сохранил и после ареста и вынужденного отъезда из СССР. Так, выступая в 1927 году в Риге, Ребе заявил: «Все действия против нас исходят не от центральных властей, а только от Евсекции. Они используют незаконные средства для борьбы с религией. Между тем меламед работает по закону, и местные власти его не трогают, если евсеки не донесут на него, что он контрреволюционер, спекулянт и т. д». Поэтому Ребе и его представители нередко обращались к первым лицам советского государства, жалуясь на произвол на местах.

Иногда эта тактика оказывалась вполне эффективной. К примеру, в 1923 году Министерство юстиции предложило изменить 121-ю статью уголовного кодекса, объявив групповое преподавание религии противозаконным. Узнав об этом, Ребе инициировал обращение к зампреду ВЦИК Льву Каменеву с просьбой не допускать столь явного нарушения закона о свободе совести. Как ни странно, советские функционеры прислушались к этим доводам. Статья УК осталась без изменений.

Несмотря на щедрую помощь из-за границы, рав Шнеерсон понимал, что невозможно содержать на эти деньги все религиозное еврейство страны. Следовало изыскать возможность для того, чтобы верующие евреи зарабатывали на хлеб в условиях новой социалистической действительности.

В 1923 году Ребе опубликовал специальный документ, посвященный экономическим перспективам советского еврейства. Всесторонне рассмотрев ситуацию, он пришел к выводу, что у верующего еврея есть три пути: государственная служба (включавшая после национализации большинство крупных производств), сельскохозяйственная колонизация и кустарные промыслы. Первый вариант казался Ребе совершенно неприемлемым: во-первых, работая на госпредприятии, невозможно соблюдать субботу, а во-вторых, длительное пребывание в одном коллективе с неевреями неизбежно приведет к смешанным бракам и ассимиляции. Идея сельского труда также не вызвала у него энтузиазма. Прежде всего, большинство евреев были физически и психологически не готовы к тяжелому сельскохозяйственному труду, а кроме того, создание колоний требовало значительных затрат, которые с большой долей вероятности никогда не окупились бы.

Оставался последний вариант – кустарные промыслы и мелкая торговля. Ребе считал этот вариант наилучшим для религиозных евреев. Во-первых, создание небольшой мастерской не требовало значительных средств. Во-вторых, ремесленный труд позволял еврею остаться в местечке с его традиционным укладом, а не искать счастья в большом

городе, где ему было бы очень трудно противостоять разнообразным соблазнам. И наконец, главное – работая на дому или в своей мастерской, ремесленник сам решал, когда трудиться и когда отдыхать. Соответственно, исчезала проблема соблюдения субботы.

Синагога и двор еврейской школы. Минск. Начало XX века

Впоследствии Ребе неоднократно возвращался к идее организовать кустарное производство для религиозных евреев. В частности, он требовал, чтобы благотворительные организации, работавшие в России, выделяли необходимые средства на ремесленные школы и покупку инвентаря для небольших мастерских.

Многочисленные планы Ребе невозможно было реализовать в одиночку. Следовало подумать о создании единой централизованной организации, которая занималась бы распределением средств и координацией. Такая организация была создана в 1922 году, когда конференция раввинов, собравшихся в Москве по инициативе Ребе, приняла решение об учреждении организации Ваад рабаней СССР (Совет раввинов СССР). Председателем Совета был избран сам рав Шнеерсон, а секретарем – Шломо-Йосеф Зевин, раввин из Новозыбкова.

Созывая конференцию, Ребе был вынужден действовать через голову городского раввина Шмуэля Рабиновича, который решительно возражал против этой идеи, опасаясь репрессий со стороны властей. К мнению московского раввина присоединились его петроградские коллеги, в частности раввин Каценеленбоген, потративший много усилий на борьбу с любавичским хасидизмом вообще и с Ребе в частности. Однако Ребе это не остановило. В конце концов ему удалось создать эффективный центральный орган, годами координировавший религиозную жизнь советского еврейства.

Однако главным человеческим ресурсом Ребе стали члены «Агудат тмимим» – ассоциации выпускников ешивы «Томхей тмимим», созданной им еще в 1917 году. В 1922 году Ребе назначил восьмерых тмимим своими региональными координаторами. При этом каждый из них дал клятву «посвятить Торе всю нашу жизнь, до последней капли крови». Еще четверо тмимим были назначены своего рода порученцами (ауфруферами), регулярно навещавшими различные общины как посланцы центра.

Тем самым стали глазами, ушами и руками Ребе на местах. Именно благодаря их усилиям открывались подпольные хедеры и ешивы, содержались миквы и синагоги... Через них центр передавал на места деньги и указания и осуществлял контакты с религиозными активистами, нередко действовавшими в условиях подполья.

Ребе высоко ценил своих «гвардейцев» и настаивал, чтобы они, несмотря ни на что, продолжали работать в России. В 1925 году один из эмиссаров обратился к Ребе с просьбой разрешить ему уехать в Палестину, мотивируя это тем, что в Советской России слишком сложно соблюдать заповеди и противостоять ассимиляции, из-за чего даже его собственные дети отошли от религии. Ребе категорически запретил ему думать об эмиграции, решительно заявив, что его место – здесь, среди евреев России.

Усилия Любавичского Ребе, направленные на сохранение еврейской традиционной жизни, так насторожили власти, что летом 1927 года он был арестован и приговорен к смерти. Этот приговор ему заменили десятилетней ссылкой на Соловки, однако ограничились высылкой в Кострому, после чего выслали из страны.

Каковы же практические результаты титанических усилий рава Шнеерсона? Нетрудно заметить, что все его проекты были полностью ориентированы на религиозные и политические реалии нэпа. Тогда многие предполагали, что этот режим установился надолго, а если изменения и произойдут, то в сторону дальнейшей реставрации^[1]. Однако история, как известно, пошла иным путем.

В изменившихся условиях старые решения оказались нерелевантными. В 1929 году власти принудительно объединили всех кустарей в государственные кооперативы. Тех, кто упрямился, объявляли «лишенцами» (что означало не только поражение в гражданских правах, но и лишение продовольственных карточек, нередко – выселение из занимаемых квартир). Тем самым была практически загублена идея масштабной «альтернативной экономики», позволяющей евреям соблюдать субботу.

Раби Йосеф-Ицхак Шнеерсон на пароходе «Драттингаулм»

В 1930 году в стране началась новая кампания против духовенства, жертвой которой стали и многие еврейские «служители культа» – раввины, меламеды, канторы, резники. Попавшие в черный список становились «лишенцами». Это привело к тому, что многим религиозным людям пришлось искать себе другое занятие.

Изменившийся политический климат привел к прекращению заграничной финансовой помощи. Многие общины оказались без средств, вследствие чего началось массовое разрушение еврейской инфраструктуры: закрытие синагог и микв, отказ от услуг канторов, резников и т. д.

В конце 1920-х годов ГПУ обнаружило и разгромило крупнейшие подпольные ешивы. В 1929 году был закрыт «Бейт-мидраш ле-рабаним ве-шохтим» в Невеле, а еще через год прекратила существование минская ешива рава Давида Цимбалиста.

В борьбе с идеологическими противниками главным оружием большевиков традиционно были репрессии, резко усилившиеся одновременно со сворачиванием нэпа. Их жертвами стали тысячи еврейских активистов. Некоторые из них «отделались» тюрьмой и ссылкой, однако многим не удалось избежать смертного приговора.

Таким образом, к концу 1930-х годов коммунисты разрушили почти все, что было создано Ребе в годы нэпа. Однако означает ли это правоту его оппонентов, утверждавших, что работа в Советской России бесперспективна и все религиозные евреи должны думать только об эмиграции? Кажется, этот вывод поспешен.

Профессор Г. Бранновер, вернувшийся к вере предков в начале 1960-х годов, писал:

«Куда бы я ни приезжал – в столицы или в захолустные дыры, – если удавалось найти хоть остатки чего-то еврейского: миньян (молитвенное собрание в частном доме), микве (бассейн для ритуального омовения), меламеда, обучающего детей, шалаш-сукку во время осеннего праздника Суккот, – после расспросов выяснялось, что все это – заслуга одного или двух “одержимых” хабадников. Иногда даже оказывалось, что хабадника этого уже нет в городе с десятков лет, но заведенный им порядок все еще действует. Так повторялось в России, Белоруссии, Закавказье и Средней Азии» (Герман Бранновер «Возвращение»).

Если в этих словах и есть преувеличение, то не слишком большое. Поскольку, несмотря на потери, отступления и поражения, именно посланники рава Шнеерсона и их ученики стали главными хранителями и «передатчиками» традиции в СССР.

Так что кто знает, стало ли бы возможным нынешнее религиозное возрождение русскоязычного еврейства, если бы не самоотверженная деятельность рава Шнеерсона и его последователей в 1920-х годах...

[1] См., напр.: Владимир Жаботинский «Черная сотня»; Василий Шульгин «Три столицы. Воспоминания».

ПОЧЕМУ БЫЛ РАЗРУШЕН ВТОРОЙ ХРАМ?

Аאאא אא אאאא

Каждому, кто хоть немного знаком с еврейской традицией, вопрос, вынесенный в заголовок, может показаться странным. Зачем спрашивать о том, что известно даже ребенку: «Из-за чего был разрушен Первый храм? Из-за трех грехов: идолопоклонства, разврата и кровопролития. Из-за чего же был разрушен Второй храм, во время существования которого занимались Торой, соблюдали заповеди, делали добрые дела? Из-за беспричинной вражды между евреями, которая – как три греха, вместе взятые: идолопоклонство, разврат и кровопролитие» (Вавилонский Талмуд, Йома, 9б).

Этот талмудический ответ ежегодно повторяют во время уроков и выступлений. Он приводится как в бесчисленных популярных брошюрах, так и в серьезной литературе, посвященной еврейским траурным датам. При этом обычно его иллюстрируют замечательной историей из трактата Гитин (56б) «О Камце и Бар-Камце».

На первый взгляд этот талмудический рассказ напоминает гоголевскую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Однако если прочесть эту историю чуть более внимательно, то мы увидим, что речь в ней идет отнюдь не только о «беспричинной вражде». И что, по мнению мудрецов Талмуда, разрушение Храма было вызвано и другими причинами:

Предание от рабби Йоханана: <...> Из-за Камцы и Бар-Камцы разрушен был Иерусалим... Некий человек имел друга по имени Камца и врага по имени Бар-Камца.

Однажды, устроив пир, человек этот сказал своему слуге:

– Иди и скажи Камце, что я приглашаю его на пир.

Слуга по ошибке пригласил Бар-Камцу. Войдя в пиршественную залу и увидя Бар-Камцу среди гостей, хозяин, обращаясь к нему, сказал:

– Ведь ты враг мне. Место ли тебе здесь? Встань и уйди.

– Прошу тебя, – сказал Бар-Камца, – так как я уже нахожусь здесь, позволь мне остаться. Я готов заплатить стоимость всего, что съем и выпью на твоём пиру.

– Я на это не согласен, – ответил хозяин.

– Я уплачу половину стоимости всего пира.

– Не желаю.

– Уплачу все, сколько пир стоит.

– Нет! – решительно сказал хозяин и, схватив гостя за руку, заставил его встать и удалиться.

(Здесь и далее трактат Гитин цитируется по книге «Агада» Бялика и Равницкого; перевод Фруга.)

До этого момента повествование полностью соответствует теме «беспричинной вражды». Однако дальше появляется новая линия. Выгнанный с пира и опозоренный, Бар-Камца, как ни странно, обиделся вовсе не на хозяина дома: «При нанесенной мне обиде, – сказал себе Бар-Камца, – присутствовали просвещеннейшие люди города и не заступились за меня, – они, следовательно, рады моему унижению. Хорошо же, пойду с доносом на них к кесарю».

Иными словами, своими главными обидчиками Бар-Камца счел мудрецов, присутствовавших на пиру. По его мнению, если бы мудрецы вмешались в происходящее и попытались объяснить хозяину неправомочность его действий, то, возможно, в конце концов все сложилось бы иначе и он не подвергся бы публичному унижению. Однако мудрецы хранили молчание – потому, решил Бар-Камца, они не видят ничего ужасного в том, что у них на глазах один еврей беспричинно унижает и оскорбляет другого.

После этого неудивительно, что за свое оскорбление Бар-Камца решил отомстить не хозяину, но всем евреям.

Явившись к кесарю, Бар-Камца сказал:

– Государь! Евреи изменили тебе.

– Чем ты докажешь это? – спросил кесарь.

– Пошли им, – ответил Бар-Камца, – жертвоприношение, и увидишь, принесут ли они жертву твою.

Послал кесарь через него же трехлетнего тельца. В дороге Бар-Камца сделал тельцу повреждение на верхней губе (по другому преданию – в роговой оболочке глаза), что делало животное неприемлемым для жертвоприношения.

Расчет Бар-Камцы был точен. Хотя по еврейским законам бык стал непригодным для жертвенника, с точки зрения римлянина повреждения были столь незаметны и незначительны, что не делали жертву ущербной. Так что отказ принести его в жертву, безусловно, был бы воспринят как неуважение к императору.

Кстати, интересно отметить, что агада основывается на реальных исторических событиях. Как свидетельствует Иосиф Флавий («Иудейская война» II, 17:2), Великое восстание действительно началось с отказа евреев принять жертву от императора Нерона.

Однако вернемся к нашей агаде. Бар-Камца принес животное в Храм, и священники обнаружили в нем порчу. Они знали, чья это жертва, и встали перед дилеммой: следует ли, невзирая на увечье, принести жертву, как того требует политическая ситуация, или отвергнуть ее. Священники обратились с этим вопросом к законоучителям, и те решили: отношения между римским императором и его еврейскими поданными таковы, что нужно руководствоваться миротворческими соображениями. Однако рабби Зхарья воспротивился такому решению, указывая, что оно может стать опасным прецедентом:

Держали ученые совет, и решено было: ради царя принять тельца для жертвоприношения. Восстал против этого рабби Зхарья бен Евколос:

– Это, – сказал он, – может создать в народе мнение, что вообще животные с телесным изъяном могут быть приносимы в жертву.

Пришли к решению – казнить Бар-Камцу, дабы он не стал доносить о деле этом кесарю. И тут противником общего мнения выступил рабби Зхарья:

– Утвердится мнение, – сказал он, – что казни подлежит всякий, кто причинит жертвенному животному повреждение.

Тогда законоучители задумали убить Бар-Камцу, так как своими действиями он ставил еврейское население под удар. Вдобавок ко всему он заслуживал смерти как доносчик. Рабби Зхарья выступил и против этого решения: люди подумают, будто Бар-Камцу приговорили к смерти за то, что он испортил жертву. Истинную же причину смерти Бар-Камцы нельзя будет огласить, чтобы римский император не узнал о том, что его жертву отвергли.

Поведение рабби Зхарьи в данном случае вполне понятно, особенно если мы вспомним, что в то время Устная Тора действительно была устной. Поэтому основным источником Алахи были, прежде всего, прецедентные решения отдельных мудрецов. И в случае принятия решения, истинные причины которого не могли быть оглашены и которое не соответствовало букве Закона, существовала реальная опасность, что последующие поколения, не знающие всех обстоятельств дела, примут исключение за правило – и таким образом закон будет извращен.

Однако проблема заключалась в том, что следствием буквального соблюдения закона в этом случае стала бы война с могущественной Римской империей – война, чреватая множеством бедствий, грозящая общенациональной катастрофой. Поэтому, решая, как поступить с доносчиком Бар-Камцой (или с покалеченным им тельцом), рабби Зхарье фактически предстояло решить, что для него важнее – забота о букве Закона или о будущем народа. И рабби Зхарья выбрал первое.

Как отреагировали на это мудрецы того поколения, в Талмуде не сказано. Судя по тому, что последовало дальше, рабби Зхарье удалось убедить своих коллег. Зато в Талмуде однозначно сказано, что думали об этом мудрецы, жившие уже после разрушения Храма: «По поводу этого рабби Йоханан говорил: смирение рабби Зхарьи бен Евколоса привело к разрушению нашего Храма, сожжению Святилища и изгнанию народа из родной земли».

То есть, по мнению рабби Йоханана, причиной разрушения Храма стала неспособность рабби Зхарьи (и других мудрецов того поколения?) правильно оценить приоритеты, определить главное и второстепенное.

Разрушение Иерусалима римлянами. Дэвид Робертс. 1850 год

Как мы видели, Бар-Камца стал предателем, обидевшись на мудрецов за то, что они оказались неспособны заступиться за невинно обижаемого человека. Разумеется, мнением доносчика можно пренебречь. Однако рабби Йоханан тоже предъявляет обвинения мудрецам того времени. И от его слов отмахнуться уже невозможно.

История Камцы и Бар-Камцы – далеко не единственный талмудический текст, упрекающий духовных лидеров того поколения в неверной системе религиозных приоритетов. Приведем еще одну похожую историю из трактата Йома (23а), рассказывающую о своеобразном «спорте», популярном среди молодых священников той эпохи – бежать наперегонки к жертвеннику, чтобы в качестве «приза» получить право совершить жертвоприношение.

«Рассказывают о двух священниках, которые наперегонки бежали к жертвеннику вознести жертву. И один из них обогнал другого на четыре локтя. Тогда второй достал нож и ударил первого в сердце. Вышел отец убитого и сказал: Братья мои, я нашел для вас искупление! Ведь мой сын еще агонизирует, а значит, нож в ране остался ритуально чистым!»

Поскольку в наши дни законы ритуальной чистоты неизвестны большинству наших читателей, поясним, о чем идет речь. Мертвое тело – источник ритуальной нечистоты (тума). Поэтому нож, извлеченный из трупа, а значит, ритуально нечистый, не может быть использован для жертвоприношения. Если же человек еще жив, то нож, извлеченный из его раны, остается ритуально чистым.

Иными словами – отца убитого меньше взволновало то, что сына зарезали у него на глазах, чем то, что из-за нелепого убийства жертвенный нож станет непригоден для ритуала. Поэтому, увидев, что сын агонизирует, и, значит, нож еще ритуально чист, он счел инцидент исчерпанным («Братья мои, я нашел для вас искупление»). Иными словами, можно спокойно продолжать жертвоприношение!

Похоже, редакторов Талмуда, записавших эту историю, тоже несколько шокировала подобная «иерархия ценностей». Поэтому они ограничились лишь одним коротким, но красноречивым комментарием: «Из этого мы видим, что осквернение ножа было тогда для них большим горем, нежели кровопролитие».

Таким образом, данная история хорошо гармонирует с тем, что мы знаем из рассказа о Камце и Бар-Камце: многие религиозные лидеры эпохи Второго храма считали

приоритетами то, что привело впоследствии к национальной трагедии. Не этика и человеческая жизнь были высшим приоритетом для многих религиозных лидеров той эпохи. Куда важнее было для них совсем другое – страх ошибиться при передаче Закона или ритуальная чистота жертвенного ножа.

В свое время Гилель так сформулировал «основной принцип» еврейской религии: «Не делай другому того, что ненавистно тебе» (Вавилонский Талмуд, Шабат, 31а). К сожалению, у многих духовных руководителей того поколения принципы оказались несколько иными. И, по мнению мудрецов последующих поколений, именно это стало одной из причин того, что Храм был разрушен, а еврейский народ изгнан со своей земли.

МИРОВОЙ КРИЗИС И ЕГО ПРИЧИНЫ

Yéuḡai ai - Aoi ai Aaiḡidi ai

На наших глазах быстро развивается новый экономический кризис, захватывая одну страну за другой. Нечто подобное уже было в мире: в 1929 году – так же, как и теперь, – в США начался мировой экономический кризис, стремительно распространившийся по всем европейским странам. Из-за него множество людей потеряли сбережения, обнищали, миллионы рабочих лишились работы и остались практически без средств к существованию. Но нынешний кризис может быть гораздо опаснее, так как экономическое благосостояние подавляющего количества стран зависит сейчас от экономики США значительно больше, чем прежде.

Как должен еврей – и нееврей – смотреть на новое бедствие, грозящее всему миру? Верящему в Провидение следует понять: ничто не происходит в мире случайно, первопричина и главный фактор всего – воля Творца. Рабби Исраэль Бааль-Шем-Тов учил: из всего, что видит и слышит еврей, он обязан извлекать урок для своего служения Всевышнему.

Какой же урок можно извлечь из нынешнего экономического положения? Это объясняет рабби Э.-Б. Вассерман в своей статье о первом мировом кризисе, вскрывая его духовные причины и делая выводы, которые необходимо принять к сведению всем сынам еврейского народа.

«Вот, наказаны мы...»

Так что же актуальнее сегодня, чем великий кризис, ударивший по всему миру? Все ищут самые разнообразные средства для того, чтобы устоять перед кризисом, и строят самые разнообразные планы выхода из него, но все тщетно. Попытаемся и мы поразмыслить об этом кризисе и его причинах – однако в соответствии с воззрением Торы, ибо она, как основополагающее учение о сотворении мира, объемлет все, что в нем происходит.

Для человека естественно приписывать своим заслугам все, чего он достиг: богатство, славу и пр. Он считает, что обязан этим своим способностям. Как говорит Тора: «...сила моя, крепость моей руки добыли мне все это добро» (Дварим, 8:17). Напротив, когда человека постигает беда, когда дела его катятся под уклон, он, падая с достигнутой им высоты, ищет причину в поступках других людей и во внешних обстоятельствах.

Именно это мы сейчас наблюдаем в мире. Очень многие убеждены, что постигшее их бедствие вызвано только внешними причинами, от них не зависящими, и в своих бедах и страданиях обвиняют других. Однако Тора придерживается на этот счет совсем иного мнения: человек должен искать в себе источник всех происходящих с ним неприятностей. Такой взгляд отражают слова сынов Яакова, оказавшихся в Египте перед лицом грозной опасности из-за преследований «второго в царстве» – не узанного ими Йосефа. Они тотчас признали: «Вот, наказаны мы!..» (Берешит, 42:21). Они знали: причина того, что происходит с ними, не злобный характер «второго в царстве» и не что-то иное – нет, они сами навлекли на себя эту беду. Они понимали, что эта беда – не случайное стечение обстоятельств. Поэтому без колебаний воскликнули: «Что это Б-г

сделал нам?!» (Берешит, 42:21) – ибо не сомневались, что только Всевышний устанавливает причины всех событий.

Мировой кризис – не следствие каких-то причин, а причина очевидных для нас следствий

«Дистанция огромного размера» пролегает между двумя указанными выше подходами. Не находя истинной причины, беду соотносят с причиной предполагаемой и ищут средства для ее устранения. Однако мы видим, что на практике это ничуть не помогает.

«Множество посланцев у Вездесущего» (Раши к Шмот, 16:32). Если Всевышний намерен осложнить жизнь людей новыми проблемами и ставит перед ними новые препятствия, у Него достаточно средств сделать это. Если на Небесах решают, что на земле должен разразиться экономический кризис, то вовсе не земные причины вызывают его, а только Небесный вердикт. Именно им сформированы всевозможные земные причины и их развитие в определенном направлении. Люди же в своем ослеплении принимают эти причины за факторы бедствия, не желая понять, что на самом деле они – следствия кризиса, уже созданного на Небесах.

Но: «Будет ли похваляться топор перед тем, кто им рубит?..» (Йешаяу, 10:15).

Нужно искать истинную причину кризиса

Самое главное – понять суть события и поставить ситуацию, возникшую на земле, в зависимость от причины, по которой на Небесах решили изменить положение, до сих пор царившее в мире, и осознать, что фактор, вызвавший эту причину, – наше неправильное поведение, наши неверные поступки. И мы обязаны приложить все усилия к тому, чтобы исправиться.

То есть мы не имеем права бездумно следовать за теми, кто выдвигает мнимые, искусственные причины постигших нас бед. Нам надлежит широко раскрыть глаза и увидеть, откуда надвинулась туча, омрачившая мир.

«Квинтэссенция» кризиса – отсутствие доверия одних людей к другим

Для начала следует углубиться в земной смысл кризиса: увидеть, в чем его суть. Прежде чем назначить лекарство, необходимо поставить правильный диагноз.

Мир считает, что суть кризиса – катастрофический недостаток денег. Все – и отдельные люди, и общество в целом, и правительства разных стран – сейчас страдают от бедности. Однако стоит только взглянуть получше, и станет ясно, что этот поверхностный вывод не соответствует действительности. Конечно, в принципе, может возникнуть ситуация, при которой какой-то отдельный человек обнищает; иногда это происходит и с целым городом, и даже со всей страной – если по каким-то причинам нарушается правильный кругооборот денежных средств, и они устремляются в какое-то другое место. Однако не может быть, чтобы весь мир обнищал! Ведь деньги не исчезли, удалившись в какой-то другой мир, и уничтожены тоже не были: они – здесь, но где именно?

Ответ на этот вопрос чрезвычайно прост. Львиная доля денежных запасов находится в руках отдельных миллионеров и в казне стран – но без движения. У людей исчезло доверие друг к другу, никто не соглашается предоставить другому кредит и тем самым обеспечить возможность продолжения торговли и ведения бизнеса. Экономический фундамент мира – это финансовый кругооборот: деньги должны переходить из рук в руки, через тысячи рук, чтобы осуществлялись торговые операции, брались и выплачивались займы и т. п. «...Мир строится на доброте...» (Теилим, 89:3), а «почему деньги называются зузами? Потому что они двигаются (зазим) от одного человека к другому» (Бемидбар раба, 22:7). Сила денег – именно в их движении. Когда «замораживают» огромные капиталы и боятся передать их в другие руки, они не приносят никому никакой пользы – в том числе и своему хозяину. Ведь деньги невозможно употреблять в пищу, в них нельзя одеваться; лишь переходя в другие руки, деньги выявляют свою ценность. Это – азбука экономической науки, но тут кроется и тайна всеобщей бедности, постигшей ныне мир.

В чем же причина кризиса доверия?

Причина кризиса – вовсе не недостаток денег, но недостаток доверия одних людей к другим, нехватка веры. Сразу напрашивается вопрос: почему в таком случае экономический мир постигла именно эта беда, почему люди перестали верить друг другу?

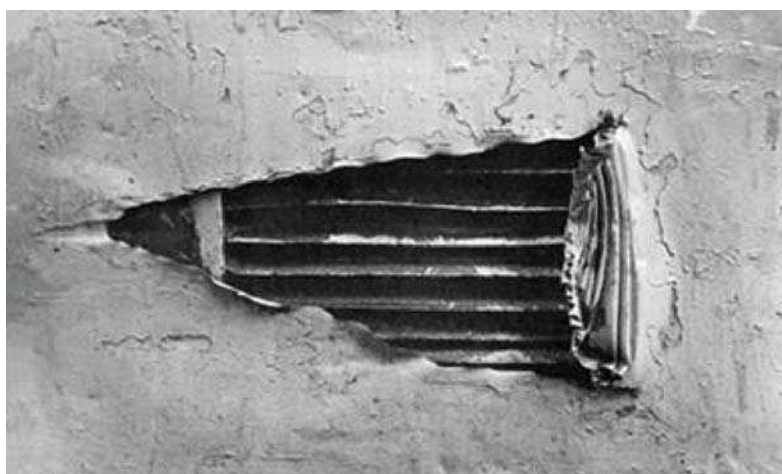
Когда у народа Израиля были пророки, они всегда заранее предсказывали, какое наказание придет за каждое нарушение Торы. Однако суть так называемых «наказаний» – вразумление и воспитание. «И познай своим сердцем, что так же, как наказывает человек своего сына, Г-сподь, Б-г твой, наказывает тебя» (Дварим, 8:5). Не побои главное, но исправление и улучшение поступков. Основное намерение отца – «...ради того, чтобы слышали (в смысле “поняли”), научились и стали бояться...» (Дварим, 31:12). Однако сегодня, когда нет у нас пророков, причину наказания мы можем понять по самому его характеру. Творец вселенной установил, что наказание должно производиться по принципу «мера за меру»: оно напоминает само преступление, оно – того же рода, что само преступление, и это позволяет нам понять, что именно мы должны исправить.

Потеря веры в Б-га – исчезновение доверия к людям

При последних поколениях мир погрузился в пучину безбожия, отвергнув веру во Всевышнего и Его Тору. Правда, дурное побуждение к идолопоклонству уничтожено [1], однако теперь вместо него набирает силу йецер безбожия, а он, согласно Торе, куда страшнее. Доказательство этого – факт, что за грех поклонения идолу судят в Сангедрине (Высшем суде Израиля), снимают показания со свидетелей, ищут их и вообще тщательно соблюдают все предписания, касающиеся уголовных преступлений; что же до безбожников и атеистов, то их «опускают, но не поднимают» (Авода зара, 26б) [2]. Как постановил Рамбам («Законы об убийце», 4:6; см. также Шульхан арух, разд. Йоре деа, 158, разд. Хошен мишпат, 425), на каждом человеке лежит долг устранивать их из нашего общества, не заботясь о том, есть у них свидетели защиты или нет.

Здесь – ключ к пониманию смысла мирового кризиса. Наказание – того же рода, что и преступление: вы потеряли веру в Творца вселенной и Его Тору, посредством которой Он управляет миром, поэтому вас лишили веры в честность людей и доверия к ним. Теперь смотрите сами: может ли мир управляться безверием?

«Любая кара приходит в мир только ради Израиля» (Йевамот, 63а) и также «ради невежд» (Бава батра, 8а). Бедствие – это не случайное явление, но предостережение и предупреждение Свыше, чтобы мы, евреи, задумались над происходящим и нашли, в чем именно заключается наш недостаток, ставший причиной беды.

Причины безверия

Однако пока еще непонятно: почему ныне мир поражен безверием больше, чем при других поколениях? Но и на этот вопрос мы находим ответ в Торе. Сказано в ней: «...и уйдете с пути, и приметесь служить другим богам...» (Дварим, 11:16) – и поясняет Раши: «Как только человек отходит от Торы, он сразу же пристает к идолопоклонству» – а безбожие, как было сказано, гораздо хуже, чем поклонение идолу.

Йецер ищет возможности отклонить человеческий разум и сердце от труда по изучению Торы. И если ему это удастся, то уже намного легче внедрить в душу всевозможные яды – особенно если они рядятся в одежды национализма, социализма и прочие.

Кризис доверия между людьми – следствие недостатка веры в Творца

Итак, главная причина мирового экономического кризиса – бунт людей против Небесной монархии, против власти Небес. Все остальные причины – второстепенны. Кризис вызван не недостатком денег, а недостатком доверия, а кризис веры одного человека в другого – результат недостатка веры в то, что мир управляется одним лишь Творцом.

[1] Как рассказано в Талмуде (Сангедрин, 64а), после возвращения из вавилонского изгнания мудрецам Сангедрина удалось овладеть йецер (дурным побуждением) идолопоклонства и отправить его в вечное заключение.

[2] То есть не спасают их от смертельной опасности и не упускают возможности способствовать их гибели.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В АЛАХЕ

Àdàí I'èùú àí

Бить или не бить? Как в наше время, так и во времена наших благочестивых прадедов, ответ на этот вопрос для многих и многих евреев был совершенно очевиден. Но дело в том, что эти очевидные ответы – теперешний и прежний – противоположны. В наше время родитель или учитель даже и помыслить не смеет о том, чтобы взять в руки розгу или ремень, а в те давние годы отказ от использования этих инструментов воспитания мог быть приравнен к халатности в исполнении педагогических обязанностей.

Начнем наш обзор с наиболее древних источников^[1].

Вся апология телесных наказаний в иудаизме опирается на стихи из книги Мишлей, такие, как: «Глупость привязана к сердцу отрока, но нравоучительная розга отдалит ее от него» (22:15). И не следует бояться переборщить: «Не воздерживайся от наказания отрока! Если побьешь его розгой, он не умрет. Ты розгой побьешь его и душу его спасешь от преисподней» (23:13, 14).

С другой стороны, существует общее правило: евреев бить нельзя. Так пишет Рамбам: «Всякий бьющий еврея, взрослого или ребенка, нарушает запрет, как сказано: „...пусть не бьет его (виновного) больше, чем положено...“ (Дварим, 25:3). Если виновного нельзя бить больше, чем положено, то невиновного – тем более!» (Мишне Тора, «Законы о наносящем ущерб», 5:1). В «Книге заповедей» («Запрещающие заповеди», 300) Рамбам выводит это из другого библейского стиха: «Запрещено бить любого еврея: если нельзя бить грешника, то обычного человека – тем более. И даже угрожать побоями нельзя, как учили мудрецы (Сангедрин, 58б): „Всякий, кто поднимает руку на своего ближнего, называется злодеем, как сказано: „И сказал [Моше] злодею: Почему ты бьешь своего ближнего?“ (Шмот, 2:13)».

Более того, Тора предписывает человеку, нанесшему ближнему побои, возместить ему нанесенный ущерб. А ущерб этот бывает пяти видов: ухудшение физического состояния, расходы на лечение, вынужденный простой в работе, боль и позор от побоев. Так вот, Рамбам предписывает человеку возместить эти виды ущерба даже своим детям, если он их побил! «Если человек нанес ущерб своим детям, и они не зависят от него экономически, то взрослым детям он немедленно должен выплатить сумму штрафа, а несовершеннолетним должен на эту сумму купить землю, и они будут есть ее

плоды. Только если его дети зависят от него экономически, он ничего не должен им выплачивать» (Мишне Тора, «Законы о наносящем ущерб», 14:19).

А почему в этом последнем случае побитым детям не полагается компенсация? Потому ли, что они составляют с отцом единую экономическую единицу и платеж фактически будет перекачиванием денег из кармана в карман? Нет. Так пишет другой великий мудрец средневековья Рамбан: «“Если его дети зависят от него экономически, то он ничего не должен им выплачивать” – это полезный закон, ведь нет человека, который не бил бы своих детей или учеников. Иногда он бьет их больше, чем нужно, и если мы отдадим его за это под суд, между ним и детьми возникнет вражда, и он не будет их кормить» (Мильхамот а-Шем к Бава кама, 86:2, лист 31:1 в «Законах Рифа»). Логика Рамбана такова: он опасается того, что частые суды детей с родителями из-за возмещения за побои приведут к ослаблению родительской любви, что в конечном счете плохо скажется на детях. А суды эти будут частыми, в этом Рамбан не сомневается: ведь все родители бьют детей, и все учителя бьют учеников. Все. Такова была реальность в дни рава Моше бен Нахмана. Его младший современник Рош^[2] также констатирует этот факт, описывая принятую практику: «...так бьют детей и таскают их за уши» (к Моэд катан, 3:94).

Не кажется ли вам, что в словах Рамбана есть внутреннее противоречие? С одной стороны, он не оспаривает изначальный закон Рамбама, предписывающий отцу, ударившему сына, выплачивать ему компенсацию. С другой – констатирует, что «бьют все», также не оспаривая правомерности этого обычая!

Ключ к устранению этого противоречия – в сопоставлении родителей и учеников. Отец, по мнению средневековых еврейских мудрецов, имеет право бить ребенка, если он подобен учителю, то есть таким образом учит или воспитывает его. Еще Рамбам дал отцу полное право учить детей посредством физического принуждения: «Если человек побил своего сына, обучая его Торе, науке или ремеслу, и сын умер – отец не подлежит наказанию» (Мишне Тора, «Законы об убийцах и о самосохранении», 5:5). Рамбам опирается в этом на гаонов Вавилонии: «Без порки детей не научить» (респонсы рава Натроная-гаона, 256).

Алтер Ребе в своем алахическом кодексе расширяет сферу применения этого закона, включая в нее не только обучение, но и воспитание: «Можно бить маленьких детей не только для того, чтобы научить их Торе и заповедям, но и просто для того, чтобы наставить их на путь истинный, так как родитель желает им добра и их воспитание зависит от него. Если дети не слушаются отца, можно бить их даже для собственной выгоды, так как человек должен приучать детей к послушанию, как им заповедано. Если же дети послушны отцу, нельзя бить их не ради их пользы, так же как запрещено бить других людей» (Шульхан арух а-Рав, «Законы телесного и духовного ущерба», 4). Так сказано и в книге Мишлей: «Жалеющий розгу ненавидит своего сына, а любящий его наказывает его пораньше (13:24)» – и по мнению Раши, и ибн Эзры^[3], комментирующих этот стих, «пораньше» – это каждое утро. Заметьте, не вечер, а утро, когда ребенок еще не успел ничего натворить. Стих, таким образом, говорит не столько о наказании, сколько о воспитании.

Даже в XX веке рав Меир-Симха^[4] из Двинска утверждал: «Розга полезна для воспитания, как плуг для земли» (комментарий Мешех хохма к Дварим, 8:5). Другой великий учитель XX века рав Моше Файнштейн^[5] согласен с ним: «Есть разница между отцом и учителем. Учитель может бить ученика только за провинности, касающиеся учебы, а отец – и за дурное поведение» (Игрот Моше, Йоре деа, 4:30). Так же считал рав

Хаим-Давид а-Леви[6]: «Учитель имеет право легко побить ученика только за лень, а бить его за то, что он плохо себя ведет, имеют право только его родители» (Асе леха рав, 1:76, а также 5:25).

А рав Моше Исерлес[7], на чей комментарий опирались все ашкеназские мудрецы в Новое время, расширил сферу применения телесных наказаний почти до бесконечности: «Любого, кто в твоей власти, ты можешь бить, чтобы уберечь его от нарушения закона, и не нужно вести его в суд» (Мапа к кодексу Шульхан арух, Хошен мишпат, 421:13, от имени Трумат а-дешен, 318). Ему в наши дни вторит рав Моше Файнштейн: «Из слов Рамбама (“Книга заповедей”, “Запрещающие заповеди”, 300) следует, что если один человек бьет другого не в споре, а для того, чтобы уберечь его от нарушения заповедей, а также, если отец бьет ребенка, чтобы воспитать его, – это не запрещено» (Игрот Моше, Хошен мишпат, 1:3). Обратите внимание: во второй половине XX века в сверхполиткорректной Америке рав Файнштейн признает право человека бить другого человека – не ребенка и не ученика, – чтобы уберечь его от нарушения еврейских заповедей! Однако Маарша[8] уточняет: «Это право дается только человеку, известному своей праведностью, который делает это во имя Небес, а иначе всякий бездельник будет бить людей, ведь нет человека, который не грешил бы и не заслуживал порицания» (Ям шель Шломо, Бава кама, 3:9).

Средневековые педагоги с учениками не церемонились. В книге Йевен а-мецула[9] порядок учебы в общинах Украины XVII века описан так: каждый четверг успехи детей проверяли, а если они плохо знали материал, считали, что «...их следует пороть большими розгами и стыдить для улучшения памяти». Порку учеников по четвергам предписывает и устав общины Вормса в XVI веке. А в протоколе об обучении общины Франкфурта-на-Майне того же времени после аналогичной инструкции о проверке по четвергам – «выпороть в меру необходимости» – добавляется: «и позорить его, надев на голову дурацкий колпак или вымазав лицо черной краской и т. п., чтобы другие остерегались». Вот такие педагогические методы были приняты в еврействе триста лет назад.

А это слова одного из столпов мусара[10] рава Элияу Деслера[11]: «Говорил мне мой двоюродный брат рав Зисл, что он видел в одной из авторитетных книг такие слова: “Даже если ребенок слушается родителей, стоит найти повод, чтобы все же побить его, хотя бы немного”» (Михтав ме-Элияу, 3, с. 360–362). Эти же слова приводит рав Авраам Шталь в книге «Семья и воспитание детей в восточных общинах» (Иерусалим, 1993, гл. 40) от имени «раввина, жившего лет сто назад».

Современный сефардский мудрец сетует: «Есть дурной обычай: когда ведут ребенка в школу, просят учителя не бить его, и ребенок слышит это и не обращает внимания на учебу. Древние поступали не так: если ребенок жаловался родителям на то, что учитель побил его, они давали ему подарок, чтобы он отнес его учителю, и сами они благодарили учителя за это. Так поступали они всякий раз, и не только по отношению к учителю, но и к постороннему человеку, который наставил их ребенка на путь истинный. А сейчас, если учитель побьет ученика, отец грозит учителю и забирает своего сына от него, а если посторонний человек – отец ругается с ним и говорит: “Кто тебя просил наставлять моего сына?”» (Црор хаим, с. 16).

Теперь, чтобы картина не казалась такой мрачно-средневековой, расскажем, когда начали ограничивать в иудаизме право воспитателя бить воспитуемого. Первые попытки такого рода предпринимали в сфере педагогики.

«Сказал Рав раву Шмуэлю, сыну Шилата (учителю): “Когда ты бьешь ребенка, бей его только ремнем от сандалии (мягко, чтобы не причинить вреда. – Раши)”. <...> Сказал Рава: “Учителя и писцы считаются изначально предупрежденными (и если они причинили кому-то вред, их можно уволить без дополнительного предупреждения. – Раши)”» (Бава батра, 21а, б).

Итак, по Талмуду, учитель может бить учеников, но в определенных пределах, не причиняя вреда. Рамбам с этим согласен: «Нельзя бить учеников плетьюми или палками, но только небольшим ремнем» (Мишне Тора, «Законы об изучении Торы», 2:2). Этот закон повторяет и Шульхан арух (Йоре деа, 245). Опасность от нанесения побоев признает Шульхан арух и в другом месте: «Не следует бить учеников в три недели траура, с 17 тамуза по 9 ава, так как эти дни чреваты опасностью» (Орах хаим, 551:18). Турей заав^[12] добавляет: «Даже ремнем». Три недели траура по разрушенному Храму считаются в еврейской традиции «неблагоприятным временем», когда не следует начинать рискованные предприятия или дела, связанные с опасностью для жизни и здоровья. Поэтому побои в эти дни могут, даже против воли наказывающего, плохо кончиться для наказуемого.

Однако ограничение права на побои принималось далеко не всеми: «Был учитель, которого рав Аха безвозвратно отстранил от преподавания за то, что он плохо обращался с учениками, но Равина вернул его на работу, потому что никто не учил так точно, как он» (Гитин, 36а).

В Новое время законоучители даже стали обязывать учителя возмещать ущерб, нанесенный в процессе педагогической деятельности: «Учитель, который рассердился на ученика и побил его так, что причинил ему ущерб, вообще-то свободен от наказания, потому что выполнял заповедь. <...> Но не стоит учителю часто поступать так, ибо “сердитый не научит” (Авот, 2:5) и “гнев – свойство глупцов” (Коелет, 7:9), поэтому я обязал учителя оплатить расходы на врача» (Швут Яаков^[13], 3:140).

«Если учитель побил ученика и сломал ему ногу <...> Учитель получает деньги, среди прочего, и за то, что оберегает учеников от всякого вреда, в том числе от вреда, который он сам может нанести. Верно, учителю дается право “наставлять учеников”, как сказано в мишне (Макот, 2:2), но именно “наставлять”, то есть наказывать их мягко, ремнем, а этот учитель отступил от правила, а всякий отступающий от правила остается в убытке. И в любом случае эта мишна говорит только об ответственности за случайное убийство ученика, а не о возмещении ущерба. Поэтому учитель должен полностью возместить ущерб» (Кирьят Хана^[14], 22). Это первое ограничение права

учителя бить детей посредством истолкования такого древнего источника, как Мишна, в современном духе: респонс издан в 1753 году.

«Помню я человека, который был опекуном малолетних детей и в час своей кончины велел провозгласить в синагоге, что он просит прощения у всех этих детей, если он бил их не за дело и сверх меры <...>, потому что, без сомнения, маленьких детей и учеников можно бить только за дело, мягко, по ногам (понятный эвфемизм. – А. О.), и без гнева, но не по тем местам, где удар может быть опасен для здоровья» (Пеле йоэц[15], глава «Побои»).

Современные раввины согласны с такими ограничениями права на побои: «Если в результате расследования стало ясно, что отец или учитель побили ребенка в гневе, что не служит целям воспитания, они подлежат ответственности как всякий нанесший ущерб» (рав А. Шерман[16], Тхумин, 16, с. 162).

«Мы нуждаемся в учителях сильных духом, которым не нужно будет прибегать к побоям» (рав Авраам-Ицхак Кук[17], Мегед йерахим).

Есть и другой аспект проблемы. Телесные наказания – часть еврейского права, но, чтобы наказать, нужно обладать уверенностью: наказуемый проступок действительно был совершен. В этом отношении ребенок не отличается от взрослого.

«Нельзя бить ученика на основании подозрения. Можно наказывать его, только если учителю достоверно известно, что он провинился, потому что никого нельзя наказывать на основании подозрения: для любого наказания требуются показания свидетелей. Учитель освобожден лишь от необходимости искать подходящих свидетелей, но не от необходимости выяснить истину. А если у учителя есть какие-то подозрения, он должен усомниться в учениках, говоря им слова, приближающие их к Торе и отдаляющие от греха. И нельзя наказывать отлучением от занятий, поскольку само отлучение от изучения Торы – большое зло, а польза от такого наказания весьма сомнительна» (Игрот Моше, Йоре деа, 2:103).

А если несправедливые побои все же имели место и ребенок уверен в том, что его наказали несправедливо? Есть ли управа на родителя-драчуна?

«Если отец поступает несправедно, суду надлежит позаботиться об интересах детей» (Зихрон Йеуда[18], 35).

«Если отец сильно бьет детей, так что их здоровье в опасности, нельзя возвращать их отцу, так как нам заповедано спасать жизнь и здоровье всех евреев. Более того, даже если сейчас опасности для здоровья нет, но существует опасность, что из-за побоев у детей возникнут различные физические и психические нарушения, каждому заповедано увести детей от такого отца и поместить их в надежное место, где они будут воспитываться в духе Торы и заповедей и в атмосфере любви. А если отец прикрывается утверждением, что он наказывает детей в воспитательных целях, то нужно знать, что его поведение лишило его права воспитывать детей» (рав Г.-А. Рабинович[19], «Проблема детей, избиваемых родителями», «Алаха ве-рефуа [Ковец Регенсбург], 1», 1985, с. 338–340). «Суд не может решить, где ребенку лучше находиться, не проконсультировавшись со специалистами, поскольку положение может измениться в любой момент» (Пискей-дин рабаниим[20], 11, с. 153). В некоторых случаях детей могут забрать от бьющего их отца и отдать опекунам. Положение об опекунов существует в еврействе уже многие века: «Опекуном назначают верного и достойного человека, умеющего добиваться выгоды для

сирот, радеющего об их пользе и знающего, как вести дела» (Шульхан арух, Хошен мишпат, 290:2).

Что же делать, если родители чувствуют, что не могут удержаться от рукоприкладства, а самовоспитание не приносит пользы? По мнению рава Моше Файнштейна, таким людям – пока их психика неустойчива – нельзя заводить новых детей. Вдумаемся в это решение. Контрацепция – одна из самых сложных и чувствительных областей еврейского права, разрешение на нее раввины дают весьма неохотно, обычно в случае опасности для здоровья матери. А в приведенном ниже случае рав Файнштейн разрешает контрацепцию, чтобы родителям в будущем не пришлось бить детей:

«Вы писали, что воспитание детей причиняет вашей жене и вам столько неприятностей, что вы их бьете, хотя всем ясно, что от этого нет никакой пользы, а только дополнительные трудности в их воспитании. Значит, это нервная болезнь, вследствие которой вы не можете удержаться от этого глупого и жестокого действия. А ведь вы знаете, что бить людей нельзя, если вы делаете это не в воспитательных целях, и что в пылу гнева вы можете ударить ребенка по какому-нибудь жизненно важному органу, и его жизнь окажется в опасности. Поэтому я разрешаю вам пользоваться противозачаточными средствами – и не только кремом, но и диафрагмой – в течение двух лет со дня родов. Это разрешение я даю на том основании, что по поведению вашей жены видно, что у нее расстроенное здоровье и трудности ухода за маленькими детьми могут привести к ухудшению ее состояния» (Игрот Моше, Эвен а-эзер, 4:68).

В Новое время в алахическую дискуссию вмешалась педагогика. Алахические авторитеты задумались над последствиями и эффективностью побоев. Изменились воспитуемые, изменились и воспитатели:

«Нельзя бить совершеннолетнего сына, и не только побои, но и любое другое принуждение может привести к обратным результатам, как доказала современная педагогика» (Сридей эш[21], 3:95).

«А если вы приведете стих из книги Мишлей “Жалеющий розгу ненавидит своего сына...” (13:24), то я на это приведу вам стих из Книги Зхарьи: “...и взял я себе две палки, одну назвал „Приятность“, а другую назвал „Увечья“...” (11:7). Есть и «палка приятности»: похвалить ребенка за то хорошее, что он сделал, улыбнуться ему и сказать доброе слово – это тоже «палка», побуждающая его следовать по пути добра, и в наше время она более действенна, чем «палка увечья» (рав Ш. Вольбе[22], «Психиатрия и религия», «Бе-швилей а-рефуа», 5).

«Побои – из тех вещей, которых чем меньше, тем лучше, поскольку от них много дурных последствий, и тем более если учитель бьет в гневе» (Нетивей хинух[23], приведено в Тхумин, 17, с. 158).

Нынешняя молодежь не приемлет бесспорный родительский авторитет, даже подкрепленный ремнем, и воспринимает побои не как заслуженное наказание или средство воспитания, а как агрессию. Впрочем, такое было еще в талмудические времена.

«Служанка дома Раби увидела человека, который бил своего совершеннолетнего сына, и сказала: “Этот человек достоин отлучения от общины, потому что он нарушает заповедь „перед слепым не ставь препятствие“ (см. Ваикра, 19:14. Раши: потому что из-за этого сын невзлюбит отца и нарушит заповедь почитания родителей)”»

(Моэд катан, 14а). Ритва[24] дополняет: «Не только совершеннолетнего, но и всякого, кто понимает и способен ругать отца, не стоит бить, но надо усювестить его словами».

Вспомним еще, что угрозы действуют на психику сильнее, чем побои на тело. Эту меру воздействия Алаха тоже знает и категорически отрицает.

«Однажды сын Горгия убежал из школы. Отец показал на его ухо (угрожая надрать уши), а тот испугался отца, пошел и утопился в колодце. <...> Однажды мальчик из Бней-Брака разбил чашку, и отец показал на его ухо (угрожая надрать уши), а тот испугался отца, пошел и утопился в колодце. <...> Тогда сказали мудрецы: “Нельзя угрожать ребенку, но либо побить сразу же, либо ничего не говорить”. Рав Шимон бен Эльзар говорит: “Ребенка и женщину надо одной рукой отталкивать, а другой – приближать”» (Смахот[25], 2).

«Если маленький ребенок, который еще не понимает, за что его наказывают, сидит возле отца, а перед отцом священные книги, и ребенок собирается сделать по-маленькому или по-большому, нельзя кричать на него за это, потому что он не понимает, что ему запрещают делать это из-за священных книг, и будет сдерживаться, не отправляя свои потребности, и заболает от этого» (Сефер хасидим[26], 919).

Рав Моше Файнштейн наложил на педагогические угрозы однозначный запрет: «Нельзя угрожать ребенку или ученику, а также всякому, кто в твоей власти, что ты побьешь его потом, потому что ребенок воображает наказание, которое хуже смерти. И тем более чужой человек не должен угрожать ребенку, ибо ребенок уверен, что отец его любит и сильно наказывать не будет, а о чужом человеке он этого сказать не может. Логично было бы предположить, что запрещена только неопределенная угроза, а угрожать определенным наказанием можно, так как это не так пугает. Но стоит все же запретить любые угрозы, чтобы это не вошло в привычку. Можно, однако, выгнать ученика из класса и потребовать привести родителей или сказать ученику, что, если он совершит проступок, получит три-четыре удара – символическое наказание. И стоит сказать ему, что, если он пообещает больше так не делать, учитель простит его. И нельзя не только бить учеников палкой, пусть даже легко, но и держать ее в руке, однако учитель может держать возле себя ремень» (Игрот Моше, Йоре деа, 4:30).

Так бить или не бить? И если бить, то как?

Раввина Каменецкого, главу ешивы «Тора ве-даат» в Америке, спросили, можно ли шлепать ребенка. Он рассказал в ответ, что однажды внук рава Баруха-Бера Лейбовича^[27] зажег электрический свет на исходе субботы, не сказав благословение «Отделяющий субботу от будней». После молитвы дедушка подзвал его и спокойно сказал: «Я тебя очень люблю и желаю тебе долгих и счастливых лет, но сейчас ты нарушил постановление мудрецов и тебе полагается шлепок».

«Если вы способны шлепать вот так, спокойно и с любовью, – закончил рав Каменецкий, – вам это можно».

[1] В этом обзоре мы будем опираться в основном на статью рава Нерьи Гутеля «Жалеющий палку ненавидит сына своего? Телесные наказания в Алахе»/ «Би-сде хемед». 2000. № 43.

[2] Рабейну Ашер бен Йехиэль (1250–1327) – один из ведущих законовевов.

[3] Рав Авраам ибн Эзра (1089–1164) – знаменитый комментатор Танаха, поэт, грамматик.

[4] Рав Меир-Симха а-коен из Двинска (1843–1926) – известный комментатор Пятикнижия и кодекса Рамбама Мишне Тора.

[5] Рав Моше Файнштейн (1895–1986) – законовед, светоч американского еврейства, автор респонсов Игрот Моше.

[6] Рав Хаим-Давид а-Леви (1924–1998) – раввин Тель-Авива.

[7] Рав Моше Исерлес (1525–1572) – автор комментария Мапа к алахическому кодексу Шульхан арух, имеющего такой же авторитет, как и сам Шульхан арух.

[8] Рав Шмуэль-Элиэзер Эдельс (1555–1631) – законовед и знаменитый комментатор Талмуда.

[9] Книга рава Натана-Ноте Ганновера, где описана жизнь евреев Украины в середине XVII века и страшные разрушения, которые принесла хмельнитчина.

[10] Мусар – еврейское этическое движение, побуждавшее людей к самосовершенствованию. Зародилось в XIX веке в Литве.

- [11] Рав Элияху Деслер (1892–1953) – наставник английского еврейства в XX веке.
- [12] Комментарий рава Давида а-леви Сегалья (1586–1667) к кодексу Шульхан арух.
- [13] Респонсы рава Яакова Рейшера (1670–1733).
- [14] Респонсы рава Гершона Кобленца, XVIII век.
- [15] Моралистическая книга рава Элизера Папо (1770–1828).
- [16] Один из ведущих раввинов Главного раввината Израиля.
- [17] Раввин А.-И. Кук (1865–1935) – главный раввин Страны Израиля, основатель религиозного сионизма.
- [18] Респонсы рава Йеуды бен Ашера (1270–1349), сына Роша.
- [19] Крупный современный законовед, Монастырищеский ребе.
- [20] Издание постановлений Главного раввината Израиля.
- [21] Респонсы рава Йехиэля-Яакова Вайнберга (1885–1966), одного из руководителей европейского еврейства XX века.
- [22] Один из современных религиозных авторитетов.
- [23] Книга рава Ш.-Н. Бразовского, Слонимского ребе, 1991.
- [24] Рав Йом-Тов из Севильи (1250–1330), комментатор Талмуда и законовед.
- [25] Один из «малых талмудических трактатов».
- [26] Собрание нравоучительных изречений и советов, созданное в кругах «хасидов Ашкеназа» в XII–XIII веках.
- [27] Глава ешивы «Слободка» перед первой мировой войной, ученик рава Хаима из Бриска.

ЯЗЫК ЯФЕТА В ШАТРАХ ШЕМА

Комментированный Хумаш в новом русском переводе

Ī āi āōāi Bāēīi, Ī āēō Ēāēēīīā

Окончание. Начало в № 6, 2009

Переводы Торы: взгляд сквозь века

Тору, Книгу книг, «орудие святого Мастера» (Берешит раба, 1:1), лежащее в основании мироздания, недостаточно бережно хранить, благоговейно прикасаясь от случая к случаю к древним томам. В книге Мишлей (3:18) говорится о Торе: «Древо жизни она для держащихся ее», и эти слова повторяют всякий раз, когда в синагоге поднимают свиток. Как жизнь, так и Тора нуждается в непрерывном обновлении, и изучение Торы – не просто чтение, а еще и стремление всякий раз заново понять прочитанное – всегда было главной и всеобъемлющей еврейской страстью. Вся еврейская литература – не только религиозная, но и светская, как и само бытие еврейского народа, – это непрерывный опыт сосредоточенного прочтения Письменной Торы. Главный способ освоения действительности еврейским народом – это изучение Книги, вне которой не найти ни Б-га, ни самого себя. В книге Зоар сказано об этом:

Три ступени неразрывно связаны друг с другом – Святой, благословен Он, Тора и Израиль (Зоар, 3:73а).

Письменная Тора, Хумаш (Пятикнижие), как и большинство книг Танаха, написана на святом языке, лежащем в основе современного иврита. На этом языке говорили праотцы и цари, однако разговорным он был далеко не всегда. Чаще всего святой язык использовался только для сакральных целей – для изучения Торы и молитвы, а во многие эпохи в силу тех или иных исторических причин забывался всеми, кроме избранных мудрецов, и большинству евреев смысл написанного оказывался недоступен. Тогда возникала нужда в переводе на общедоступный, понятный язык. Но ведь даже люди, говорящие на одном языке, нередко не в состоянии понять друг друга, тем более трудно при переводе даже не очень сложного современного текста с одного языка на другой полностью передать смысл оригинала. Что же говорить о текстах древних, к тому же чрезвычайно многозначных и сложных?! В таких случаях перевод, по сути, оказывается созданием нового текста, воссоздающего оригинал на принципиально иных основаниях.

Переводчик – всегда интерпретатор. Необходимость переводить священные тексты на иные языки, несомненно, чревата риском: в перевод можно привнести чуждые, не свойственные оригиналу идеи, а потом попытаться заменить им подлинник. Но отсутствие перевода Писания представляет опасность не меньшую: элита, владеющая языком оригинала, может заявить, что только она владеет истиной в последней инстанции, и поработить тех, кто с первоисточником не знаком. Такое случалось в человеческой истории неоднократно – яркие примеры как той, так и другой тенденции можно встретить, обратившись, например, к истории Библии в христианском мире.

Именно поэтому еврейская традиция относится к переводам Танаха достаточно неоднозначно: некоторые арамейские переводы – таргумы – считаются настоящими

священными текстами, а день, когда Писание было переведено на греческий язык, мудрецы Талмуда объявили постом. Возможно, дело в том, что арамейские переводы изначально были предназначены для евреев, а греческие – для неевреев, но в ошибочности такого предположения убедиться несложно, обратившись к другим примерам: Цеена у-рена, появившийся в XVII веке перевод (а точнее – пересказ) Хумаша на еврейско-немецкий язык (иври-тайч, называющийся также идишем), считается важнейшей книгой, насаждающей Б-гобязанность, в то время как значительно более точный перевод Моше Мендельсона[1], известный под названием Биур, на еврейско-немецкий язык (в значительной степени изобретенный самим переводчиком и поэтому сильно отличающийся от иври-тайча) был объявлен мудрецами того времени книгой еретической и неоднократно запрещался к использованию.

Полноценный перевод – это авторское произведение, он обязательно несет на себе отпечаток личности переводчика (или переводчиков), его идей и чаяний. Он может как раскрывать и обогащать смысл оригинала, так и вступать в противоречие с изначальным текстом и даже отвергать его. Впрочем, восприятие перевода зависит не только от переводчика, но и от читателя: выражения, которые в изначальном культурном контексте воспринимались вполне однозначно, в рамках иной культуры могут быть поняты совершенно иным образом. Вполне возможны ситуации, в которых добросовестному переводчику приходится ради сохранения изначального смысла идти на сознательное искажение оригинала. Пример тому приводится в талмудическом предании о греческом переводе Торы, о котором мы будем говорить ниже: все старцы-переводчики, не сговариваясь, перевели первый стих Писания: «В начале сотворил Б-г небеса и землю» (Берешит, 1:1) как: «Б-г сотворил в начале» – «чтобы не истолковали так: “[Высшая сила, зовущаяся] В начале, сотворила Б-га, небеса и землю”» (Вавилонский Талмуд, далее – ТВ, Мегила, 9а).

Если бы все люди говорили на одном языке, нужды в переводах попросту бы не возникало. Хорошо ли это было бы? На этот вопрос отвечает библейский рассказ (и развивающие его мидраши) о Вавилонской башне, строительство которой стало возможным потому, что «был на всей земле один язык и единые речи» (Берешит, 11:1). Там описан мир, лишенный языкового многообразия, когда все люди собрались в одном месте, чтобы заняться общим делом. В результате единомыслия строителей человеческая жизнь совершенно обесценилась, тоталитарные властители, не замечавшие отдельных личностей, а думавшие лишь о благе всего человечества, восстали против Творца миров, и лишь прямое вмешательство Б-га, смешавшего, а точнее, разделившего языки, позволило людям не уничтожить самих себя, а расселиться по всему миру и продолжить историческое развитие. Единоязычие не во вред, а во благо возможно лишь вне истории – до нее, прежде вавилонского столпотворения, или после – в конце времен, в эпоху Машиаха. В историческом времени важнейшим фактором, объединяющим человечество, обеспечивающим преемственность поколений и сохраняющим единство еврейского народа, становятся многочисленные переводы.

Танах (Еврейская Библия) переводился на другие языки больше, чем какая-либо иная книга в истории человечества[2]. История переводов Танаха насчитывает более двух с половиной тысячелетий. Первые свидетельства о переводах Торы относятся к эпохе возвращения из Вавилонского изгнания (середина V века до н. э.), хотя талмудическая традиция утверждает, что такие переводы существовали и ранее. В книге Нехемьи рассказывается о вернувшихся в Землю Израиля изгнанниках: «И читали книгу Торы Б-жьей с толкованием и внятно, и понимали читаемое» (Нехемья, 8:8). В Талмуде этот стих разъясняется следующим образом:

«И читали книгу Торы Б-жьей» – это текст [Торы], «с толкованием» – это перевод, «и внятно» – это разделение на стихи, «и понимали читаемое» – это кантиляция [3]. Некоторые говорят, что такова была традиция [со времен Первого храма], но [в Вавилонском изгнании] она забылась, а затем возобновили ее (ТВ, Мегила, За).

Под переводом здесь подразумевается так называемый таргум – перевод на арамейский, бывший на протяжении веков основным разговорным языком евреев, живших как в Земле Израиля, так и в Вавилонии (Междуречье). И поныне арамейские переводы – таргумы – играют в еврейской традиции особую роль: важнейший из них, таргум прозелита Онкелоса, обладает сакральным статусом, максимально близким к самому тексту Хумаша, недаром постановление мудрецов предписывает прочитывать недельный раздел Торы трижды: два раза в оригинале и один – в переводе Онкелоса (подробнее см. ниже).

Но переводили Тору не только (и даже не в основном) евреи. Впервые Тора была переведена на другой язык в глубокой древности – примерно в III веке до н. э. Тогда был создан перевод на греческий, получивший название Септуагинта. О его создании рассказывает «Послание Аристеея к Филократу» [4], наиболее раннее из сохранившихся произведений еврейско-греческой литературы (вероятно, 150–100 годы до н. э.), написанное анонимным автором-евреем в форме письма, якобы посланного греком Аристеем, придворным Птолемея II Филадельфа (285–246 годы до н. э.), своему брату Филократу. В нем рассказывается о том, как царь Птолемей пожелал приобрести для знаменитой Александрийской библиотеки Тору евреев в греческом переводе и обратился за этим к еврейскому первосвященнику Эльазару, предварительно освободив захваченных ранее в рабство евреев и отправив ценные дары для Храма. Эльазар выбрал семьдесят двух старцев, по шести от каждого колена, которые и прибыли в Александрию вместе с благодарственными дарами от первосвященника. Царь десять дней устраивал в их честь пиры, в течение которых все больше убеждался в их великой мудрости. Затем старцев отправили на остров Фарос, и там они за 72 дня перевели на греческий язык Священное Писание, после чего перевод и получил свое название – Септуагинта, или «Перевод семидесяти».

Создание Септуагинты описано и в талмудической барайте (изречении танаев, не вошедшем в Мишну):

История о царе Птолемею, который собрал семьдесят двух старцев, поместил их в семьдесят два дома и не открыл им, зачем их собрал. Вошел к каждому из них и сказал: «Напишите мне Тору Моше, учителя вашего». Исполнил Пресвятой, благословен Он, сердца каждого из них мудростью, и пришли они все к единому мнению [относительно перевода] (ТВ, Мегила, 9а).

Далее барайта рассказывает о тех изменениях, которые переводчики были вынуждены внести в оригинальный текст – для того, чтобы не вводить в заблуждение язычников, не знакомых с еврейской комментаторской традицией, а иногда – из соображений политической корректности. По мнению мудрецов Талмуда, «Перевод семидесяти» был создан при непосредственном Б-жественном вмешательстве, в результате которого все переводчики, не сговариваясь, внесли в текст одни и те же изменения. Но перевод Торы на иной язык, даже если он чудесного происхождения, представляет страшную опасность, и относится к нему талмудическая традиция весьма неоднозначно:

Восьмого тевета, когда переведена была Тора на греческий язык, опустилась тьма на мир и не прекращалась три дня (Мегилат таанит).

История о старцах, которые записали для царя Птолемея Тору по-гречески, и был тот день тяжел для Израиля, как день, когда поклонились они золотому тельцу, ибо не может быть Тора переведена со всей полнотой (Масехтот ктанот, Софрим, 1:7).

Именно Септуагинта (а точнее, составленные на ее основе позднейшие реплики, известные под тем же названием) лежит в основе большинства христианских переводов Танаха. Не случайно в талмудическую эпоху восьмое тевета – день, когда был завершен «перевод семидесяти», – был объявлен постом, который соблюдается и по сей день [\[5\]](#).

Однако греческие переводы Танаха оценивались негативно не всеми и не всегда. Например, рабби Шимон бен Гамлиэль, танай четвертого поколения (II век н. э.) и глава Сангедрина, считал их даже более важными, чем арамейские (Мишна, Мегила, 1:8, ТВ, Мегила, 9б). А составитель мидраша вообще не видел существенной разницы между переводами Торы на разные языки:

Бар Капара сказал: «Да будут слова Торы произноситься на языке Яфета (по-гречески) в шатрах Шема». Рабби Юдан сказал: «Отсюда [следует, что] перевод [заповедан] Торой – об этом написано: “И читали они книгу Торы Б-жьей” (Нехемья, 8:8) – это текст; “с толкованием” (там же) – это (арамейский) перевод...» (Берешиш раба, 3б:8).

Даже из этих примеров видно, что перевод переводу рознь. И действительно, переводы отличаются друг от друга не только языком, но и формой, содержанием, целями, идеями, которые за ними стоят. И даже перевод, представляющийся почти идеальным, такой, например, как перевод Онкелоса, никогда не заменит оригинала. Но переводы необходимы, у них есть свои, особые задачи – приоткрыть Книгу тем, кто не в состоянии овладеть оригиналом, позволить им самостоятельно мыслить и свободно творить. Более того, именно переводы позволяют народам и цивилизациям взаимодействовать между собой и обогащать друг друга. Каждая эпоха, культурная и историческая ситуация, требует новых переводов, в то время как переводы предшествующих времен уже сами по себе нуждаются в переводчике. И этим текст Торы по природе своей принципиально отличен от всех его переводов: оригинал вечен и неизменен, а перевод преходящ, он должен отвечать потребностям своей эпохи и запросам читателя. Устная традиция, передаваемая из поколения в поколение, неотделима от текста Танаха, зафиксированного на письме, но ее практически невозможно в должной степени учесть в переводе. К тому же не все и не всегда можно и нужно пересказывать на другом языке. Но, несмотря на все ограничения, переводы необходимы; изучение Торы на понятном, повседневном языке – это одно из условий союза, заключенного Б-гом с Израилем. О соотношении оригинала и переводов говорит мидраш:

И Г-сподь сказал Моше: «Запиши себе эти слова, ведь на основе этих слов Я заключил союз с тобой и с Израилем» (Шмот, 34:27) – о том же сказано: «Если бы написал Я ему основы Торы Моей, то они считались бы чужими» (Ошеа, 8:12). Сказал рабби Йеуда бар Шалом: «Когда сказал Пресвятой, благословен Он, Моше: “Запиши себе”, попросил Моше, чтобы и Мишна была записана. Но предвидел Пресвятой, благословен Он, что иные народы переведут Тору, будут читать ее по-гречески и скажут: “В нас – вся краса Израиля”»...

Другое объяснение: «Запиши себе» – поэтому сказано [в Талмуде], что чтецу Торы запрещено отрывать от свитка глаза, ибо дарована Тора письменной, а переводящему его запрещено глядеть в свиток и переводить, согласно сказанному: «...ибо по словам этим» – потому как перевод дарован устно. Сказал рабби Йеуда бар Шалом: «Запиши себе» – «ведь на основе этих слов Я заключил союз с тобой. Я заключил с тобой союз устно и письменно; если ты исполняешь письменное письменно, а устное устно – Я заключаю с тобой союз, а если нет – не заключаю» (Танхума, Вайера, 5; Ки тиса, 34).

Для того чтобы союз Израиля с Б-гом оставался действенным во все времена, необходимо сохранять письменный текст и развивать устное слово, изучать Письменную и Устную Тору, в том числе и в переводе; обсуждать ее на родном языке, чтобы бережно хранить слова святого языка, дарованные Творцом.

Как мы уже говорили, существует несметное множество переводов Торы, и на русский язык Тора и Танах тоже переводились десятки раз. Зачем же нужен еще один перевод? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо изложить основные вехи истории переводов Торы на другие языки, в том числе и на русский. Но, прежде чем перейти к краткому обзору существующих переводов, нам кажется важным привести выдержку из всеобъемлющего алахического труда Шульхан арух, составленного р. Йосефом Каро (1488–1575). В нескольких кратких фразах он с максимальной полнотой формулирует традиционный взгляд на место перевода в еврейской духовной жизни:

Законы о переводчиках:

- 1. Во времена мудрецов Талмуда было принято переводить [текст Торы на арамейский язык], чтобы народ понимал. Не должен чтец читать переводчику более одного стиха, и не должен переводчик переводить, пока чтец не завершит стих; не должен чтец читать следующий стих, пока переводчик не завершит перевод. Не должен чтец говорить громче переводчика, а переводчик – громче чтеца; не должен чтец помогать переводчику, дабы не сказали: перевод записан в Торе.*
- 2. Меньшего [знатока Торы] переводит больший, но не к чести большего, чтобы его переводил меньший.*
- 3. Ныне же не принято переводить [16](#), ибо что пользы от перевода, если не понимают его (Шульхан арух, Орах хаим, 145).*

«С толкованием – это перевод». Краткий очерк истории переводов

Арамейские переводы. Таргум

Самые ранние переводы Торы – это таргумы, переводы на арамейский язык, который был широко распространен по всему Ближнему Востоку и которым евреи пользовались с глубокой древности. Слово «метургам» впервые встречается в книге Эзры (4:7) в значении «разъясненный»; в Мишне и Гемаре это слово употребляется в значении «переведенный со святого языка», но словом «таргум» называется только арамейский перевод Писания.

В Гемаре сообщается, что практика перевода на арамейский во время публичного чтения Торы была принята уже во времена возвращения в Сион (VI век до н. э.). В талмудическую эпоху таргум читался после каждого стиха Торы и после каждого третьего стиха афтары (Мишна, Мегила, 4:4-10; Мегила, 236-256; Тосефта, Мегила, 4:20-

41). Таргум считался частью Устной Торы; пользоваться при публичном чтении письменным текстом таргума было запрещено, хотя его было позволено записывать для личных нужд. Таргум упоминается как предмет изучения наряду с Танахом и Мишной (Сифрей, Дварим, 161). По мнению исследователей, редакция таргумов началась не раньше III века н. э., а дошедшие до наших дней тексты были отредактированы и записаны только в позднеталмудическую эпоху, не ранее V века н. э.

Важнейший из таргумов Хумаша составил прозелит Онкелос под руководством р. Элиэзера и р. Йеошуа (ТВ, Мегила, За)[7]. Таргум Онкелоса – это наиболее близкий к тексту перевод Хумаша, полно воссоздающий оригинальный текст и передающий не только лексику, но и грамматическую структуру библейского иврита. Но и в нем встречаются вставки агадического и алахического характера и объяснение иносказаний, а географические названия нередко заменяются на более поздние. Тем не менее Таргум Онкелоса печатается во всех комментированных изданиях Хумаша, это важнейший источник Письменной Торы, в спорных случаях на него опираются все позднейшие комментаторы. Именно этот таргум предписано изучать вместе с недельным разделом Торы.

Второй по значению для еврейской традиции перевод – таргум Йонатана бен Узиэля (называемый также таргумом Псевдо-Йонатана, или Иерусалимским таргумом I). Авторство этого таргума было однозначно приписано мудрецу Йонатану бен Узиэлю р. Менахемом Реканати в XIV веке, до этого его чаще называли таргумом Святой земли. В Тосафот (комментариях к Талмуду потомков и учеников Раши) он цитируется и под названием таргум Йонатана, и Иерусалимский таргум. Этот таргум записан в Земле Израиля около VII века, он представляет собой в большей степени пересказ, чем дословный перевод. В нем множество агадических вставок; как и другие таргумы, он изменяет эпитеты, которые относятся к Всевышнему, разъясняет аллегории, заменяет географические названия более поздними. В таргуме Йонатана бен Узиэля подробно излагается учение мудрецов Талмуда о Б-жественной полноте, Творении и Откровении, награде и наказании, приводятся сведения об ангелах, воскрешении мертвых, временах Машиаха и мире грядущем.

Фрагменты Иерусалимского таргума (Таргум Йерушалми, или Иерусалимский таргум II) к 850 стихам Хумаша впервые были опубликованы в «Большой раввинистической Библии», изданной Даниэлем Бомбергом в 1516–1517 годах, и с тех пор публикуются в большинстве изданий Микраот гдолот[8]. В XIX–XX веках в рукописных собраниях крупнейших библиотек и в Каирской генизе были обнаружены другие части этого таргума. Иерусалимский таргум написан на галилейском диалекте арамейского языка с большим количеством иноязычных заимствований, он содержит много информации исторического, агадического и алахического характера. По мнению исследователей, в нем много материала более древнего, чем в таргуме Йонатана бен Узиэля.

Греческие переводы. Септуагинта

О происхождении греческого «Перевода семидесяти», или Септуагинты, рассказывается в уже упоминавшемся «Послании Аристея к Филократу», а также в Вавилонском Талмуде. До Нового времени «Послание Аристея» считалось подлинным документом, пока в нем не начали находить исторические несообразности, после чего христианские ученые стали считать его поздней подделкой. В настоящее время возобладала компромиссная точка зрения – считается, что «Послание» создано около 150–100 годов до н. э. (то есть позже, чем описанные события) в среде эллинизированных

евреев, но основано на достоверных исторических сведениях. На столь же достоверных сведениях основано и талмудическое предание о «Переводе семидесяти». Впрочем, некоторые исследователи предполагают, что греческий перевод Торы изначально сформировался таким же образом, как и арамейские таргумы: фрагментарные переводы, созданные для частных нужд грекоязычными евреями и нередко передаваемые устно, в дальнейшем были собраны и отредактированы.

Изначально «Перевод семидесяти» включал только пять книг Торы, но предполагается, что в эллинизированной еврейской среде переводы Поздних, а затем и Ранних пророков появились уже во II веке до н. э., а к началу I века н. э. уже существовала полная версия греческой Библии. Составленная в Египте, она распространилась по всей эллинистической диаспоре и Палестине. Еврейский эллинистический философ Филон Александрийский сообщает (Филон Александрийский, «Жизнь Моисея», 11:41-42) о ежегодном празднике, который евреи устраивали на острове Фарос в память о «Переводе семидесяти». Однако со временем в тексте Септуагинты накапливалось множество неточностей и искажений, вызванных ошибками переписчиков и трудностями передачи традиции, и уже в I веке н. э. евреи стали относиться к ней с подозрением из-за многочисленных отличий от масоретского текста. В результате уже в первые века новой эры были созданы новые версии греческого перевода – как еврейские, так и христианские.

В III веке н. э. александрийский монах, теолог и философ Ориген (около 185–254) провел колоссальный по объему сравнительный анализ изводов греческой Библии с целью создания критически выверенного текста. Стремясь восстановить «подлинный» текст Септуагинты, Ориген создал труд, известный под названием Гексапла (греч. ἑξαπλά, эксапла – «шестикратная»; 245 год). В Гексапле шесть параллельных колонок: еврейский масоретский текст; его транслитерация греческими буквами; 3-я, 4-я и 6-я колонки – греческие переводы, известные как версии Аквилы, Симаха и Теодотия; 5-я – критическая версия Септуагинты в редакции самого Оригена. Из-за трудностей копирования Гексапла, как и вошедшие в нее греческие переводы, не сохранилась, и только в конце XIX – начале XX века в хранилищах рукописей, в Каирской генизе и среди археологических находок были обнаружены фрагменты этого труда. Несмотря на это, Гексапла сыграла огромную роль в христианской текстологии Библии, и именно на ее основе были созданы известные версии Септуагинты, также заметно отличающиеся друг от друга, и латинский перевод Библии – Вульгата. К началу IV века существовали три версии оригеновского текста Септуагинты, известные как кейсарийская, антиохийская и египетская.

Всего известно около 30 версий Септуагинты. Древнейшие из них – это фрагменты египетских папирусов первых веков новой эры, которые отличаются от более сохранившихся полных рукописей как редакцией текста, так и тем, что Б-жественное имя^[9] написано в них не греческими буквами, а архаическим еврейским письмом, так называемым палеоеврейским. Наиболее полные списки Септуагинты христианского времени представлены Синайским, Ватиканским и Александрийским кодексами, созданными в IV–IX веках. Первые печатные издания появились в XVI веке, все они были основаны на Ватиканском кодексе. В первой половине XX века специальная международная комиссия подготовила критическое издание Септуагинты, которое вышло под редакцией Альфреда Ралфса в Штутгарте в 1935 году и в дальнейшем неоднократно перепечатывалось.

Септуагинта написана на койне, общегреческом языке, который сложился в IV веке до н. э., а в римский период стал языком международного общения всего Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Текст ее во многом не совпадает с масоретским текстом Танаха: насчитывается около шести тысяч разного рода отличий.

Объем Септуагинты значительно больше объема еврейского Танаха: она содержит перевод всех книг еврейского канона, но названия некоторых из них, а иногда и порядок глав отличаются от еврейского; некоторые книги (Эстер, Ирмеяу, Даниэль) имеют дополнительные разделы. Переводы разных книг отличаются по своей точности: если книги Хумаша переведены достаточно близко к тексту, то, например, Иов или Мишлей являются скорее свободными переложениями. В Септуагинту вошли также многие апокрифические произведения, не включенные в еврейский канон: Юдифь, Товит, I–IV книги Маккавеев, II книга Ездры, книга Премудрости Соломона, Бен Сира, Книга Варуха, Псалмы Соломона. Вместо принятого в еврейском каноне деления Танаха на Тору, Пророки и Писания, книги Септуагинты распределены по разделам: Закон, История, Поэзия, Пророчество.

Страница из Пешиты. Восточная Сирия. Конец IX – начало X века

Почти все имена и географические названия приведены в Септуагинте в соответствии с греческими нормами: вместо Хава – Ева, вместо Ноах – Ной, вместо Моше – Моисес, вместо Шило – Силом и т. д. Многие фрагменты Танаха были, вероятно, восполнены греческими переводчиками по смыслу. Например, стих: «И Каин говорил [со] своим братом Гевелем. И было, когда они были в поле, Каин поднялся на своего брата Гевеля и убил его» (Берешит, 4:8) переведен как: «И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в поле...» Переводчиков, судя по всему, смущало чередование в книге Берешит имен Б-га Элоким и Йуд-ке-вав-ке, и почти всюду к имени Йуд-ке-вав-ке, переведенному как «Г-сподь», они добавили имя Элоким, переведенное как «Б-г». Некоторые особенности перевода объясняются, вероятно, языческим окружением. Например, слова из Шмот (22:28): «Б-га не поноси» (в нашем переводе, согласно пониманию Раши: «Судью не поноси») переведены как «богов не поноси». Таких изменений имеется множество. Язык Септуагинты изобилует гебраизмами, а особый греческий стиль изложения во многом подражает еврейскому. В некоторых случаях интерпретации текста совпадают с приводимыми в еврейских таргумах или мидрашах, в других – соответствуют христианской догме.

Судя по всему, греческая Библия, известная как Септуагинта и значительно отличающаяся от масоретского текста Танаха, имеет к описанному в «Послании Аристея» и Талмуде «Переводу семидесяти» весьма отдаленное отношение. Впрочем, возможно, причина столь значительных расхождений Септуагинты и масоретского текста – не только в недобросовестности переводчиков и ошибках переписчиков. Около пяти процентов библейских текстов, обнаруженных на Мертвом море^[10], по многим параметрам похожи именно на Септуагинту. Хотя эти тексты значительно отличаются друг от друга, их существование позволяет исследователям Библии предположить, что во времена Второго храма существовали различные еврейские традиции фиксации текста Танаха, на одной из которых, отличной от масоретской, и основывалась Септуагинта. Существует предположение и о существовании некоего изначального греческого текста, так называемой Прото-Септуагинты, однако обнаружить или реконструировать его пока не удалось.

Септуагинта не просто один из переводов Танаха. Она канонизирована восточнохристианскими церквями, весьма почитаема Западной церковью и на протяжении многих столетий считалась христианами подлинным текстом Библии, в то время как масоретский текст объявлялся подделкой, злокозненно сфальсифицированной иудеями, не желающими признавать истинность христианского учения. На Септуагинте, хоть и с учетом масоретского текста, основано большинство традиционных христианских переводов Библии (в том числе и русский синодальный перевод), и лишь с

распространением Реформации христиане-протестанты стали стремиться переводить именно Еврейскую Библию.

Другие греческие переводы I–II веков известны в основном по примечаниям к Септуагинте и по цитатам, приводимым отцами церкви, преимущественно Иеронимом, который имел список Гексаплы и использовал его для составления своего латинского перевода, Вульгаты. Перевод Акиласа, знатного римлянина, ставшего прозелитом, которого нередко идентифицируют с Онкелосом, упоминают и талмудические источники, и христианские отцы церкви. Стремясь противопоставить Септуагинте дословный перевод, он создал своего рода подстрочник, который пренебрегал законами греческого языка. Сохранились также фрагменты других переводов: Феодотиона, христианина родом из Эфеса, который жил в середине II века и, как указывает Иероним, принадлежал к партии иудействующих, и еврея Симмаха, чей перевод, сделанный в конце II века, считается наиболее совершенным с литературной точки зрения. Симмах руководствовался рукописной традицией, сходной с масорой, но его труд не пользовался популярностью ни в еврейской, ни в христианской среде.

Существуют также три анонимные версии греческого перевода Танаха, известные как Квинта, Секста и Септима (по месту, которое колонки занимали в Тетрапле – раннем варианте Гексаплы без двух первых колонок), из которых тоже сохранились отдельные фрагменты.

Сирийские (восточноарамейские) переводы. Пешита

В Сирии и Северной Месопотамии с древности было много еврейских, а впоследствии и христианских общин. Поэтому сирийские переводы Торы появились очень рано. Важнейший из них называется Пешита («Простой»). Время возникновения Пешиты точно не установлено. По-видимому, Хумаш был переведен в I веке н. э., а остальные книги – во II и III веках. В основном перевод сделан с масоретского текста.

По христианской версии, Пешита была составлена при царе Эдессы Абгаре V (I век н. э.), который, по преданию, посылал ученых в Землю Исраэля, чтобы те перевели Библию на сирийский. Другая версия гласит, что Абгар – это царь Адиабены, Изат II, перешедший со всей семьей и прислугой в иудаизм в I веке н. э. Другие традиции приписывают появление Пешиты временам царя Шломо, а его авторство – Хираму, царю Тира, или священнику Ассе, посланному царем Ассирии в Самарию. Есть мнение, что Пешита создана в начале новой эры в среде эдесских евреев.

Есть ряд связанных с Пешитой вопросов, которые не позволяют однозначно отнести ее ни к еврейским, ни к христианским переводам: с одной стороны, этот перевод не упоминается в Талмуде; язык перевода Танаха близок к языку Нового Завета; отдельные фрагменты перевода Йешаяу и Теилим изменены в соответствии с христианским учением. С другой – в нем много еврейских арамеизмов, непонятных христианам; изначально текст записывался еврейскими буквами; в тексте встречаются алахические и агадические вставки, скорее всего предназначенные для синагогального чтения; книга Теилим разделена на пять частей в соответствии с еврейской традицией. Эти несоответствия позволяют ряду исследователей предположить, что Пешита представляет собой компиляцию из различных переводов, часть из которых была создана евреями, а часть – христианами. Другие ученые доказывают, что этот перевод сделан не с масоретского текста, а с Септуагинты по версии Гексаплы.

Пешита была канонизирована сирийской церковью в конце III века, в V веке, в связи с расколом сирийской церкви на якобитскую и несторианскую, появились и две версии Пешиты: западная и восточная. Самая древняя рукопись Пешиты датируется 464 годом, первое печатное издание – 1645 годом.

Кроме Пешиты существуют и другие сирийские переводы Танаха IV–VI веков. Среди них христианско-палестинская версия IV века, записанная старосирийским письмом на местном арамейском диалекте; филоксенийская версия перевода Септуагинты, законченная в 508 году; Сиро-Гексапла – перевод 5-й колонки Гексаплы, законченный в 617 году, и др.

Латинские переводы. Вульгата

В первых веках новой эры существовал италийский, или старолатинский, перевод Септуагинты. Из него сохранились отрывочные стихи и отдельные фрагменты, цитируемые отцами церкви. Эти разрозненные элементы называют старой латинской версией. Со временем у западных христиан возникла необходимость в новом уточненном переводе. Этот труд предпринял крупнейший христианский апологет того времени Иероним (345–420), секретарь папы Дамасия I, знаток греческого и иврита, который в результате пятнадцатилетней работы создал полный латинский перевод Библии, основанный на Гексапле и учитывающий не только Септуагинту, но и масоретский текст. Этот перевод, называемый Вульгатой (лат. *Vulgata Editio* – «общепринятое издание»), фактически был канонизирован Римской церковью с VII века, хотя формально утвердил его Тридентский собор 1546 года. Впервые Вульгата была издана при папе Сиксте V под заглавием: «*Biblia sacra vulgatae editionis*» (Рим, 1590), а затем сличалась и переиздавалась папами Григорием XIV, Климентом VIII и др. В течение веков Вульгата служила источником всех переводов Библии на западноевропейские языки.

В 1965 году Папа Римский Павел VI принял решение о необходимости пересмотра всей Вульгаты. Новый латинский перевод издавался отдельными книгами на протяжении 14 лет, а в 1979 году, уже после кончины Павла VI, был издан в одном томе. Это издание получило название «Новой Вульгаты»; оно было утверждено папой Иоанном Павлом II в 1979 году и стало новым официальным текстом Библии, принятым в католической церкви. В 1986 году вышло в свет второе типовое издание Новой Вульгаты, в которое были внесены некоторые изменения для большей ясности и единообразия текста.

Кроме указанных основных переводов в Средние века существовали переводы коптский, эфиопский, армянский, готский, арабский и другие, сохранившиеся либо целиком, либо в отрывках.

Западноевропейские христианские переводы и издания

Католическая церковь неодобрительно относилась к самой идее перевода Библии на народные языки, так что первые западноевропейские переводы появились относительно поздно, с началом Реформации. В 1380 году профессор Оксфорда Джон Уиклиф сделал первые рукописные переводы Вульгаты на английский язык. Один из последователей Уиклифа, Ян Гус, активно проповедовал его идею о том, что люди должны читать Библию на понятном им языке; за такие речи в 1415 году Гуса сожгли на костре, для растопки использовав перевод Библии Уиклифа. Классическим немецким переводом считается перевод Мартина Лютера (1483–1546), который был закончен в 1534 году, а английским – перевод, предпринятый по инициативе короля Якова I, или

Авторизованный перевод (1611). В ходе Реформации Библия была переведена на основные европейские языки, и в дальнейшем множество раз переводилась заново, так как каждая эпоха требовала новых переводов. Переводы Библии сыграли важную роль в развитии протестантских христианских конфессий. Наибольшее число переводов Библии было создано в XX веке.

Существует более пятисот переводов Библии на английский (больше, чем на другие языки), некоторые из них имеют широкое хождение, другие известны только узкому кругу специалистов.

Еврейские переводы Хумаша и Танаха

С эпохи Средневековья наряду с христианскими переводами было создано и множество еврейских переводов Хумаша и Танаха на языки, которыми евреи пользовались в повседневной жизни, в том числе и на европейские. На еврейских переводах мы остановимся подробнее.

Еврейские переводы отличаются от христианских прежде всего двумя особенностями: во-первых, в их основе всегда лежит только масоретский текст, во-вторых, они всегда в той или иной степени учитывают устную традицию. Степень привлечения наряду с письменной и устной традиции может очень сильно различаться от перевода к переводу: если в одних текстах знакомство переводчика с Устной Торой – еврейской комментаторской традицией – проявляется только в переводческих интерпретациях, то другие могут быть насыщены агадическим и алахическим материалом и больше походить на запись проходящего в синагоге урока по недельному разделу Торы, чем на перевод Хумаша. Многие переводы на используемые евреями языки записывались и печатались еврейскими буквами. Все эти переводы были нацелены на то, чтобы позволить читателю прикоснуться к Откровению, данному Моше на Синае письменно и устно. Число таких переводов чрезвычайно велико; мы лишь вкратце перечислим некоторые из них, чтобы продемонстрировать, сколь часто возникала необходимость в переводах Торы на разговорные языки евреев.

Переводы на еврейские языки

Еврейско-персидский. Судя по многочисленным свидетельствам, переводы отдельных частей Танаха на различные диалекты персидского делались уже в глубокой древности. По мнению Рамбама, полный перевод Хумаша на персидский язык существовал еще до возникновения ислама. Первый сохранившийся перевод на еврейско-персидский датирован 1319 годом; исследователи предполагают, что в XIV–XV веках в еврейской персоязычной среде сложилась школа переводов Танаха. Первое печатное издание еврейско-персидского перевода Хумаша увидело свет в Константинополе (Стамбуле) в 1546 году. Первый перевод Хумаша и отдельных книг Танаха на язык бухарских евреев был опубликован Биньямином Коеном в 1883 году, а пятитомный перевод комментированного Хумаша, выполненный Шимоном Хахамом, был опубликован в 1901–1902 годах.

Еврейско-арабский. Евреи использовали арабский язык в повседневной жизни и литературном творчестве на протяжении многих столетий. Первый полный перевод Танаха на арабский был сделан Саадьей Гаоном (882–942). Он не сохранился, но фрагменты этого перевода были найдены в Каирской генизе. В Бодлеанской библиотеке Оксфорда хранится рукопись арабского перевода Хумаша, сделанного под влиянием

перевода Саадьи анонимным евреем из Северной Африки. Первое печатное издание арабского перевода Танаха издано Йехезкелем бен Шемтоном Давидом в 1895 году.

Еврейско-татарский. В Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, в коллекции Фирковича, хранятся рукописные переводы на еврейско-татарский язык, которым пользовались горские евреи Северного Кавказа, караимы и крымчаки Крыма. Полный Танах на еврейско-татарском в четырех томах был опубликован лишь в 1841–1842 годах.

Еврейско-романские переводы. Еврейские переводы Танаха на романские языки появились еще в раннем Средневековье. В их основе лежали переводы на вульгарную латынь, которые устно передавались евреями имперского Рима и использовались в литургических и учебных целях.

Судя по сохранившимся глоссам, переводы Танаха на еврейско-итальянский существовали еще в XI веке, а в XIII веке раввины Рима постановили использовать в литургических целях итальянский перевод Хумаша, аналогичный таргуму. Рукописи переводов Хумаша, сидура и махзоров на еврейско-романский и еврейско-итальянский известны с XIV века. В ту же эпоху существовали переводы отдельных книг Танаха на еврейско-французский, еврейско-провансальский и еврейско-каталонский диалекты.

Еврейско-испанский (ладино). Среди ранних версий перевода Танаха на кастильскую диалект, хранящихся в библиотеке Эскориала в Мадриде, есть и еврейско-испанские переводы, датированные XII–XV веками. Некоторые из них записаны латинским шрифтом, другие – еврейским. После изгнания из Испании переводы Танаха на ладино, напечатанные еврейским шрифтом, использовались во всех сефардских общинах мира. Первое печатное издание еврейско-испанского перевода Хумаша и Теилим, отличное от христианских переводов на испанский, увидело свет в Константинополе (Стамбуле) в 1540 году. Полный перевод Танаха на ладино, заверченный Менаше бен Исраэлем (1604–1657) в 1627 году и опубликованный в 1739–1745 годах, долгое время был одной из наиболее популярных среди сефардских евреев книг.

Идиш. Старейшие версии переводов Хумаша на идиш были сделаны немецкими раввинами, которые с XIII века вносили в свои комментарии идишские глоссы (переводы и разъяснения отдельных слов и выражений). В XII–XV веках были созданы целые идишские глоссарии, списки которых хранятся в разных библиотеках Германии. С XIV века появились прозаические переводы отдельных книг Танаха, предназначенные для простолудинов и женщин, которые не владели Святым языком. Эти переводы, сделанные на основе текстов, восходивших к XIII веку, еще довольно неуклюжи и буквальны. В Средневековье создавались и рифмованные парафразы сюжетов Танаха, которые под влиянием средневековой бардовской поэзии отходят от буквального понимания текста и часто используют агадические мотивы. С XV века появились и прозаические парафразы к отдельным книгам Танаха (маасийот), большая часть которых не сохранилась. Самый ранний перевод на идиш Хумаша с афтарот, составленный крещеным евреем Михаэлем Адамом, был напечатан в Константинополе (Стамбуле) в 1544 году. В этом же году в Аугсбурге вышел перевод другого крещеного еврея – Пауля Эмилия. В XVI–XVII веках появилось несколько переводов Хумаша, прозаических и рифмованных. В XVII веке увидела свет книга Цеена у-рена Якова-Ицхака Ашкенази (Люблин, 1616) – пересказ Хумаша с обширными дополнениями нравоучительного толка из Талмуда, мидрашей и фольклорных источников. Он сразу же завоевал колоссальную популярность, многократно переиздавался и продолжал оставаться одной из самых популярных книг восточноевропейского еврейства до конца XIX века.

Еврейские переводы на европейские языки

Немецкий. Первый еврейский перевод Хумаша на немецкий осуществил Моше Мендельсон (см. о нем выше), чтобы приучить евреев к литературному немецкому языку вместо разговорного «жаргона». Перевод этот, напечатанный еврейскими буквами параллельно с еврейским текстом и в сопровождении комментария Биур («Разъяснение»), вышел под заглавием Нетивот а-шалом («Стези мира») в 1783 году, в дальнейшем был опубликован и весь Танах. Позднее (в 1815 году) этот перевод был опубликован и в немецкой графике. Перевод Мендельсона, положивший начало еврейскому Просвещению – Гаскале, был осужден большинством ортодоксальных раввинов того времени, неоднократно запрещался к использованию, но, несмотря на это, получил широкое распространение в Западной и Восточной Европе. На протяжении XIX века был опубликован ряд немецких переводов Хумаша, большинство из которых было выдержано в духе Просвещения и «науки о еврействе»^[11]. Ортодоксальный перевод Танаха вышел в 1865 году под редакцией р. Ицхака-Дова Бамбергера. Особое значение имеет комментированный перевод Хумаша р. Шимшона-Рафаэля Гирша (пять томов, 1867–1878), в значительной степени повлиявший на становление неортодоксального направления в иудаизме. В начале XX века появились новаторские переводы Танаха: Лазаря Гольдшмидта (1923), стремившегося с максимальной полнотой освоить еврейскую комментаторскую традицию, Мартина Бубера и Франца Розенцвайга, в котором предпринята попытка передать поэтику библейского иврита (15 томов, 1926–1937).

Английский. В XVIII веке, когда евреи Англии и Северной Америки начали использовать в быту английский язык, появилась потребность и в еврейском переводе Танаха на английский. В 1787 году издатель Давид Леви опубликовал перевод Хумаша с афтарот, основанный на отредактированной версии Библии короля Якова (1611), с еврейскими аннотациями к каждой главе. В Америке Ицхак Лизер в 1845 году опубликовал перевод Хумаша (в пяти томах), а затем и полный перевод Танаха, основанный на немецком переводе Мендельсона. В конце XIX века были опубликованы еще несколько еврейских переводов Хумаша и Танаха.

В 1917 году Еврейское издательское общество Америки (JPS) опубликовало новое английское издание Танаха, основанное на предыдущих еврейских переводах, но в большей степени учитывавшее еврейскую комментаторскую традицию. Этот перевод был в значительной степени пересмотрен и заново опубликован в 1985 году, дополнительная ревизия его была произведена в конце 1990-х – начале 2000-х годов. В первой половине XX века были опубликованы и реформистские переводы, в большей или меньшей степени отрицавшие традиционные комментарии. Всего в XX веке на английском языке увидели свет около ста различных еврейских переводов Танаха и отдельных его частей – переводы ортодоксальные, реформистские, модернистские, феминистские, постмодернистские и прочие с комментариями самого разного рода. Новые английские издания Хумаша и Танаха продолжают выходить в свет и сегодня.

В XIX–XX веках были осуществлены также еврейские переводы Хумаша и Танаха на венгерский, голландский, датский, испанский, итальянский, румынский, польский и французский языки.

Русские переводы Танаха

Церковнославянский перевод. В IX веке славянские племена постепенно начали обращаться в христианство. Географически они находились между двумя сферами культурного влияния – Византией и Римом. В Византии Библия читалась по Септуагинте,

в западных странах – по Вульгате. Ни тот, ни другой перевод не был понятен славянам. В 864 году в Моравию приехали византийские миссионеры Константин (Кирилл) и Мефодий. Кирилл хорошо владел славянским языком и решил перевести для своей паствы библейские тексты, для чего составил славянскую азбуку, используя греческие и еврейские буквы. Перевод Септуагинты (именно ее переводили с греческого Кирилл и Мефодий) на славянский, точнее, на староболгарский язык вызвал много протестов. Кирилла и Мефодия обвиняли в том, что они вышли за пределы трех священных языков (еврейский, греческий и латинский), на которых только и можно читать Писание. В конце концов с новшеством смирились как в Византии, так и в Риме.

Таким образом, в славянских землях появилась Библия в переводе Кирилла и Мефодия, но в рукописных списках их перевода очень быстро увеличивалось число различий, вызванных небрежностью или злонамеренностью переводчиков, что требовало постоянного «исправления» текстов. Унификацией славянской Библии особенно много занимались в XV – начале XVI века, в результате чего часть книг была исправлена, часть переведена заново с Септуагинты и с ориентацией на Вульгату. Вскоре на Руси появилось книгопечатание. В 1581 году вышла в свет первая печатная славянская Библия (Острожская Библия), сильно отличавшаяся от переводов Кирилла и Мефодия. Она основывалась на Вульгате, чешской Библии, Библии, изданной Франциском Скориной, и других текстах. По Острожской Библии была издана и первая Московская Библия 1663 года, а в XVIII веке, при Петре I, было начато восстановление оригинального славянского текста по Септуагинте и старым славянским рукописям. Работа эта завершилась в 1751 году выходом так называемой Елизаветинской Библии.

Синодальный перевод. Церковнославянский язык, выполнявший также и функции литературного языка, изначально был очень близок к обиходному. Лишь в XVII–XVIII веках из-за появления существенных различий между церковнославянским и русским языком начал вырабатываться новый литературный язык. Уже в XVII веке под европейским влиянием предпринимались опыты перевода Танаха на язык обиходный. Например, протестантский пастор Глюк, живший в Мариенбурге, с помощью русского священника сделал перевод части Танаха со славянского языка на русский (перевод не сохранился). Целью Глюка было предоставить русскому населению прямой доступ к Писанию.

Начало систематического перевода Танаха на русский язык связано с деятельностью Российского библейского общества (1812–1826), исходной целью которого было распространение Библии среди протестантов. В 1822 году Российское библейское общество опубликовало русский перевод Теилим, выполненный с еврейского оригинала гебраистом Г.П. Павским. Предисловие, составленное московским архиепископом Филаретом, отмечало те систематические искажения первоначального смысла, которые содержит перевод Септуагинты. В 1824–1825 годах Российским библейским обществом было опубликовано Восьмикнижие (Хумаш, Йеошуа, Шофтим и Рут). Оригиналом служил еврейский текст, дополненный в согласии со славянским текстом по греческому оригиналу Септуагинты. В связи с закрытием в 1826 году Библейского общества Восьмикнижие не было пущено в продажу; напечатанное прежде Пятикнижие было сожжено на кирпичном заводе Александро-Невской лавры из опасения, что оно может привести к распространению ереси. Несмотря на это, Восьмикнижие переиздавалось Британским библейским обществом; книга Теилим в переводе Павского вышла в свет с параллельным еврейским текстом (Лейпциг, 1853).

В середине 20-х годов XIX века православный истеблишмент начал отчаянную борьбу против перевода Танаха. Обер-прокурор Синода Н.А. Протасов (1799–1855)

представил императору столетней давности послания к Синоду Русской церкви, в которых греческие патриархи осуждали чтение мирянами Библии «без руководства». В 1826 году Николай I подписал официальный указ о закрытии Библейского общества, а работа над русской Библией была приостановлена. После этого работа над переводами Танаха официально была прекращена, но это не помешало появлению новых переводов. В 1839–1841 годах были литографически изданы переводы Танаха, сделанные Г. П. Павским на своих лекциях по еврейскому языку и богословию для студентов Санкт-Петербургской Духовной академии. Кроме текстов они включали в себя толкования и развернутые оглавления. Распространение этих переводов навлекло на Павского обвинения в ереси; долгий разбор дела в Синоде закончился разысканием и уничтожением большого числа литографий. В 1836–1847 годах миссионер Макарий Глухарев подготовил перевод большей части книг Танаха и некоторых апокрифов, включенных в Септуагинту.

В эти же годы предпринимались и другие опыты перевода Танаха на русский язык. Среди них несомненно заслуживает упоминания перевод, изданный в 1860 году в Лондоне под следующим заглавием: «Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета, переведенное с еврейского независимо от вставок в подлинник и от его изменений, находящихся в греческом и славянском переводах. Ветхий Завет. Отдел 1-ый, заключающий в себе закон или пятикнижие. Перевод Вадима». Его автор, В. И. Кельсиев (1835–1872) – бывший студент Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, политический эмигрант и соратник Герцена и Огарева, в дальнейшем раскаявшийся и вернувшийся в Россию. Именно Герцен предложил Кельсиеву взяться за этот труд; в дальнейшем Герцен говорил, что именно издание перевода Вадима побудило Синод ускорить работу над русским переводом Библии. Образцом для В.И. Кельсиева служил английский еврейский перевод Авраама Бениша (1851 год), своего рода подстрочник масоретского текста, лишь иногда учитывающий особенности английского языка. Перевод Вадима тоже крайне буквален и временами напоминает малопонятный подстрочник. Кельсиев жаловался на отсутствие «готового русского библейского языка» и попытался изобрести совершенно новую библейскую фразеологию. Так, арон брит А-Шем он перевел как «Сундук Союза Сущего», шабат – как «день Отдыха», малах – как «исполнитель» и т. п. Еще одной особенностью перевода В.И. Кельсиева является транскрибирование имен и названий, насколько это позволяют фонетические возможности русского языка. Так, фараона он называет «парао», египтянина – «мицрит», еврея – «ибрит». Но, несмотря на многочисленные несуразности, Кельсиев сделал и множество замечательных переводческих открытий, которые были востребованы лишь спустя полтора столетия.

С воцарением в 1855 году императора Александра II и последовавшим изменением политической обстановки в России московский митрополит Филарет добился от Синода согласия на подготовку русского перевода Танаха и использование в качестве основы для него масоретского текста. Он пригласил гебраистов Д. А. Хвольсона, В. А. Левисона, М. А. Голубева, Е. И. Ловягина и П. И. Савваитова обработать переводы Г. Павского и Макария Глухарева. Часть книг Танаха была переведена в Киеве; впрочем, в окончательное издание перевода эти переводы не вошли. Опубликованные тексты были значительно отредактированы членами Синода, а затем, в 1876 году, вся Библия была издана «для домашнего назидательного чтения». Этот перевод, получивший название синодального и до сих пор считающийся основным русским переводом Библии, по сути, является переработкой предшествовавших ему переводов. Он был объявлен синтезом еврейского и греческого оригиналов, хотя на самом деле во многом следует славянской версии. Перевод сделан с масоретского текста, в круглых скобках введены добавления Септуагинты, включенные в Елизаветинскую Библию, но во всех сложных местах Танаха

интерпретация следует не за еврейским оригиналом и даже не за Септуагинтой, а непосредственно за славянской версией.

Синодальный перевод страдает множеством недостатков – как в литературном смысле, так и в содержательном. Сразу же после публикации он вызвал шквал критики, но в силу исторических причин он долгое время был главным русским переводом Танаха, и после его появления Библия стала самой тиражируемой русской книгой.

Параллельно работе над синодальным переводом гебраисты В. А. Левисон и Д. А. Хвольсон, по происхождению крещеные евреи, при содействии П. И. Боголюбова и П. И. Савваитова выполнили перевод Танаха с еврейского оригинала без вставок по Септуагинте и славянскому тексту. Отдельными частями он публиковался в Лондоне в 1866–1874 годах. В 1877 году в Вене Британское библейское общество опубликовало полный текст Танаха. В дальнейшем этот перевод перепечатывался с параллельным еврейским текстом (Вена, 1888, 1897 и др.) и с пометой «предназначенный для евреев» ввозился в Россию.

В 1882 году под заглавием «Священные книги Ветхого Завета» Синодальная типография в Санкт-Петербурге опубликовала по заказу Британского библейского общества Ветхий Завет в синодальном переводе с устранением всех вставок по славянскому тексту, но с сохранением семантических изменений. Вероятно, эта версия послужила основой при перепечатке синодального перевода баптистами в 1926 году за рубежом, а позже Израильским библейским обществом (Иерусалим, 1991, 1992).

Российское библейское общество. После революции 1917 года работа над переводами Танаха практически прекратилась, лишь в 1970-х годах появилось несколько фрагментарных переводов С. С. Аверинцева, И. М. Дьяконова и др. Активная переводческая деятельность в этой области возобновилась лишь в конце 1980-х годов и продолжается по сей день. С середины 1990-х годов центром библейских переводов стало обновленное Российское библейское общество (РБО). Провозглашенная цель Общества – обеспечение христиан всех конфессий Священным Писанием на понятном для них языке и распространение христианской веры. Переводы Библейского общества в первую очередь смысловые, они выполнены исключительно с масоретского текста, следуют принципам научной корректности, учитывают последние достижения современной библеистики и опыт современных переводов Библии на европейские языки. Нет смысла говорить, что издания РБО столь же далеки от еврейского прочтения Танаха, сколь и синодальный перевод. К настоящему времени РБО издало большую часть книг Танаха, к 2010 году перевод планируется завершить полностью.

Среди переводов, увидевших свет в начале 1990-х годов, выделяется монографический перевод И.Ш. Шифмана: *От Бытия до Откровения. Учение. Пятикнижие Моисеево*. М.: Республика, 1993. И.Ш. Шифман (1930–1990) – советский историк-востоковед. Его перевод выполнен по критическому изданию масоретского текста (труд Рудольфа Киттеля, впервые вышедший в свет в 1906 году, а в 1977-м увидевший свет в переработанном виде под названием «*Biblia Hebraica Stuttgartensia*»), с учетом Септуагинты, Самаритянского Пятикнижия, Вульгаты, таргумов и т. д. Шифман предлагает филологическую интерпретацию текста Хумаша на основе параллельных древневосточных материалов и стремится максимально приблизить перевод к академическому пониманию оригинала, говоря его словами: «представить современному читателю библейский текст таким, каким его воспринимали в середине первого тысячелетия до новой эры, когда Библия только складывалась». Перевод сопровождается подробными комментариями историко-филологического характера.

Еврейские переводы Хумаша на русский

История еврейских, как и нееврейских, переводов четко делится на два этапа. Первый – период между 1862 и 1906 годами, второй начался в 1975 году и продолжается и сегодня. Переводы, выполненные на первом этапе, довольно малочисленны; о втором этапе такого сказать нельзя. В последнее время новые русские издания Хумаша – просто переводы, переводы с транслитерацией еврейского текста русскими буквами, с классическими и современными комментариями, – выходят в свет практически ежегодно. Мы упомянем лишь некоторые из них.

«Тора, т. е. Закон, или Пятикнижие Моисеево, буквальный перевод Л. И. Мандельштама, кандидата Петербургского университета. В пользу русских евреев. Берлин, 5622 (1862)». Публиковался также с параллельным еврейским текстом (Берлин, 1872). Перевод и комментарии, написанные на хорошем русском языке, стараются примирить Тору с научными представлениями. В предисловии отмечается, что евреи, как граждане России, должны пользоваться русским языком во всех сферах общественной жизни.

«Пятикнижие». Вильна, 1875. С параллельным еврейским текстом. Перевод библиста И. Г. Герштейна и поэта Л. О. Гордона.

«Пятикнижие Моисеево». С параллельным еврейским текстом и комментариями. О. Н. Штейнберг. Вильна, 1901–1902. О. Н. Штейнберг (1830–1908) – деятель еврейского Просвещения, создатель единственного еврейско-русского словаря к Танаху (1878), грамматик еврейского и арамейского языков. Издание носит учебный характер, комментарии на иврите и русском языке касаются истории, филологии и теологии, отражая яркую личность и незаурядные познания их автора.

«Пять книг Торы. Текст сверен с рукописью и масорой Кэтэр Арам Цовы и сходных с ней рукописей Мордыхаем Броером. Русский перевод Давида Йосифона». Йерушалаим: Мосад арав Кук, 1975. Перевод близок к синодальному, но в нем предпринята попытка освободиться от архаизмов; в круглых скобках включены пояснения. Выдержало ряд переизданий, в последующих изданиях было исправлено неблагозвучие в передаче топонимов и имен собственных.

«Тора с русским переводом». Редактор русского перевода П. Гиль. Под общей редакцией проф. Г. Брановера. Иерусалим: Шамир, 1993. Ревизия синодального перевода с опорой на комментарии Раши. Перевод освобожден от буквализмов и антропоморфизмов. В издание включены также афтарот. Выдержало ряд переизданий.

«Пятикнижие и афтарот». Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино». Комментарии составил д-р Й. Герц, главный раввин Британской империи. Москва–Иерусалим: Гешарим, 2001. Перевод под ред. П. Гиля, адаптированный к комментарию. Выдержало ряд переизданий.

«Тора» с комментариями р. Шимшона Рафаэля Гирша. Перевод Пятикнижия Ц. Вассерман, А. Кац и А. Ульман, перевод комментария Г. Спинадель, А. Розенфельд. В пяти томах. Иерусалим: Швут Ами, 1997–2001. Перевод, в максимальной степени следующий за комментарием.

«Пятикнижие с толкованием Раши». Перевод Ф. Гурфинкель. В пяти томах. Иерусалим: Швут Ами, 2005. Почти подстрочный перевод, следующий за подстрочным же переводом Раши.

[1] Моше (Мозес) Мендельсон (1729–1786) – философ, прозванный «отцом еврейского Просвещения».

[2] По данным Библейского общества, Библия полностью или частично переведена на 2377 языков народов мира, полностью издана на 422 языках. Подсчитать же общее число переводов не представляется возможным.

[3] Кантиляция (от лат. *cantillo* – «тихо пою», ивр. «таамим» – букв. «смыслы») – мелодическое речитативное чтение Хумаша и Танаха. Знаки кантиляции (таамей а-микра), зафиксированные в масоре, имеют тройную функцию: музыкальную – фиксация традиционной мелодии; синтаксическую – деление стиха на смысловые части и установление связи между отдельными словами; фонетико-грамматическую – выделение ударного слога в словах.

[4] Русский перевод: Письмо Аристея к Филократу / Введение и пер. В.Ф. Иваницкого // Труды КДА. 1916. Т. II. С. 7–8; Т. III. С. 9–10.

[5] Впоследствии он был совмещен с постом в память о начале осады Иерусалима вавилонским царем Невухаднецаром, которая закончилась разрушением Храма, и отмечается 10 тевета.

[6] На арамейский язык.

[7] В Вавилонском и Иерусалимском Талмудах упоминается также праведный прозелит Акилас, составивший перевод Торы на греческий (фрагменты греческого перевода Хумаша, называемого переводом Акиласа, сохранились до наших дней). Возможно, Онкелос и Акилас – один и тот же человек.

[8] Микраот гдолот (ивр. «Великие писания») – традиционные издания Хумаша с обширными комментариями.

[9] «Это ясное имя, указывающее на Самого Б-га, но не в смысле указания на нечто неопределенное в пространстве или нечто неизвестное и обобщенное,.. а которое свойственно только Ему и является собственным Четырехбуквенным Именем» (Йеуда Галеви, Сефер а-кузари, 4:1).

[10] О рукописях Мертвого моря см. в начале статьи: Лехаим. 2009. № 6. С. 20. Примеч. 4.

[11] «Наука о еврействе» (*Wissenschaft des Judenthums*) – движение еврейских интеллектуалов, возникшее в Германии в начале XIX века. Основываясь на научном подходе к еврейской традиции, стремилось лишить иудаизм национальной обособленности и сделать его частью европейской культуры. Отцы «науки о еврействе» считали, что научный подход к иудаизму сможет вернуть немецкому еврею чувство собственного достоинства и проложит ему дорогу к эмансипации и ассимиляции.

ЕВРЕИ СТАРОЙ КРЕПОСТИ

Èéîÿ Èàðì àí èî

В декабре в Государственном Кремлевском дворце вручали премию Федерации еврейских общин России «Человек года – 5768 (2008)». В номинации «Общинная жизнь» таким Человеком стал Марк Петрушанский. И не зря. Марк Борисович возглавляет во Владикавказе общину, которая состоит из... европейских евреев. И она достойна всяческих похвал! В чем мы смогли убедиться, побывав в этом городе, некогда – центре большого беспокойного региона, Терской области, ныне – столице прекрасной, но почему-то не очень счастливой республики под названием Северная Осетия-Алания...

Владикавказ – один из крупнейших городов Юга России – пересечение Востока и Запада, разноплеменный и многоязыкий кавказский Вавилон...

Правда, сегодня от Старой крепости на Терке сохранился лишь кусок кирпичной стены в центре города, а еще – множество легенд о героическом прошлом, славной истории края.

Здесь изумительная природа, чистейший воздух, вкуснейшая еда и вода (та, что течет из кранов, – родниковая!), доброжелательные люди... В общем, как любили повторять экспансивные горцы, «Б-г сотворил два чуда – Владикавказ и пистолет маузер!»

Надтеречье

Дзауджикау, то есть «селение Дзауга», – так в старину именовалось поселение на месте теперешней столицы Северной Осетии. Став частью Российской империи, оно превратилось во Владикавказ. В советское время город носил революционное имя Орджоникидзе, а в 1990-м обрел прежнее название.

Основали крепость у подножия Главного Кавказского хребта в 1784 году – она стала «замкоѴм» Дарьяльского ущелья, ключом к стратегической Военно-Грузинской дороге. В 1860-м появился указ Сената о преобразовании крепости в город. Со временем Владикавказ стал центром Терской области. В нее, помимо Осетии, входили Кавказские Минеральные Воды, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Чечня...

К концу XIX века в городе сосредоточилась экономическая и культурная жизнь региона. Здесь создавались предприятия, открывались банки, магазины, школы, училища, библиотеки. Появилась газета «Терские ведомости», а также областной музей, городской театр. В многонациональном и многоконфессиональном Владике, как его ласково называют местные жители, работали два десятка православных храмов, суннитская и шиитская мечети, костел, кирха, армянская церковь, четыре синагоги и молельня «субботников».

Но спокойные времена прошли. Илья Эренбург, осенью 1920 года побывавший во Владикавказе, писал:

Город напоминал фронт. Обыватели шли на службу озабоченные, настороженные: они не понимали, что гражданская война идет к концу, и по привычке гадали, кто завтра ворвется в город.

Памятник И.А. Плиеву

Двор, где ранее располагались миква и синагога

В январе 1921 года на территории Терской области была образована Горская АССР, в состав которой вошли Владикавказский, Кабардинский, Балкарский, Карачаевский, Чеченский и Назрановский округа. Центром новообразования вновь стал Владикавказ.

Конечно же, самая главная и живописная из местных достопримечательностей — Дарьяльское ущелье, где зарождается бурный Терек. Хозяева считают своим долгом показать Дарьял каждому гостю Осетии. Не стали исключением и мы.

Сразу вспомнились Ильф и Петров: «Очаровательные виды. Захватывающий пейзаж. Чудный горный воздух!» Все это было. Но не было ни легковых авто, ни даже звонко бренчащей арбы горцев. Лишь блокпосты и бойцы в камуфляже. Знаменитое ущелье приходит в запустение...

Обычно на Кавказе ущелье называют по имени реки, по нему протекающей. Но по Дарьяльскому течет Терек. Как же так?

Наш гостеприимный гид – первый заместитель председателя парламента РСО-Алания Станислав Кесаев – разъяснил этимологию названия: «дара» – «ворота», «ал» – аланы. То есть «Дарьял» значит «Аланские ворота». Еще его называют Воротами Кавказа. Именно аланы, предки осов (овсов, ясов, то есть осетин), в древности владели этим «кавказским узлом».

Станислав Магометович поведал нам много интересных преданий о здешних местах. Например, о могучей горе с плоской вершиной, что величаво возвышается над окрестностями, по российской топонимике последних трех веков – горе Столовой, увековеченной в гербе Владикавказа. Осетины называют ее Мадхох, то есть Мать-гора.

И не случайно: почтение к матери очень сильно у осетин. Говорят, этим близки два древних народа – «освоившие» всю Европу воинственные аланы и кочевавшие по миру евреи. И у тех и у других «генетическая память рода» передается по женской линии. Ведь у осетин третий вопрос при знакомстве: «Чей ты племянник?» – то есть из какого рода твоя мать? Кроме того, выходя замуж, осетинка не брала фамилию мужа, а сохраняла свою, девичью!

У древних алан, говорит Кесаев, существовал культ матери, женщины – спасительницы рода. Видимо, именно из этих мест идут предания о красавицах, взмахом платка останавливающих мужскую сечу...

Недавно Владикавказу присвоили звание «Города воинской славы». Это событие стало настоящим национальным праздником. Для Осетии такое признание вклада в общую Победу очень важно – ведь с фронтов Великой Отечественной не вернулись 40 тыс. осетин, а это каждый пятый (!) житель республики. В ноябре 1942 года на подступах к городу была разгромлена мощная группировка фашистских войск и похоронен гитлеровский план по захвату Кавказа. Владикавказ дал стране 11 генералов и 22 Героя Советского Союза! Среди них – уроженец Владикавказа, военный летчик, Герой Советского Союза еврей Юрий Бунимович.

Память о воинах в Осетии священна. Во Владикавказе она увековечена на территории обширного парка – большом мемориальном поле с монументальными композициями, грандиозными памятниками, триумфальными воротами, вечным огнем. Здесь же – могилы выдающихся людей Алании. Вот надгробие генерала армии, дважды Героя Советского Союза, легендарного Иссы Плиева. Но упокоились тут не только павшие герои и военачальники, но и мирные труженики, прославившие республику, известные художники, музыканты, поэты, артисты...

Например, раскрытые ноты и дирижерская палочка – надгробие выдающегося дирижера Павла Ядых, которого хорошо помнят в еврейской общине Владикавказа: народный артист, руководитель симфонического оркестра, с которым выступали Эмиль Гилельс, Яков Флиер, Белла Давидович, Яков Слободкин, Борис Гутников, Игорь Ойстрах...

Есть во Владикавказе еще один, не очень приметный, но весьма значимый мемориал. Находится он во дворе еврейского общинного центра. Появился в 2001 году, а создан на пожертвования членов общины «Шолом» по проекту ее председателя. Это памятник 288 воинам-евреям из Северной Осетии, не пришедшим с фронтов Великой Отечественной, и более чем тремстам воинам-евреям, павшим при обороне Владикавказа. В день начала войны и в день Победы у мемориала собираются ветераны и родственники павших, приходят дети и молодежь.

Город мастеров

Евреи Владикавказа подсчитали, что их соплеменники живут в здешних краях более 200 лет, причем в основном – ашкеназы. Почему же так много европейских евреев оказалось в некоронованной столице Северного Кавказа?

Еще в XVII веке по распоряжению Екатерины II пленных еврейских солдат, служивших в армиях Польши и Литвы, отправляли на освоение новых земель – в Малороссию, Крым и на Кавказ. А в 1804-м, при Александре I, был издан Указ правительства, разрешающий европейским евреям жить на Кавказе.

Появление евреев – портных, часовщиков, ювелиров, эполетчиков, чемоданщиков, шляпников – было связано с потребностью в опытных мастерах для обслуживания гарнизона крепости. Тех, чей профессионализм так ценился среди «господ офицеров», в избытке могли поставить местечки Украины и Белоруссии, Литвы и Польши. Но были здесь и армяне, и поляки, и греки – представители более 100 национальностей.

Причем заселение крепости осуществлялось в ту пору «профильно» и «по разрядке»: при городской администрации существовала специальная комиссия, где претенденты доказывали свое превосходство. Не прошедших «конкурс» под надзором полиции отправляли обратно в черту оседлости. Так что владикавказские евреи были мастерами высочайшего класса.

Например, далеко за пределами Северного Кавказа славилось искусство портного Якова Соболевского. Среди его клиентов были Орджоникидзе и Киров, заказы приходили из Европы и Америки, а пошитый им офицерский мундир завоевал гран-при на выставке в Варшаве. И хотя мастеру приходилось работать без примерки, не было случая, чтобы мундир не подошел заказчику!

По всей России славились часы, изготовленные Ароном Креком. В одной из семей Владика с 1880 года хранятся часы от Крека, снабженные барометром и психрометром – прибором для измерения влажности воздуха и температуры. Часы ни разу не ремонтировались, по сей день идут и с точностью предсказывают погоду.

С. Кесаев и М. Петрушанский

...Начиная с 1827 года в местном гарнизоне появились рекруты-евреи, число которых доходило до двухсот. А со временем во Владикавказе стали селиться вышедшие в отставку «евреи из нижних чинов», отслужившие 25 лет и получившие право жить вне черты оседлости. Так в городе образовалась прослойка «служивых евреев», для которых в середине 1860-х была построена Солдатская синагога.

Правда, на долю местных иудеев дважды выпадало серьезное испытание. В 1827-м, а потом в 1835 году из Петербурга пришли предписания: выселить всех евреев из города! Оба раза итог был одинаков: поскольку товары и услуги начинали дорожать и ощущался недостаток хороших специалистов, офицеры и горожане обращались в столицу с ходатайством евреев вернуть. И тех скрепя сердце возвращали.

Постепенно иудеи обжились в крепости и в городе. Отношения с местным населением у них всегда складывались весьма доброжелательные. В 1879 году был открыт хедер. Согласно архивным документам, в 1890 году в трехклассной еврейской школе занимались 76 мальчиков, изучали Тору, русский язык, идиш, арифметику, биологию. В 1885 году во Владикавказе было учреждено духовное правление во главе с казенным раввином. Им стал выпускник житомирской ешивы Моисей Визин.

4 июля 1879 года евреи-ремесленники города обратились с прошением к властям Терской области об организации «отдельного молитвенного общества» и «молитвенной школы с образованием при ней». Так в 1880-м во Владикавказе на улице Святополковской появилась Ремесленная синагога. Построил ее архитектор Владимир Иосифович Гозмани.

В «Сборнике сведений о Терской области» за 1878 год указывается, что на 1 января 1877 года число жителей Владикавказа составляло 15 868 человек, из них евреев – 742 человека. А по первой всероссийской переписи населения 1897 года их было уже 1214. К 1917 году в городе было четыре синагоги, еврейское кладбище, школа, клуб и еврейское кредитное товарищество.

По переписи 1923 года во Владикавказе проживали 72 тыс. человек, из них 1143 еврея (1,6%). Иудеи по-прежнему собирались в синагоге по улице Святополковской (ныне Тамаева). Но верить в Б-га новые власти «разрешали» недолго: в 1930-х атеисты одержали победу, храмы были закрыты.

С течением времени евреи-ремесленники постепенно сменили род деятельности. В конце XIX – начале XX века они были достойно представлены в купеческом сословии города на Тереке. Особенно много было еврейских аптек, магазинов готового платья, а также «часов и золотых вещей».

Поначалу владикавказские евреи «немножко» увлеклись революцией. (Так, все «первые-первые» секретари обкома ВКП[б] Северной Осетии были евреями – Морис Белоцкий, Давид Демиховский, Генрих Маурер; секретарем Ингушского обкома, располагавшегося во Владикавказе, – Исидор Черноглаз; первым наркомом просвещения Терской области – Яков Маркус.) Но потом потихонечку «перепрофилировались». Сегодня они занимаются по преимуществу интеллектуальным трудом...

Общественный гроб без крышки

В последние годы стали известны многие материалы архивов КГБ. А из них – некоторые детали из жизни евреев Надтеречья в советские времена.

Оказывается, во время и после войны во Владикавказе (вернее, в Дзауджикау – с 1944 по 1954 год город снова носил старинное название) существовала еврейская община, насчитывавшая около ста человек. Собирались в частных домах, арендовали квартиры. Старостой с 1943 по 1949 год был Шая Свидлер, а после его смерти – Натан Декенберг, он же шохет. Пытались было евреи Дзауджикау общину зарегистрировать, поручив это Афроиму Станкевичу и Адольфу Догошинскому, однако получили отказ. 16 января 1953 года Натан Декенберг был арестован органами МГБ Северо-Осетинской АССР, осужден и впоследствии сгинул в лагерях...

В общине Владикавказа мы встретились с Евсеем Ротенфельдом, отец которого, Ефим Ротенфельд, был кантором:

– После войны и я с папой ходил на собрания. Синагоги не было, встречались на квартире у Шапиро, на улице Черноглаза, 11. В горисполкоме брали разрешение, чтобы собраться на праздник. Потом всех этих людей арестовали и посадили.

Е. Ротенфельд

Владимир Станкевич, потомок владикавказских портных, и сам отлично шьет (секреты профессии ему передал отец), а вообще-то он кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии Северо-Осетинского университета.

Дед Владимира Моисей приехал во Владикавказ из местечка на границе Польши и Литвы, откуда его пригласили в качестве специалиста по военному обмундированию. У них с бабушкой Ривой было 11 детей, один из которых, отец Владимира, Афроим, тоже стал известным портным.

Он дружил с главным редактором газеты «Терек», которым в те времена был Киров, и шил Сергею Мироновичу галифе. Позже, когда началась война, работал в мастерских по пошиву военной одежды. Его звездный час наступил, когда в армии ввели погоны.

По словам Владимира Станкевича, евреям во Владике всегда жилось комфортно:

Осетины – удивительный народ, который хорошо относится к любым нациям. Поэтому евреи всегда тянулись сюда.

Владимир вспоминает, как в 1940-х собралась группа евреев – его отец, врач Малкин, красильщик Абрамович. Решили возродить общину. Получили разрешение и арендовали частный дом на Надтеречной улице, где проходили собрания.

С началом «дела врачей» пошли массовые аресты евреев. Афроима посадили. Статья 58, пункт 10 – «враг народа». Десять лет с конфискацией. В 1953-м освободили, вернули дом, имущество. Тору и книги – нет.

Вскоре после освобождения Афроим умер. Он был последним евреем Владикавказа, которого хоронили по еврейским обычаям:

– Во Владикавказе при синагоге был «общественный» гроб. Без крышки. Евреев хоронили так: привозят гроб, покойника заворачивают в тахрихим. Шьют подушечку, в нее насыпают могильную землю. Подушечку кладут на дно могилы, туда опускают усопшего, борта обкладывают досками и все засыпают землей. Товарищи отца привезли этот дореволюционный гроб, я его скрепил и по бедности покрасил черной тушью. В нем мы довезли отца до кладбища. Весь ритуал был соблюден.

Участок земли под кладбище евреи купили в 1880 году. Марк Петрушанский говорит, что там более трех тысяч еврейских могил. Сохранились остатки старой кладбищенской синагоги:

ÑeýÑeíããã

Ñòáíà è Àðèà ñÁíðíòàì è

ííñòðíáíú

Èíñèóîì è Ðáááéíð

Éàäúæáíñèè è

áíàì ýòüáí:áðè ñáíæ

Ì èðýì Èèðóáíæàò.

Какою была эта синагога, сегодня можно узнать только по старинным открыткам...

При советской власти кладбище перестало быть сугубо еврейским, но в 1990 году его вернули общине. Председатель рассказывает, что два раза в год (на Рош а-Шана и Песах) члены общины устраивают там воскресник – приводят в порядок могилы, борются с буйной кавказской растительностью. «Нужна специальная программа “Еврейское

кладбище», – убежден Марк Петрушанский. – Общины самостоятельно не справляются с этой архисложной задачей...»

Профессия – родину защищать

Марк Петрушанский – отставной военный, причем потомственный. Его прадед был кантонистом, 25 лет отслужил на флоте. Потом ему разрешили поселиться вне черты оседлости, он выбрал село Моринцы Киевской губернии.

Дед Марка Петрушанского Шлёма и его брат Петр (Пинхас) участвовали в японской, первой мировой и Гражданской войнах. В японскую Петр служил под началом у будущего маршала СССР, а в ту пору – старшего унтер-офицера Семена Буденного...

И отец Борис, и два его брата Михаил и Григорий прошли Великую Отечественную. Увы, братья не дожили до 9 мая 1945-го. Отец после Победы служил в Гродно. Там прошло детство Марка. После окончания школы он и два его брата поступили в военные училища и стали офицерами, продолжив военную династию Петрушанских.

«По еврейскому закону мы обязаны защищать ту страну, где живем, – объясняет Марк Борисович. – Даже если придется воевать с евреями другой страны. Ведь евреи могут воевать друг против друга, а в перерывах между боями вместе молиться».

Еврейской историей и традициями Петрушанский увлекся много позже, хотя обе его бабушки были религиозны и мама, по его словам, – «очень еврейка». Сам Марк Борисович сначала окончил Пушкинское радиотехническое училище в знаменитом Царском Селе, Харьковскую военную радиотехническую академию имени Говорова. Служил в войсках ПВО. С 1971 года – в Орджоникидзе, 17 лет готовил офицеров в Высшем зенитно-ракетном командном училище ПВО имени Плиева.

Еврейское кладбище

Здесь же в 1987 году вышел в запас. Но «пятого пункта» тогда еще не отменили: «Три раза представляли к званию полковника, а вышел подполковником», – грустно сообщает Петрушанский. Что делать! «Оле гоим оф целухес» – так говаривал его покойный папа, выпивая рюмку водки...

Однако навыков руководства «вверенным ему подразделением» Петрушанский не утратил. Потому неудивительно, что созданная в 1989 году еврейская община «Шолом» города Владикавказа – образцово-показательная. А если серьезно, добрейший Марк Борисович действительно любит порядок и придерживается его во всем: от дел общинных до расстановки фигур на доске (он – КМС по шахматам).

«Построил» Петрушанский в свое время и тогдашнего президента РСО-Алания Александра Дзасохова. А дело было так: в столицу республики приехал западный бизнесмен, еврей из Швейцарии, визит совпал с годовщиной смерти его отца. Читать кадиш пришлось в комнатке Еврейского культурно-просветительского общества «Шолом»...

Марк Борисович вспоминает:

– И тогда у меня созрел план. Я собрал своих – народный артист, дирижер, академик... «Надевайте ордена, лауреатские значки, пойдём к президенту». И на следующий день – к Дзасохову. Я ему говорю: скоро исполняется 200 лет еврейской общине Владикавказа. Прошли войны, община сохранилась. Скоро сюда начнут ездить еврей-бизнесмены. Евреи в субботу ходят не на охоту, а в синагогу. А Владикавказ – единственный город на Кавказе, где нет синагоги.

Здание общинного центра

Дзасохов дал распоряжение, и в июне 1999 года общине вернули часть исторического здания Ремесленной синагоги. Больше года ушло на сбор средств, ремонт и переоборудование помещений. Деньги в основном собрали силами самой общины. Помогли министерство по делам национальностей и мэрия Владикавказа, строители республики, а также простые люди – русские, осетины. Осенью 2000 года открыли прекрасный общинный дом. После этого начался настоящий «ренессанс» идишкайта во Владикавказе.

И надо вам сказать, в общине случаются настоящие чудеса. Однажды Марка Борисовича уговорили приобрести 100 билетов республиканской лотереи. И на один из них выпал выигрыш – «Жигули». Автомобиль продали, а деньги вложили в реконструкцию молельной комнаты. Как тут не поверишь, что Б-г помогает общине!

Недавно молитва снова дошла до Всевышнего. В начале 2006 года три мальчика – Борис Надель, Давид Пляскин и Алеша Корниенко – впервые надевали тфилин

и талит, читали главы Торы. Правда, по книгам, сокрушался тогда Петрушанский. Свитка Торы в общине Владикавказа не было с тех пор, как в 1950-х арестовали последнего раввина и конфисковали все книги...

И вот 5 июня 2007 года случилось большое для владикавказской общины событие: благодаря проекту «Кешер» здесь появился свиток Торы! Он из старой Праги, ему 100 лет. Праздник совпал с Пуримом, и пуриимское веселье удвоилось радостью обретения Сефер Торы!

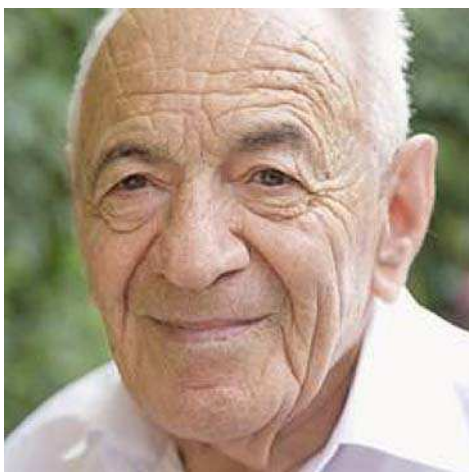
Двойной юбилей

Возрожденная община Владикавказа нынче отметила юбилей – 20 лет с момента своего основания. Все началось в марте 1989 года, с Еврейского культурно-просветительного общества «Шолом». Первым его председателем стал учитель истории Ефим Эйдельман, Петрушанский – его заместителем. Вскоре Эйдельман эмигрировал в Канаду, а заместителя выбрали председателем. В 1999 году была зарегистрирована религиозная община. «Сейчас организации фактически слились в одну», – поясняет Петрушанский.

Марк Борисович говорит, что руководить коллективом, где «на два еврея – три мнения», непросто. Но выручает чувство юмора, педагогический опыт и помощь активистов. А еще, добавим от себя, – военная закалка.

Знакомимся. Маленькая, но гордая еврейская община Владикавказа. Впрочем, не такая уж маленькая. Более 500 человек по Алахе и полторы-две тысячи – по Закону о возвращении. Преобладают ашкеназы, но есть три семьи горских евреев, две – грузинских и одна – бухарских. Конечно, раньше было больше. Но если учесть, что во Владике – 326 тыс. населения, то и это немало. Петрушанский говорит, что с 1990 по 1999 год из Северной Осетии выехало более 700 евреев:

– Но число членов общины не уменьшается. Это происходит за счет тех, кто в прежние годы скрывал национальность, а теперь решил вернуться к своим корням.

А. Давидсон

Председатель любит повторять, что у них в общине 20 профессоров и пять академиков. Вот, например, «человек-легенда», Арон Давидсон: профессор, доктор технических наук, специалист по цветным металлам, заслуженный деятель науки и

техники России. У него порядка 30 авторских свидетельств. Арон Михайлович – участник и инвалид войны, но и в свои 87 лет продолжает «ковать кадры» металлургов: подготовил уже 15 кандидатов наук.

Виталий Гроппен, академик, профессор, проректор и завкафедрой Горно-металлургического института, не нарадуется на внучку Яночку Кесель, ныне солдата ЦАХАЛ. Еще у него в Тель-Авиве – шестилетний внук. Сам Виталий Оскарович уезжать не стал («Старые деревья не пересаживают», – считает он), но каждое лето ждет любимых внучат в гости.

Эммануил Адиньяев – уважаемый член общины и редкий представитель горских евреев в «ашкеназском» Владикавказе. Доктор сельскохозяйственных наук, академик двух академий, завкафедрой Агроуниверситета и автор учебника «Земледелие Северного Кавказа»...

Еще один доктор наук и профессор Северо-Осетинского Агроуниверситета – Сарра Абрамовна Бекузарова (урожденная Кинбург). Она – автор более ста изобретений! А еще – зампреда общества «Шолом», в котором состоит с первого дня создания.

По праву гордится община Анатолием Брискиным – замечательным пианистом, дирижером и выдающимся музыкальным педагогом, учителем Валерия Гергиева. За вклад в развитие музыкальной культуры Осетии он удостоен звания заслуженного деятеля искусств и высшей награды Алании – премии имени Хетагурова.

Всех выдающихся людей общины, немало послуживших прославлению республики, не перечислить. Здесь можно встретить учительницу начальных классов и тетю известного артиста Галину Арлазорову, и пишущего добрые и мудрые стихи для детей Илью Пенкновича, и даже министра финансов республики и зампреда правительства Леонида Кесельбренера.

Усилиями Марка Петрушанского и местной журналистки Ольги Метревели вышла книга «Шолом, Владикавказ!» В ней рассказана история здешних евреев со дня их появления на берегах Терека по настоящее время. Так что община начала писать автобиографию. Гимн у нее, между прочим, уже есть. Написал его сам Петрушанский.

Жизнь владикавказской общины очень наполненная и веселая. Это еврейское веселье, которое, увы, часто ходит об руку с печалью, но помогает сохранить себя и самое Жизнь. Та мудрость, что заключена в Книгах и заповедана мудрецами. Потому и говорят осетины, что этому, как, впрочем, и многому другому, стоит поучиться у евреев.

При общинном доме работают Клуб ветеранов войны, женский, молодежный, семейный клубы. В Клубе холостяков «одинокое сердца» общаются и интересно проводят время. Но не только: на счету клуба немало удач – создание еврейских семей! Есть воскресная школа, специальные программы для детей: «Детский шабат», «Детская литературная гостиная». В библиотеке общинного центра – около 3000 томов.

Исполнительный директор «Хеседа» Константин Тейф говорит, что они проводят программу патронажа, оказывают медицинскую помощь пожилым людям, обеспечивают их лекарствами, одеждой. Ежемесячно распределяют продуктовые наборы; ежегодно – мацу. Под эгидой «Джойнта» действует программа для детей из малоимущих семей. И конечно же, в общине отмечают шاباتы и все праздники еврейского календаря.

В обустройстве уютного и многофункционального Дома молитвы и собраний общине помогает замечательный художник Валерий Плиев. Он создал макет Второго храма, установленный в молельной комнате на специальном постаменте. Перед ним проводится первый урок для учеников воскресной школы. Также Валерий написал копии картин «Стена Соломона» Василия Верещагина, «Разрушение Второго Иерусалимского храма» Франческо Хайеса и «Вавилонская башня» Абея Гримера. Здесь же создан музей еврейских традиций и быта.

Дети из общины «Шолом» очень любят свою воскресную школу: их «Мехина» – «смеха и знаний страна». Ее директор Марина Пляскина вспоминает, что в 1992 году в школе было всего четыре ученика. Сейчас – более 50-ти ребятишек от пяти до пятнадцати лет. Они изучают иврит, Тору, историю и традиции еврейского народа, занимаются в театральном кружке. Под руководством Виктории Кирилловой успешно выступает вокальная группа «Шатиль».

А еще эта община очень сильна слабым полом. Здесь проводит заседания Женский клуб «Агава» – «планета мудрости и света», замечательный «еврейский женсовет». Как говорят его участницы, основа для их работы – еврейские духовные ценности, а цель – создание мира без насилия. В программе, рассказывает руководительница клуба Зита Надель, – походы в музеи, театр, выезды на природу. Вечера памяти поэтов-евреев, а еще – бардовской песни, романса; встречи с композиторами, певцами, музыкантами... Лекции о генетике, косметике и даже теории относительности!

Благодарная память

К памятнику воинам-евреям из Северной Осетии, павшим на фронтах Великой Отечественной войны, подходит плотный пожилой мужчина. В руке – большой букет красных роз.

Это Феликс Демиховский. На мраморной плите среди 288 имен находит имя своего брата Леонида. Он был шестью годами старше и в далеком 1942 году 18-летним ушел на фронт. В сентябре Феликс с мамой Эсфирью Борисовной получили от него последнее письмо. Леонид не вернулся. Пропал без вести...

Где находится его могила, неизвестно. А скорее всего, и нет никакой могилы. Сегодня для Феликса этот монумент во дворе владикавказской общины – единственное место, где увековечена память о брате.

Где могила отца, Феликс тоже не знает. «Десять лет без права переписки», – сообщили им с мамой. Они автоматически стали родственниками «врага народа». Потом, в 1956-м, выдали свидетельство о смерти. В нем указывалось, что Демиховский Давид Вениаминович, 1899 года рождения, еврей, уроженец местечка Паричи Бобруйского уезда Минской губернии, умер в феврале 1945 года. И только в 1998-м Феликс узнал правду.

Феликс учился в самой известной школе города – № 5. В 1944 году, вступая в комсомол, откровенно рассказал об аресте отца. Сын «врага народа» – член ВЛКСМ? (А без членства в комсомоле и поступление в институт, и вообще «путевка в жизнь» были заказаны...) Сообщение юноши вызвало шок. И тогда встал известный педагог, директор школы № 5 Михаил Заурбекович Уруймагов и произнес единственную фразу: «В Осетии знают и помнят его отца». Вопрос был решен...

«Отважиться на такое заявление было очень рискованно. Но Уруймагов это сделал, и я ему буду благодарен до самой смерти», – говорит Феликс Давидович.

Осетия не предала памяти о его отце, и сын сохранил глубокую признательность людям, здесь живущим.

Бедя Беслана

Беслан – слово, облетевшее мир и ставшее синонимом террористического беспредела. Даже теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, превосходящий бесланскую трагедию по масштабам происшедшего и количеству жертв, не может сравниться с тем, что случилось 1 сентября 2004-го в простой школе небольшого осетинского города. Такого изощренного надругательства над человеческими чувствами современный мир еще не знал...

Мы подходим к зданию школы № 1. Вот они, знакомые по телеэфиру глазницы окон спортзала. По обе стороны от пустого проема двери – наклонные плиты, по которым струится вода – в память о жажде бесланских ребятишек в те страшные дни...

Все сохранилось в том же виде, что и почти пять лет назад. Только струящаяся вода, полупрозрачная крыша, фотографии погибших на обугленных и изрешеченных пулями стенах... Под фотографиями – игрушки, цветы, венки и все те же бутылки с водой.

...Кладбище Беслана, где похоронены жертвы трагедии и их спасатели, вызывает шок. 1–3 сентября 2004 года в Беслане были взяты в заложники 1127 человек, из них погибли 334. То есть один процент населения этого третьего по величине города Осетии. Больше половины погибших – дети...

Их всех решили похоронить на одном участке, поставив одинаковые надгробия. Эти ряды постаментов из розового камня с детскими фотографиями повергают в ужас. Есть здесь одна могила без имени. Мать похороненного мальчика не поверила в смерть сына и не позволила писать его имя на камне – кто-то якобы видел, как он живым уходил из школы... Так и стоит безымянная могила – символ скорби по неизвестному мальчику.

Мемориал памяти жертв Беслана – «Дерево скорби»: воздетые руки матерей; улетающие ангелы – возносящиеся к небесам души безвинно погибших детей...

Второй памятник – спасителям, спецназовцам: каска, бронежилет, плюшевый мишка. И надпись:

Áú í ááññáá á ñáí ñí ñááóá Ááññáí á -

Í ááññé, çáéáññáé á ñááóáí ááá áé.

Как сказал Петрушанский, «весь еврейский мир помогал Беслану». Евреев в заложниках не было (последняя еврейская семья репатрировалась из города в мае 2004 года), но община Владикавказа включилась в происходящее мгновенно. Помог Израиль, и, по признанию осетин, они стали по-другому относиться к этой стране.

Очень много сделала Анна Арлинская – невропатолог, заслуженный врач РСО-Алания, заведующая отделением железнодорожной больницы. «У евреев национальная черта – откликаться на любое людское горе, – говорит она. – И наша община отозвалась одной из первых».

Ее члены восприняли эту боль как собственную. Вся помощь от еврейских организаций России, Израиля и других стран шла исключительно через общину «Шолом»: медикаменты, перевязочные материалы, силиконовые пленки для лечения рубцов. Семьям погибших и пострадавшим раздавали телевизоры, стиральные машины, холодильники; нуждающимся – деньги.

Весь мир облетела история семьи Кадалаевых: в спортзале школы № 1 мама Ирина с двумя дочками – Аней (10 лет) и Аленой (7 лет) – оказались прямо под баскетбольной корзиной, в которой террористы установили мощную бомбу. Ирина погибла, защитив своим телом дочерей. Останки смогли идентифицировать лишь по ДНК. Но взрыв был такой силы, что досталось и девочкам: у Ани осколком выбило глаз, Алена получила огнестрельное ранение и перелом ноги.

На помощь детям пришли Анна Арлинская и Марк Петрушанский. В результате переговоров с Москвой, Израилем и США в известнейшей клинике Нью-Йорка Ане Кадалаевой был установлен имплантат, который внешне ничем не отличается от обычного глаза и не требует замены в течение жизни.

В поездке, организованной ФЕОР и ВКРЕ, сестер сопровождали отец и бабушка. Она рассказывает, что в США образовалась целая очередь еврейских семей – выходцев из России, желавших принять их у себя дома. Девочек пригласили в Белый дом, они встретились с лидерами крупнейших еврейских организаций.

Согласно данным возглавляемой Станиславом Кесаевым парламентской комиссии по выяснению обстоятельств трагедии, 1–3 сентября 2004-го ранения различной степени тяжести получили 783 человека. Большинство – дети, многие – с тяжелейшими ожогами.

Время лечит сердечные раны – шрамы и рубцы на теле остаются на всю жизнь. Но после пережитого шока о последствиях ран и травм мало кто думал. В полной мере осознал, как они опасны для юных организмов, только Влад Хабицов.

Видно, как тяжело ему говорить. Но он говорит, показывая фотографии спасенных и спасаемых им детей и взрослых. И говорит таким будничным тоном, что становится не по себе не только от жути увиденного и услышанного, а еще от этого печального спокойствия доктора Владислава Хабицова. Он – пластический хирург, «Врач года РСО-Алания – 2004», доктор медицинских наук, на общественных началах лечил пострадавших в Беслане.

После бесланской трагедии евреи подали осетинам важный пример: как бы ни было сильно горе, нельзя концентрироваться только на смерти. Ибо страдание заслоняет жизнь. А потому «заикливание» на горе – можно сказать, преступление.

Наши проводники по Осетии – активисты израильского фонда «Эвен Эзер» Алан Губаев и Аслан Джилаев. Осенью 2004 года они сопровождали группу детей и взрослых из Беслана в реабилитационной поездке в Израиль. Алан и Аслан говорят, что умению переживать горе и сочувствовать надо учиться именно у евреев:

– В Израиле одна женщина говорила: «У меня был сын, солдат. Он погиб. Но у меня уже 18 сыновей». Родились дети, и их назвали в честь ее сына...

Но и мы в Осетии почерпнули много полезного, в частности, получили ответ на вопрос: что лежит в основе дружбы народов? «Формула толерантности» проста: это чувство собственного достоинства, любовь к своему народу, гордость за его лучших представителей плюс уважение к другим народам и стремление взять у них лучшее.

– В нашей республике нет конфликтов на межнациональной почве, – утверждает Марк Борисович. – За 200 лет евреи сумели пустить глубокие корни в эту землю, полюбить ее, полить своей кровью и потом сдружиться с народами этого необыкновенного края. В радости и в беде – мы всегда вместе с другими народами Осетии.

Конечно, в этом есть и несомненная личная заслуга Марка Петрушанского. Мы воочию убедились, что его здесь все знают, тепло встречают, относятся подчеркнуто уважительно. Марк Борисович подтверждает:

– Отношения общины с властями – без преувеличения прекрасные. Не так давно мне вручили медаль «Во славу Осетии», высшую государственную награду республики.

Оценили заслуги Петрушанского и в Осетии Южной: он стал награжденным «под номером один» орденом Дружбы – первым орденом, учрежденным в этой республике после провозглашения ее независимости.

Такое теплое отношение со стороны представителей власти встретишь нечасто. Создавалось удивительное впечатление: как будто все, с кем мы общались, – вице-премьер парламента, историки, архивисты, журналисты – наперебой стремились рассказать что-то хорошее о евреях вообще и о Петрушанском в частности. Хотелось ответить тем же. Но как? Разве что сказать, как нам понравилось в Алании. И пообещать приехать снова...

В молельном зале

ЦАДИК ПОД НАДЗОРОМ

Ведомственные донесения о рабби Менахеме Мендле-Шнеерсоне (1841–1847)

В истории российского еврейства известен драматический период, приходящийся на середину XIX века, когда царь Николай I пожелал разрешить социальные и экономические проблемы крестьянства и купеческого сословия путем «преобразования евреев», которых полагали виновниками этих проблем. В 1840 году был создан Комитет для определения мер коренного преобразования евреев в России с министром государственных имуществ графом П.Д. Киселевым (1788–1872) во главе. Членом Комитета стал и министр народного просвещения граф С.С. Уваров (1786–1855), который с 1835 года стал проводить реформу по централизации и унификации системы российских школ. Неудивительно, что среди мер, предложенных Киселевым царю, одной из первых было создание для евреев общеобразовательных школ «в духе, противном нынешнему талмудическому учению». Кроме того, Киселев предлагал заменить ешивы раввинскими училищами под надзором крещеных евреев, где выпускали бы казенных раввинов, запретить ношение еврейской одежды и проч.¹

Реакция евреев на готовящиеся правительством меры была различной. Просветительские круги отчасти их инициировали, а затем поддерживали, по крайней мере на раннем этапе, пока ассимиляторская направленность этих мер не сделалась очевидной. Иной была реакция кругов, хранивших верность еврейскому традиционному жизненному укладу: они всеми силами старались воспрепятствовать реформаторским инициативам властей.

Стремясь представить реформы в положительном свете, правительство пыталось склонить на свою сторону признанных еврейских лидеров и заручиться их поддержкой. Одним из таких традиционных лидеров был хасидский цадик рабби Менахем-Мендл Шнеерсон (1789–1866), внук основателя движения Хабад рабби Шнеура-Залмана (1745–1812/1813). Менахем-Мендл (известный также как Цемах Цедек – по названию своего главного алахического сочинения) проживал в местечке Любавичи и был одним из наиболее влиятельных хасидских цадиков своего поколения. Однако хасидизм, отчасти в силу своего мистического компонента, отчасти в силу строгой приверженности религиозному Закону, вызывал безграничную ненависть многих адептов еврейского Просвещения. Желая нейтрализовать влияние хасидизма на широкие народные массы, еврейские просветители зачастую обращались за помощью к властям. В многочисленных записках, направляемых ими в местные и центральные органы власти, особенно подчеркивалась неблагонадежность хасидских лидеров и несоответствие их общественных взглядов видам правительства в отношении «исправления» еврейского народа. В результате такой политики рабби Менахем-Мендл попал под негласный надзор полиции в годы наибольшей своей религиозной и общественной активности².

Публикуемые ниже документы представляют собой копию хроники тайного надзора за третьим любавичским цадиком Менахемом-Мендлом Шнеерсоном и позволяют судить, сколь важно было высшим российским чинам

составить собственное мнение о лице, имевшем огромное влияние не только на хасидов, но и на их религиозных противников (*יְהוֹדֵי אֲשֵׁר*). Но как же непроницаема была стена, разделявшая еврейскую и русскую культуры, если при личной встрече даже образованному россиянину полковнику Войцеху не удалось составить о цадике адекватного представления!

Документы принадлежат коллекционеру еврейских текстовых памятников Исааку Кофману, проживающему ныне в США и любезно позволившему мне подготовить их к печати. Они переписаны по старой орфографии в тетрадь в линейку размером 35x23 см, пожелтевшие листы которой прошиты в трех местах тонкой бело-голубой бечевкой. Верхняя часть первого листа, написанная другим, более красивым и благородным почерком, подклеена. Остальные документы переписаны одним лицом. Донесения охватывают весь период секретной слежки, от января 1841 года, когда надзор был установлен, до марта 1847 года, когда надзор был снят. В настоящей публикации воспроизводятся наиболее интересные документы из этого собрания, связанные непосредственно с рабби Менахемом-Мендлом.

סוד עתי אע"פ

* * *

Отношение М<инист>ра Нар<одного> Пр<освещения> Гр. Уварова

Гр. А.Х. Бенкендорфу³

30-го марта 1841 г.

Секретно

Милостивый Государь, Граф Александр Христофорович,

Вашему Сиятельству известны виды Правительства нашего об улучшении состояния пребывающих в России евреев посредством образования. Эти виды и намерения нашли уже противников посреди наших евреев.

Из прилагаемого у сего 6-го № выходящего во Франкфурте-на-Майне Israelitische Annalen, Ваше Сиятельство изволите увидеть, что гнездящаяся в Витебске и Могилеве еврейская секта Хассидимов, главою которой считается некий Мендель Любовицер, старается всеми мерами противодействовать видам и предначертаниям Правительства.

Издатель газеты доктор Йост^m – человек, известный ученостью и благонамеренностью, и потому на столь гласное свидетельство положиться можно.

По сему поводу я счел нужным обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбой почтить меня уведомлением: не имеете ли уже Вы сведений, что за человек Мендель Любовицер и до какой степени простирается влияние его на своих единоверцев. Если же сведений сих нет, то не изволите ли, Милостивый Государь, признать сообщаемое газетою Йоста обстоятельство довольно важным, чтобы по поводу оногo поручить кому следует собрать о Любовицере подробности, могущие раскрыть ближе дело.

С сов. почтением и проч.

Уваров

Пометка: «Спросить, что он, как он? и все подробно»

* * *

Перевод отрывка из «Israelitische Annalen»,

№ 65, Februar 1841

Впрочем мы^[2] придерживаемся здесь одних фактов. Теперь многочисленные общины жидов в России (в Витебске, Могилеве) употребляют все возможности, чтобы общим главою их сделан был один из первых людей секты Шассидим (sic!), носящей название   В Менделе Любовицере они видят вместилище всей мудрости, чудотворца, святого; и в этом смысле все сколько-нибудь пользующиеся влиянием члены представили свое мнение Министерству. О секте, которой они составляют только ветвь, сообщено было уже много сведений в «Истории израильтян»^[4], и сверх того много еще достопримечательных особенностей помещено в новейшее время в журналах: можно полагать, что вред, произведенный первым ее основателем, с 1740 года^[5], во всех здешних общинах, достаточно известен.

Главной и важнейшей целью при столь превосходных намерениях должно служить ослабление этих противоборствующих властей. Этого можно достичь только устранением влияния означенной секты, так чтобы ни одно лицо, ей преданное, не было назначено в начальники общин, и чтобы чрез то, по крайней мере, вера в непогрешительность подобных сумасбродов, доводимая изредка до крайности (чему, к несчастью, мы видим печальные примеры), не нашла для себя новой пищи и поощрения. Со временем народ, у которого нет недостатка в здравом смысле, обратится к лучшему и сам будет содействовать к основанию учебных заведений, тогда как теперь он предается праздной мечтательности и в своей жалкой доле находит род чувственного самодовольствия, из которого освободиться он почитает для себя величайшим несчастьем.

Пометка: М<инистру> Н<ардного> Пр<освещения> сообщить сведения и просить закл<ючение>.

* * *

Рапорт генерал-губернатора Смоленского, Витебского и Могилевского

Шефу Корпуса жандармов Графу Бенкендорфу

№ 116

9 июня 1841 Витебск

Секретно

Ваше Сиятельство отзывом от 5-го апреля сего года (№ 2006) изволили требовать собрать под рукою подробные сведения о некоем еврее Менделе Любовицере: что он за

человек; какого поведения, образа мыслей и нравственности; какие имеет связи и до какой степени простирается влияние его на своих единоверцев?

По предварительному разведыванию моему открыв, что помянутый еврей есть Мендель Шнеерсон, имеющий постоянное жительство Могилевской губернии Оршанского уезда в местечке Любавичах, – я поручил Начальнику Могилевской губернии собрать во всей подробности требуемые Вашим Сиятельством о Шнеерсоне сведения и вследствие того оказалось следующее:

Мендель Шнеерсон записан в купцы 3-й гильдии в заштатном городе Бобиновичах Могилевской губернии; но сам торговлею не занимается, а предоставил это своему семейству; он проживает с 1813-го года постоянно в местечке Любавичах; от роду ему 50 лет; по слабости здоровья он почти никуда из дома не выезжает; поведения и нравственности хороших; образ мыслей – противного правилам в нем не замечается; по-русски мало говорит и плохо знает этот язык; но занимается непрерывно чтением еврейских книг, он так в них сведущ, что евреи секты Хосидимов (sic!), к которой он принадлежит, и даже Миснагиды, обращаются к нему с просьбами о разрешении каких-либо сомнений по их вере и для этого приезжают к нему даже из других мест. Евреи, которым он изъясняет догматы своей веры и разрешает встречающиеся сомнения, через что, как полагать должно, он имеет влияние на своих единоверцев, питают к нему большое уважение и много доверяют ему из почтения к предкам его, бывшим большими раввинами; они называют и Шнеерсона раввином, хотя он вовсе не раввин, а в местечке Любавичах есть другой, избранный обществом и утвержденный начальством мещанин Борух Зарник.

Донося о всем этом Вашему Сиятельству, честь имею присовокупить, что помянутый Мендель Шнеерсон есть внук того еврейского раввина (уже умершего) Ложинского, который, как говорят, был известен по какому-то случаю в С. Петербурге⁶⁹.

Генерал-губернатор
генерал-Адъютант Дьяков

* * *

Рапорт Корпуса жандармов полковника Войцеха

Начальнику 4-го Округа Корп. жанд. Фрейгангу

№ 24

29 мая 1841 г. г. Могилев

Секретно

На предписание Вашего Превосходительства от 12-го апреля за № 162-м на счет некоего еврея из секты Хассидимов – Менделя Любовицера, имею честь почтительнейше донести, что еще до генваря месяца сего года я слышал рассказы о живущем в местечке Любавичах еврее Менделе Шнеерсоне, дед которого в 1812 году был рабином (sic!) секты Хассидимов и который, оставив все свое имущество неприятелям, добровольно пошел за нашими войсками внутрь России со своими детьми (из коих внук его Мендель тогда имел более 20 лет), прося защиты во время пути у г. генерала Навяровского, коим и было дано ему до м^{естечка} Ляды, первого безопасного места, в конвой четыре казака.

Из любопытства желая видеть лично и говорить с Менделем Шнеерсоном, я во время Любавицкой ярмарки в феврале месяце сперва расспросил о нем Исправника, Станового Пристава и Управляющего Любавицким имением, которые объявили мне, что еврей сей весьма почитается не только в своей секте как старшина, но и другими евреями, что он поведения хорошего, не вмешивается ни в какие дела и старается прекращать распри между евреями, у коих слывет ученым.

Осматривая здание еврейской школы, я зашел в дом к Менделю Шнеерсону, нашел его сидящим за книгой, человека лет за 50, слабого. При разговорах моих с ним о 1812 годе и нынешней его жизни он отвечал мне плохо по-русски то, что тогда мог заметить, но из ответов его как по сему случаю, так и суждений по различным предметам, я нашел Шнеерсона весьма далеким от данного ему названия «весьма ученого», названия, обыкновенно даваемого евреями тем из своих собратий, которые проводят большую часть своей жизни за книгами. В домашней жизни его заметил я бедность и свойственную всем евреям неопрятность; имеет семейство из 6-ти сыновей и 2-х дочерей, записан купцом 3-й гильдии; но торговлей занимаются его дети. Таким узнал я Менделя Шнеерсона (вероятно, по жительству в Любавичах названного Любавицером) до получения от Вашего Пр<евосходительст>ва предписания; потом уже до сих пор под рукою собирал вновь сведения и ничего не могу сказать более, как повторить: что он человек простой, ограниченного ума, безукоризненного поведения и нравственности, помогает бедным по возможности, строго наблюдает религию своей секты, которая, как я расспрашивал, мало имеет разницы от секты миснагидов, что сии в случае какого-либо недоразумения прибегают к нему для истолкования – и что он до сих пор не был замечаем в противозаконных действиях; имеет связи и влияние на евреев своей секты в Витебской и Могилевской губерниях.

Он не есть рабином, как был его отец; но по наследству получил сие название, от коего однако ж отказывался и отказывается, желая проводить дни спокойно дома за книгами.

Полковник Войцех.

* * *

От начальника 4 Округа корпуса жандармов

№ 239

Июня 12 дня 1841 года в Минске

Шефу жанд<армов> Графу Бенкендорфу

(О еврею Менделе Шнеерсоне, или Любавицере)

Секретно

Согласно предписанию Вашего Сиятельства от 5-го апреля сего года за № 2007, я поручал штаб-офицерам губерний 4-го Округа, в особенности же Витебской и Могилевской, собрать под рукою подробные сведения, не находится ли в сих губерниях некто Мендель Любавицер, считающийся, как дошло до Вашего Сиятельства сведение, главою существующей в Витебске и Могилеве еврейской секты под названием Хассидимов, противодействующей мерам Правительства в отношении к евреям, и если

такой еврей окажется, что он за человек, какого поведения, образа мыслей и нравственности? Какие имеет связи и до какой степени простирается влияние его на своих единоверцев?

Вследствие сего получены мною от находящихся в Витебской, Могилевской и Минской губерниях полковников Куцинского и Войцеха и капитана Юрковского донесения, в общих предметах совершенно между собою сходные, именно: что еврей почитаемый главою секты Хасидимов должен быть не другой кто, как Мендель Шнеерсон, или Любовицер, проживающий в м^{естечке} Любавичах Могилевской губернии, от коего получил он и название Любовицера, где заступит место раввина; и что он нравственности хорошей, ведет образ жизни обыкновенный, более уединенный, выдавая себя за небогатого человека, и имеет на свой круг влияние по мере питаемого к нему между евреями уважения.

В частности же, по каждой из сих трех губерний, сообразно местным дознаниям, донесено:

По Витебской полковником Куцинским, что этот еврей есть строгий последователь древних еврейских обрядов, увлекается ими до фанатизма и в сословии своем слышет ученым.

По Могилевской полковником Войцехом, что по отзывам, какие он слышал, сей еврей весьма почитается не только в своей секте, как старшина, но и другими евреями, но ни в какие дела не вмешивается и старается прекращать распри между евреями; лично же видясь и разговаривая с ним, он, г. Войцех, нашел его человеком далеким от названия ученого, а в домашней его жизни заметил бедность и свойственную евреям неопрятность, и вообще дознал, что он человек простой, ограниченного ума, но имеет связи и влияние на евреев своей секты в Витебской и Могилевской губерниях.

По Минской капитаном Юрковским: что лет 6-ть сему назад Мендель Любовицер был в г. Минске, проповедуя о мистицизме и истолковывая многие тексты каббалистики, а отчасти и талмуда; что непросвещенные евреи смотрят на него, как на человека свыше вдохновенного и философа, Б-гобоязливового и твердого в исповедуемой им вере; просвещенные же евреи не находят в нем ни больших умственных способностей, ни дара слова и не только ничего пророческого, но самое принадлежание его к секте Хасидимов считают основанным на одном лишь собственном сильном убеждении его в истине каббалистики, без всякого намерения воспользоваться заблуждением непросвещенных своих собратий для приобретения себе состояния; и что, как говорят, покойный дед еврея Менделя Любовицера, Зальман, по подозрению в принадлежности также к какой-то вредной секте, кажется в 1802-м году, был вызван в Ст. Петербург для объяснений, но оправдался и в скором времени возвратился на родину.

Почтительнейше донося о сем Вашему Сиятельству, имею честь для ближайшего усмотрения представить в подлиннике более подробное по сему предмету донесение полковника Войцеха от 29-го мая за № 24-м, и доложить, что если от штаб-офицеров прочих губерний получатся сведения еще о Менделе, рабине Любовицере, то я не премину тогда особо Вашему Сиятельству донести.

Генерал-майор Фрейганг.

* * *

Отношение Мин<ист>ра Нар<одного> Пр<освещения> графа Уварова

Графу А.Х. Бенкендорфу

№ 6997

7 июля 1841 года

Секретно

Милостивый государь граф Александр Христофорович!

Хотя из отношения Вашего Сиятельства от 18 и 25 июня за № 3509 и 3686 и из приложенных при последнем бумаг и должно заключить, что еврей Мендель Шнеерсон, или Любовицер, почитаемый главою секты Хассидимов и не замеченный доселе в противозаконных действиях по нравственным свойствам и даже ограниченности ума не кажется быть человеком опасным, при всем том я полагал бы не излишним иметь за ним тайный надзор, особливо в это время, когда новые преположения об образовании евреев будут приводиться в действие.

Возвращая при сем две бумаги о еврее Менделе, с сов<ершенным> почт<ением> и пр.

Уваров

* * *

Отпуск с отношения корпуса Жандармов

Полковнику Войцеху

№ 4132

21 июля 1841

Секретно

По воле г. шефа жандармов поручаю Вашему Высокоблагородию иметь секретный надзор за поведением и образом мыслей находящегося на жительстве Могилевской губернии Оршанского уезда в местечке Любавичах купца-еврея Менделя Шнеерсона, который по дошедшим сведениям навлекает на себя подозрение в противодействии его с единоверцами мерам Правительства в отношении к евреям.

Свиты Его В<еличест>ва генерал-майор Дубельт⁷⁷.

** *

Отпуск с отношения кн. А.М. Голицыну

№ 121

20 января 1847 года

Секретно

Милостивый Государь князь Андрей Михайлович!⁸⁷

В 1841 г., по полученному сведению, что жительствующий в Могилевской <губернии> раввин Мендель Шнеерсон противодействовал мерам правительства по отношению к евреям, предместником моим сделано было распоряжение об учреждении над упомянутым евреем секретного надзора со стороны Корпуса жандармов.

Ныне получено донесение, что Шнеерсон ведет тихую жизнь, ни во что не вмешивается, удостоен звания почетного гражданина и вообще поведением своим заслуживает освобождения от продолжающегося за ним надзора.

Сообщая о сем В<аше>му Сиятельству, долгом считаю покорнейше просить Вас, м. г., почтить меня уведомлением, какие сведения имеются у Вас на счет Шнеерсона и заслуживают ли они, по Вашему мнению, означенного снисхождения.

Примите уверение и пр.

Подписал граф Орлов⁸⁹

* * *

Управление генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского

№ 89

7 марта 1847 года, г. Витебск

Шефу Корпуса жандармов графу Орлову

Секретно

Получив в генваре месяце сего года отзыв Вашего Сиятельства под № 121 о жительствующем в Могилевской губернии раввине Менделе Шнеерсоне, он предлагал Могилевскому гражданскому губернатору уведомить меня, какие сведения имеются у него в виду насчет Шнеерсона и заслуживает ли он, по мнению его, освобождения от учрежденного над ним в 1841 году секретного надзора со стороны Корпуса жандармов за противодействие его мерам правительства в отношении к евреям.

Вследствие сего действ<ительный> ст<атский> сов<етник> Гамалия ныне уведомил меня, что раввин Мендель Шнеерсон, удостоенный почетного гражданства, как по полученному удостоверению оказалось, по всегдашнему с 1841 года наблюдению со стороны Корпуса жандармов за поведением его, образом жизни и всеми поступками, заслуживает быть освобожденным от продолжающегося за ним надзора.

Таковые сведения о раввине Шнеерсоне, основанные на удостоверении местного губернского начальства, честь имею сообщить Вашему Сиятельству, впоследствии вышеозначенного отзыва ко мне Вашего, М<илостивый> Г<осударь>, под № 121.

Генерал-Губернатор генерал-лейтенант князь Голицын

* * *

Отпуск с отношения

М-ру Нар<одного> Пр<освещения> гр<афу> С.С. Уварову

№ 411

14 марта 1847 г.

Секретно

Милостивый государь граф Сергей Семенович!

В 1841 году по полученному сведению, что жительствующий в Могилевской губернии раввин Мендель Шнеерсон противодействовал мерам Правительства в отношении к евреям, предместником моим, согласно отношению Вашего Сиятельства от 7-го июля того года, № 69997, сделано было распоряжение об учреждении над упомянутым евреем секретного надзора со стороны Корпуса жандармов.

Ныне генерал-губернатор Смоленский, Витебский и Могилевский князь Голицын сообщил мне, что Шнеерсон ведет жизнь тихую, ни во что не вмешивается, удостоен звания почетного гражданина, и что он, по мнению ближайшего начальства, поведением своим заслуживает освобождения от продолжающегося за ним надзора.

Полагая, что при таком отзыве местного начальства было бы возможно прекратить за Шнеерсоном секретное наблюдение, тем не менее долгом считаю сообщить о сем предварительно на усмотрение Вашего Сиятельства и покорнейше просить Вас, м<илостивый> г<осударь>, удостоить меня уведомлением о Вашем мнении.

Примите увер<ения> и пр.

Под<пись> Граф Орлов

* * *

М<инистерст>во Нар<одного> Пр<освещения>

Департамент, Отделение III, Колл. 2

19 марта 1847 года

№ 2643

«СОЛНЦЕ ЕВРЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Новая литература на иврите в Восточной Европе

Áëáà Dèi íí

Окончание. Начало в № 6, 2009

Об итогах движения еврейского Просвещения спорят до сих пор. Обвинитель скажет, что оно привело к мощным ассимиляционным процессам (некоторые считают даже, что оно косвенным образом спровоцировало погромы). Защитник Хаскалы ответит, что это просто совпадение совершенно разных явлений и что в любом случае у кучки еврейских интеллектуалов не было никакой возможности предотвратить погромы и ассимиляцию; просветители как раз хотели, чтобы еврейский народ избежал катастрофы, чтобы он приспособился к новой жизни и новым условиям и мог выжить в этих изменившихся условиях.

Так или иначе, после погромов 1881–1882 годов уже невозможно было верить, что отношения евреев с российским обществом будут такими безоблачными, как считал когда-то Гордон. Идеология Просвещения стремительно теряла свое влияние на еврейской улице, хотя определенные просветительские иллюзии продолжают существовать и сегодня.

Но что совершенно точно можно поставить в заслугу еврейскому Просвещению – это любовь и почтение, с которым просветители относились к ивриту. С их точки зрения, именно иврит должен был стать языком еврейской национальной культуры, и именно на этом языке еврейские просветители создавали произведения в европейских жанрах. Это было частью их программы «европеизации» еврейской культуры. Но, как часто бывает в истории культуры, их усилия привели не к тем результатам, о которых они мечтали, и плоды их деятельности послужили для совершенно новых целей.

«Еще не потеряна наша надежда»:

Поэзия «Хибат Цион» (Палестинофилов)

В 80-х годах XIX века в Российской империи начинается движение, участники которого называли себя (не без намека на роман Мапу) «Ховевей Цион», «Любящие Сион», или, как тогда переводили это название, «палестинофилы». Поэтов, выразивших настроения этой группы, стали называть «поэтами “Хибат Цион”», «поэтами любви к Сиону».

Возникновение этой поэзии было закономерным. В еврейской культуре происходили процессы, очень похожие на те, которые развивались в других национальных культурах: национальные просветители в первом поколении (или поколениях) стремились к возможно более полной вестернизации, а следующие поколения национальной интеллигенции, пройдя этот искус, пытались вернуться к утраченным национальным ценностям, соединить их (насколько это возможно) с

достижениями более продвинутых западных культур и таким образом заново переформулировать и возродить национальную идею[1].

Самыми известными поэтами из группы «Хибат Цион» были Менахем-Мендель Долицкий, Мордехай-Цви Мане и Нафтали-Герц Имбер, автор стихотворения «Тикватейну», «Наша надежда», которое позднее легло в основу «А-тиква», гимна Государства Израиль.

Нафтали-Герц Имбер (1856-1909)– еврейский поэт, мистик, мечтатель, искатель приключений, прожил жизнь в скитаниях и нищете, путешествовал по Европе, Индии, Америке, давал уроки по Талмуду и каббале. В 1878 году, узнав об основании нового еврейского поселения в Эрец-Исраэль, получившего название Петах-Тиква («Врата надежды», по стиху из пророка Ошеа, 2:17), Имбер написал стихотворение «Наша надежда». В 1882 году поэт прочитал его на собрании поселенцев в городе Ришон-ле-Цион, стихотворение понравилось, и один из поселенцев (Шмуэль Коэн) положил его на музыку, использовав мелодию румынской народной песни.

Приведу несколько строк из оригинального стихотворения Имбера в подстрочном переводе:

Наша надежда

**Покуда в сердце, глубоко внутри нас,
Жива наша еврейская душа
И к пределам Востока, вперед, к Сиону**

Устремлены глаза евреев,

**Еще не потеряна наша надежда,
Древняя надежда,
Вернуться в страну наших предков,
В страну, где жил Давид.**

**Покуда слезы из глаз
Льются как щедрый дождь,
И несметные множества сынов нашего
народа
Все еще приходят молиться на могилы
праотцев,**

**Еще не потеряна наша надежда,
Древняя надежда,
Вернуться в страну наших предков,
В страну, где жил Давид.**

**Покуда на наших путях
Пустыня и разруха,
И на развалинах Иерусалима
Все еще рыдает дочь Сиона,**

Еще не потеряна наша надежда...

**Покуда потоки слез
Струит наш народ,
Покуда в полночный час
Мы встаем, чтобы оплакать Сион,**

Еще не потеряна наша надежда...

**Покуда течет кровь в наших жилах,
И течет из жил в странах изгнания,
Покуда на могилы наших праотцев
Еще оседает роса,**

Еще не потеряна наша надежда...

Очень скоро текст стихотворения был переработан и сокращен до двух куплетов, стал своего рода народной песней, исполнялся на сионистских конгрессах, а в 1948-м стал гимном вновь образованного Государства Израиль. Теперь оно выглядело так:

А-гиква («Надежда»)

Покуда в сердце, глубоко внутри нас,

**Жива наша еврейская душа,
И к пределам Востока, вперед,
Глаза устремлены, к Сиону,**

**Еще не потеряна наша надежда,
Двухтысячелетняя надежда,
Жить, как свободный народ, в нашей стране,
В стране Сиона, в Иерусалиме.**

Превратившись в народную песню из двух строф, оригинальное стихотворение утратило главную метафору, которая повторялась в каждой строфе, – слезы (в последней строфе они превращались в росу). Стихотворение Имбера буквально сочилось и истекало слезами. Именно чувствительная слезливость, по мысли поэта, и была залогом возрождения народа. Пока мы не перестали плакать о Сионе, есть еще надежда... но первопроходцам-халуцим недостаточно было только плакать о разрушении Сиона, им нужно было действовать, и они действовали, возрождая плодородие Страны Израиля, отстраивая города и дороги.

А что осталось неизменным? Надежда. Надежда и любовь к Стране Израиля.

Ивритская поэзия 80–90-х годов во многом отличалась от рационалистической просветительской лирики Гордона. Во-первых, она подчеркивала не разум, а чувство. В этом отношении поэзия «Хибат Цион» напоминает европейскую предромантическую поэзию, сентиментализм, например, Карамзина. Во-вторых, главной ценностью для этой поэзии было не приобщение евреев к культуре стран рассеяния, а, наоборот, возвращение к национальным корням, к национальной истории и к национальному пространству (поэтому в стихотворении Имбера многократно упоминаются предки, праотцы и их могилы в Стране Израиля).

И все-таки это еще очень похоже на просветительскую поэзию. Лирический герой Имбера – не «я», а «мы», это коллективный и очень не-индивидуальный герой. И

этот герой не меняется, не развивается, он просто изобретает все новые (а иногда даже и не новые) метафоры для изображения своего чувства.

Само чувство, выраженное в поэзии «Хибат Цион», довольно однообразно. Это скорбь о бедствиях еврейского народа, грусть, печаль, тоска и т. д. Причем, как мы видим, именно эта постоянная печаль воспринималась поэтами как нечто положительное, как нечто, что придает жизни смысл и вкус. А вот если евреи перестанут воспринимать свою жизнь через призму печали и она станет казаться им нормальной и сносной, – тогда-то они и окажутся окончательно сломленными.

В начале XX века процесс развития ивритской литературы продолжается и приобретает дополнительные измерения. Формируется новое литературное течение – «литература вопреки» («сифрут аф-аль-пи-хен»), по выражению писателя Йосефа-Хаима Бреннера, – вопреки времени, месту и языковому контексту. Отличительной чертой этой литературы была ее особая трагичность и безысходность. Достоевский и Чехов по сравнению с еврейскими писателями этого периода просто брызжут весельем и оптимизмом. Ивритская литература даже на фоне европейского модернизма выделяется своим пессимизмом, ощущением кризиса и безвыходности. Почему?

Подъем литературы на иврите происходит на фоне интенсивных дезинтеграционных и ассимиляционных процессов в еврейском обществе. Молодежь ищет новые пути духовного и социального развития и находит их на чужих культурных нивах. Старинные еврейские общины размываются изнутри и снаружи, происходит кризис традиционного еврейского быта и ценностей. Ивритские писатели чувствовали это особенно остро – ведь процесс культурного размывания и распада происходил именно с их читателями. В 1904 году ивритский писатель Йосеф-Хаим Бреннер написал роман «Вокруг точки» – о трагедии молодого писателя, который приходит к выводу, что писать на иврите – пустая трата времени, потому что все равно читать никто не будет: евреи переходят на русский язык.

Парадоксальным образом в Российской империи именно в это сложное время происходит небывалый взлет прозы и поэзии на иврите. Появляются новые издательства, журналы и литературные альманахи, формируется целая плеяда молодых талантливых прозаиков и поэтов – Хаим-Нахман Бялик, Шауль Черниховский, Яков Штейнберг, Яков Фихман, Яков Каган, Ицхак Кацнельсон, Ицхак-Дов Беркович, Йосеф-Хаим Бреннер и многие, многие другие. В поэзии этой эпохи начинают звучать совсем новые, небывалые интонации.

Поэзия «Хибат Цион» была полна добрых чувств к еврейскому народу и к Стране Израиля, но этот народ, ее коллективный лирический герой, выглядел слабым, страдающим, удрученным, в ней чувствовалась «та вековечная брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечатана на всех без исключения лицах еврейского племени», – как мимоходом отметил Достоевский в «Преступлении и наказании».

К концу XIX века в ивритской поэзии созревает бунт против «вековечной» еврейской скорби, против потоков слез, пролитых в жизни и в поэзии. С необыкновенной силой выразил этот бунт поэт Шауль Черниховский (1857–1945) в своем раннем стихотворении «Nocturno»:

Устав от города, я удалился в горы...

Там встретили меня безмолвные просторы

**И тихо обняла таинственная ночь,
Седого Хаоса пленительная дочь.
<...> Вам, горы и леса дремучие, привет!
Обломки хаоса, откуда создан свет,
Богатыри-друзья, насыщенные днями,
Засовы хаоса задвинулись за вами!
Но ключ таинственный в груди у вас,
как встарь,
Клокочет, жизнь лия на всю земную тварь.
Не иссякает жизнь в могучем вашем лоне.
<...> Молю: даруйте мне Б-жественную власть
Зажечь в душе своей пылающую страсть,
Чтоб я впитал в себя полынь вселенской муки,
Чтоб радость обняли тоскующие руки,
Чтоб опьянен я был вином кипящих сил,
Чтоб тайны всех богов в себе самом открыл <...>**

Перевод О. Румера

Ключевой символ этого стихотворения, многократно усиленный многочисленными синонимами и метафорами, – мощь, сила, могущество (то есть, заметим, нечто совершенно обратное настроению поэзии «Хибат Цион»).

Лирический герой уходит из города в ночной лес, чтобы получить эту стихийную мощь. Источник, из которого он хочет приобщиться силы, – природа, не укрощенная цивилизацией. Это хаос, существовавший еще до творения (в ходе которого Всевышний, как известно, установил порядок и границы между явлениями). Хаос пугает и притягивает, опьяняет, приводит в экстаз. Личность поэта разрастается до границ Вселенной и растворяется, сливаясь с ней.

У Тютчева есть похожее стихотворение:

**О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?
<...>
О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь уснувших не буди –
Под ними хаос шевелится!..**

1836

Черниковский, конечно, не переписывал Тютчева. О пугающей притягательности хаоса, об опьянении мощью природы писали многие поэты-романтики, это общеевропейский мотив. Для ивритской литературы он становится актуальным только в 90-х годах XIX века и приходит туда, скорее всего, через посредство Ницше. Идеи Ницше, его апология «дионисийства», его проповедь силы и презрение к слабости были

очень близки молодым еврейским интеллектуалам. Иврит был одним из первых языков, на который переводили Ницше, а в 10-х годах XX века вышло собрание сочинений Ницше на иврите в небольших изящных томиках.

Теперь нам понятно, что имел в виду исследователь ивритской литературы Биньямин Харшав (Грушовский), утверждавший, что два основных открытия поэзии ивритского Возрождения – это личность и природа[2].

Поэзия этой эпохи подчеркивает индивидуальность и неповторимость личности, в особенности личности поэта, с его мечтами, надеждами и страданиями. Впервые в ивритской поэзии появляется настоящее лирическое «я», впервые в центре стихотворения – сложная и глубокая жизнь человеческой личности. Особенно это бросается в глаза на фоне звонкой риторики Гордона. Это не значит, что поэзия отрывается от проблем народа, от проблем выбора культурного пути, от истории и от политики. Ивритская поэзия остается причастной идеологии, но эта причастность выражается теперь по-другому, более сложно и амбивалентно.

Природа – это был совершенно новый мир, не освоенный ивритской литературой. Пейзажа как такового в ивритской поэзии раньше не было. И это не случайно. В одном из еврейских журналов начала XX века приводится любопытная статистика. Детям из еврейских местечек задавали разные вопросы, в частности, бывали ли они в лесу и видели ли они в своей жизни живую белку. Белку видели всего 2% опрошенных – а ведь это были ребятишки из местечек, лес с белками начинался совсем недалеко, в конце улицы. Просто это было не принято – интересоваться белками, престижно было сидеть и учиться, учиться... Книга вместо белки... В этом была некая коренная ненормальность еврейской жизни и культуры. Теперь в ивритской поэзии появляется интенсивное переживание природы. Мир природы переживается как мир свободы, вне рамок культуры и цивилизации.

И с той же интенсивностью ощущений поэты новой эпохи воспринимают европейскую культуру. Наряду с традиционными библейскими героями на страницах ивритской лирики появляются Гете и Шиллер, Аполлон и Мефистофель. Никогда еще мир еврейской поэзии не был таким широким, распахнутым навстречу европейской культуре. Это рождает плодотворное напряжение, характерное для поэзии этой эпохи – поэзии Возрождения (Тхия).

Название «Тхия», «Возрождение», – намеренно двусмысленное и метафоричное. Это поэзия национального Возрождения, и в то же время это возрождение национальной поэзии.

«Лицо» поэзии ивритского Возрождения двойственное. Шимон Галкин называл этот период «эпохой возрождения и смятения»[3]. Это была литература смятения перед лицом открывшегося ей нового мира. В ней гораздо больше вопросов, чем ответов. С одной стороны, ощущение безбрежной мощи мира и личности, с другой стороны – мотивы экзистенциального одиночества, потерянности, конца истории, конца народа. Жанры этой поэзии уже вполне европейские: стихотворения, лирические поэмы. Черниковский в начале XX века пишет идиллии, позже – баллады – та же жанровая система, как в раннем немецком и русском романтизме, как у Жуковского. Эпических поэм в эту эпоху уже не писали, но была ностальгия по эпическому миру, как у Шиллера, – и вот Черниковский переводит Гомера, «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, финский эпос «Калевала», вавилонский эпос о Гильгамеше.

Эта революция в поэзии сопоставима с западноевропейским и русским романтизмом и исторически соответствует этому этапу развития литературы. В ивритской литературе эта революция совершилась с запозданием примерно на 80 лет. В то время, когда она происходила, в русской и европейской литературе снова вышел на авансцену романтизм – это была неоромантика символистов и «тоска по мировой культуре» акмеистов. Так ивритская поэзия начала XX века оказалась в русле художественных исканий современной ей европейской поэзии. И потому русские символисты очень благосклонно относились к ивритской поэзии, переводили Бялика и других ивритских поэтов. Следует отметить также глубокое влияние русского символизма на поэзию Бялика и Черниховского. Надо заметить, что это был период, когда европейская культура вообще была литературоцентричной, а поэтические жанры считались наиболее престижными. Поэзия Возрождения (Тхия) стала знаменем новой ивритской культуры.

Поэты этой эпохи глубоко усвоили опыт европейской поэзии – западноевропейской и русской, модель лирического героя, жанровую систему, тематику и самое главное – стихотворную систему русской поэзии. В эпоху Возрождения ритмы ивритской поэзии становятся гораздо более гибкими и сложными. Под влиянием немецкой поэзии, особенно Рильке, появляются первые опыты верлибра (Давид Фогель, Авраам бен Ицхак).

Когда говоришь об эпохе ивритского Возрождения, приходят на память знаменитые пары поэтов в мета-нарративах европейской культуры: Гете и Шиллер, Пушкин и Лермонтов. Так и Бялик с Черниховским. Шауль Черниховский – второй большой поэт эпохи Тхия. Среди всех поэтов этого времени Черниховский отличался необыкновенно широким культурным кругозором и много переводил на иврит. Кроме эпических поэм, о которых говорилось выше, он переводил древнегреческую лирику и поэтов немецкого предромантизма. Даже из этого списка видно, каков был круг его предпочтений в поэзии: это романтическая тоска по эпическому и языческому единству и мощи, которых в еврейской культуре никогда не было (Библия – это все-таки не эпос). Отсюда интерес Черниховского к древним ханаанским культам, у него есть несколько стихотворений об этом. В конце жизни, когда стало понятно, что эти тенденции могут развиваться в фашизм, он пересмотрел свой взгляд на язычество, написал несколько баллад о средневековых немецких евреях. Черниховский писал также идиллии, замечательно переведенные Владиславом Ходасевичем. В них он очень тепло, любовно, с мягким юмором описывает быт украинских евреев, который в этих идиллиях тоже отличается целостностью, здоровьем и особым уютом.

Для романтизма и неоромантизма в мировой литературе характерно особое отношение к поэзии: она считается центром, самым значимым явлением культуры. Характерно и особое отношение к личности поэта: принято выбирать главного поэта эпохи, «короля» поэзии, «солнце» поэзии. «Солнцем» ивритского Возрождения был, несомненно, Бялик.

Поэзия Бялика – это своего рода синтез всего, что было достигнуто ивритской поэзией за все предшествующие века. С одной стороны, в ней есть тонкая любовная лирика, пейзажные стихотворения, с другой стороны – продолжение публицистической лирики в духе Хаскалы. Важная особенность поэзии Бялика – то, что израильский критик Менахем Пери назвал «принципом переворачивания». В зрелых стихотворениях Бялика звучат как бы две взаимоисключающие ноты. Вторая звучит исподволь и набирает силу к концу стихотворения. Такова амбивалентность самой, пожалуй, знаменитой поэмы Бялика «В городе резни». Гнев, направленный на погромщиков, оборачивается гневом на жертву: жертва сама виновата, виновата в своем бессилии и собственной беспомощности.

Ивритская поэзия начала века сыграла большую роль в становлении иврита. Как раз в это время в еврейских поселениях Страны Израиля происходил важнейший процесс: возрождение иврита как разговорного языка. Сочетание этих двух процессов («возрождения» поэзии на иврите в Восточной Европе и возрождения иврита как разговорного языка) оказалось трагичным. Конечно, развитие поэзии обогатило разговорный язык. Однако еврейский ишув в Стране Израиля принял сефардское произношение. Такова была инициатива «отца» современного иврита Элиэзера Бен-Йеуды. Бен-Йеуде важно было объединить выходцев из разных еврейских общин. Ашкеназский иврит воспринимался им как «галутный», как связанный с религией и синагогой. Таким образом, новый разговорный язык сразу оказался оторванным от синагогальной литургии. Оказался он оторван и от новой поэзии. Весь ритм, вся музыка поэзии еврейского Возрождения были связаны с ашкеназским произношением, а их читателям все это оставалось недоступным. Некоторые поэты пытались перестроиться. Яаков Каган даже пытался «переводить» свои собственные ранние стихи на новую интонационную основу. Шауль Черниховский в конце пути начал писать на сефардском иврите. Но Залман Шнеур и Яаков Штейнберг на всю жизнь остались верны тому варианту языка, на котором начинали писать стихи в Европе. А Бялик просто замолчал, почти перестал писать стихи.

Так завершилась славная история ивритской литературы в Российской империи^[4]. Дальнейшее ее развитие происходило уже совсем в другом месте и в другом культурном контексте – в Стране Израиля.

^[1] См.: Римон Е. Приключения приключенческого жанра: Авраам Мапу и Бонкимчондро Чаттпадхай. Новый филологический вестник. 2008. № 2 (7). С. 39–48.

^[2] Harshav B. Mavo le-antologija // Shirat ha-thyja ha-ivrit: Antologija historit-bikortit. Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 10–11.

^[3] Там же. С. 12.

^[4] Справедливости ради надо сказать, что это был еще не совсем конец: в России 20-х и 30-х годов продолжали существовать подпольные кружки любителей ивритской поэзии. Чудом дошли до нас стихи самобытного поэта Хаима Ленского, погибшего в лагере в 1943 году.

НЕПРОСТАЯ ДРУЖБА

Éáí éä Dääçéôíáíéé

Каждый раз, когда выбирают нового президента США, раздается «плач дщери иудейской»: в Израиле опять пишут, что этот президент «тайный антисемит» или, как минимум, настроен проарабски и против Израиля.

Особенно в этом подозревают президентов-демократов. Казалось бы, странно: Демократическая партия «нашпигована евреями» куда сильнее, чем Республиканская, евреи традиционно, упорно (многие считают – с упорством, достойным лучшего применения) голосуют за демократов. Словом, если какая партия и близка к евреям, то именно Демократическая. Если кого и поносят еврей-политики и журналисты, то прежде всего республиканцев. Особенно досталось от «еврейских СМИ» Д. Бушу – по общему мнению, едва ли не самому «произраильскому» президенту в истории США.

Так вот, при всем том общее убеждение – в том числе самих евреев, – что как раз республиканские администрации лучше работают с Израилем, чем демократические! Одна из причин довольно проста: демократам положено особенно сильно жалеть «униженных и оскорбленных». На счастье евреев, это не про них! Но на несчастье евреев – это про палестинцев. По крайней мере, такова аксиома для всех «леваков» – в Европе, США.

Яркий пример – нобелевский лауреат (кстати, Нобелевские премии мира если и дают президентам США, то только демократам) Джимми Картер. Этот горе-президент не устает обвинять Израиль, оправдывать и жалеть палестинцев, словом, делает все, что положено уважаемому «интеллектуалу-гуманисту».

Но вместе с тем, как бы далеко «эскадрон моих мыслей шальных» ни заносил американских президентов, они – по крайней мере, до сих пор – не переступали некоторой черты. Не отказывались от поддержки Израиля – политической, психологической, иногда (редко) – финансовой.

Изменится ли что-то при Обаме?

Надо иметь в виду три момента.

Во-первых, президент США – не царь, не диктатор. Политика страны зависит совсем не только от него. Есть конгресс, есть СМИ, разные группы влияния.

Во-вторых, президент не только не диктатор, но и «сам себе не хозяин». То есть, предпринимая те или иные шаги, он постоянно оглядывается на то же самое общество, все его институты. Амплитуда действий президента ограничена извне, но он и сам не стремится, как правило, слишком широко шагать, резко менять политический курс.

В-третьих, не только в действиях, но и в мыслях президент скован. Он – со всеми его идеями, комплексами, мечтами – «продукт общества и эпохи». Те же самые ограничения, которые общество ставит снаружи, во многом являются и внутренними убеждениями президента. Иначе – если бы он не шел в русле существующей системы ценностей – его бы не выставили в президенты и не избрали.

Все это вполне относится и к Обаме.

Очевидно, что «еврейского вопроса» внутри США для него не существует. Евреи – руководитель аппарата Белого дома Эммануэль, старший политический советник Обамы (и бывший шеф его избирательной кампании) Аксельрод, главный экономический советник президента Саммерс, начальник Административно-бюджетного управления президента Орзаг – это я называю только ключевых игроков команды Обамы... Так что о личном антисемитизме говорить довольно странно!

Что же касается Израиля, то все американские политики (включая обоих первых заместителей Госсекретаря – евреев Штейнберга и Льва) действуют только в соответствии с американскими интересами. Пока с точки зрения американской элиты для них важна поддержка единственного демократического государства на Ближнем Востоке – эта поддержка будет оказываться. Такова стратегическая линия США в последние 60 лет. И при всех колебаниях ни один президент не рискнет ее пересмотреть, как бы хорошо/плохо он лично ни относился к Израилю.

ЧУВАШСКОЕ ПОЛЕ

Михаил Горелик

«В одной очень культурной еврейской семье я вдруг сказал, что теорию “еврейской ассимиляции” в “Докторе Живаго” я не принимаю <...> Хозяйка дома назвала меня “предателем”. Спустя несколько лет в той же семье меня уже крыли за умеренное отношение к этой “теории” Пастернака (вскоре эта дружественная мне семья эмигрировала из СССР)»[\[1\]](#).

Предатель

Это из воспоминаний Геннадия Айги (1934–2006). «Обыденность чуда» с подзаголовком: «Встречи с Пастернаком. 1956–1958». Важные годы: 1956-й – завершение «Доктора Живаго» и отказ «Нового мира» принять его. 1957-й – первое издание в Италии. 1958-й – присуждение Нобелевской премии. На эти годы приходится кампания травли поэта в СССР.

Айги связывали с Пастернаком отношения дружбы, какие бывают у младшего со старшим, у начинающего поэта с мэтром. Молодой поэт из чувашской деревни был Пастернаку интересен. Пастернак оценил его оригинальность, талант, страсть к культуре, относился к нему по-отечески: интересовался его творческими успехами, жизнью, волновался за него, помогал ему. Айги Пастернаком восхищался: и поэтом, и человеком. Тем не менее у Айги, как мы видим, хватало самостоятельности не разделять взгляды Пастернака. И, будучи очарован, сохранял здравый смысл, критичность, верность себе.

Речь идет не только о «теории», но и о поэтике. К моменту знакомства с Пастернаком Айги, несмотря на молодость, несмотря на то, что его становление продолжалось, был уже поэтом со своим собственным голосом. Считал, что классиков следует преодолевать: «“Сбрасывание” отцов с “парохода современности” мне кажется естественным литературным, вообще-то в достаточной мере “игровым” законом»[\[2\]](#). Цитата не случайна: Айги в своем творчестве ориентировался на авангард, любил Маяковского, находился долгое время под его влиянием, прикладывал усилия, чтобы его преодолеть, десять лет проработал потом библиографом в Музее Маяковского.

Беседа «в очень культурной еврейской семье» происходит при жизни Пастернака. Это важное обстоятельство. Острота реакции на невиннейшее замечание Айги – ну не разделяет он мнения Пастернака, что тут такого ужасного? так нет же, не меньше чем предатель! – определяется, помимо всего прочего, и личной задетостью собеседников, вполне, надо полагать, ассимилированных московских интеллигентов, и разлитой в воздухе нетерпимостью, характерной социально-психологической особенностью места и времени, кто не с нами, тот против нас, инакомыслящие ничем (в этом отношении) не отличались, и главное: Айги в своем неприятии как бы переметывается из стана погибающих за великое дело любви в стан гнусных гонителей и травителей, становится заодно с фараоном. Гонимый властями классик вне критики. С кем вы, мастера культуры? Оказывается, вот оно что! так вот ты каков! а мы-то считали тебя за своего! И это при самых дружеских отношениях. Поэт в России больше, чем поэт: Пастернак был политическим, нравственным и эстетическим символом вместе. Наше все. Не замай!

Еврейские друзья Айги не вступают с ним в дискуссию – просто снимают вопрос навешиванием ярлыка. Асимметричный ответ. Непосредственно после этой «еврейской» истории, как бы в одном с ней блоке, Айги вспоминает, как он своему другу, соседу по общежитию, высказал как-то критические соображения по поводу поэтики Пастернака. Тот гневно прервал его, напомнив, что, когда Айги тяжело заболел, Пастернак ночью приходил справиться о его здоровье, принес фрукты, деньги на лекарства. Своей критикой Айги проявляет очевидную неблагодарность. Тоже асимметричный ответ.

Динамика «культурной еврейской семьи» достаточно характерна. «Вскоре <...> эмигрировала» – думаю, Айги подвела память: разговор происходил не позже 1960-го (год смерти Пастернака) – эмиграция стала возможной все-таки много позже. Ну да это несущественно.

Небольшое отступление личного характера. Как иллюстрация к характерности динамики достаточно узкого интеллигентского круга, к которому принадлежала «дружественная семья». Один мой приятель был в свое время радикальным русским националистом. Акцентированно еврейская внешность и любовь к жестикуляции придавали его высказываниям особую выразительность. Тоже поэт, что уж в данном случае совсем неважно. А может, как раз и важно, поскольку, будучи человеком творческим, увлекался вплоть даже до пламенности. Время от времени он порицал мои нравственные несовершенства, главным из которых была недостаточная любовь к великому русскому народу. Его собственной любви к народу хватало на многих персон, так что он вполне меня компенсировал. Совершив алию, мой приятель решительно сменил вехи: стал еврейским националистом. Поменяв объект идентификации, не утратил радикализма. Поносит («кроет») меня теперь за недостаточную любовь к великому еврейскому народу. Возможно, он прав в обоих случаях.

Доктор Живаго – доктор Гордон

Возвращаясь к «теории» Пастернака. Речь здесь идет не об общем болезненном отношении поэта к своему еврейству, а о конкретном (знаменитом) пассаже из «Доктора Живаго», цитируемом всеми, кто заводит разговор о Пастернаке и евреях. Пастернак устами своего героя Гордона призывает евреев самораспуститься, прекратить бессмысленное, давно уже исторически изжившее себя, агасферическое существование, стать, как все добрые люди, – христианами, то есть русскими, надо полагать, кем же еще?! «Опомнитесь. Довольно. Больше не надо. Не называйтесь, как раньше. Не сбивайтесь в кучу, разойдитесь. Будьте со всеми <...>»

Сионские мудрецы («властители дум»), выслушав увещание Гордона, поняв его несомненную правоту и образумившись, протрубят в шофар, и еврейского народа, к удовольствию Гордона и Пастернака, не станет. Ну наконец-то! Теперь все вздохнут с облегчением. И ничто не будет напоминать русскому поэту о случайном и несправедливом факте его происхождения. Собственно, это и есть, по-видимому, настоящая, тщательно умалчиваемая цель проекта. Где спрячет мудрец листок? В лесу. Увы, хитроумные и зловредные старцы к увещательным речам остались глухи. Возможно, они просто не прочли роман. А прочли бы – непременно вдохновились и самораспустились: ведь там все объяснено так убедительно. Верил в сионских мудрецов, в силу их безусловной власти, в силу их слова. Тень безумного Нилуса.

Монолог Гордона следует после того, как он и его друг Живаго стали свидетелями глумления казаков над беззащитным стариком-евреем на глазах у его жены и

внучек. С большой живостью описано. Вариация на тему «Тараса Бульбы» и Вечного жида – вместе.

Живаго, прекратив отвратительную потеху, рассказывает своему товарищу о страданиях евреев в зоне военных действий. Живаго говорит о вещах, которые видел собственными глазами, о которых ему рассказывали очевидцы. Гордон отвечает религиозно-исторической поэзией, вовсе не озабоченной низкой прозой жизни.

Живаго защищает старика, не прибегая к силе, никого не осуждает, теорий строить не склонен. Гордон молча наблюдает, говорит о «простейшей низости, по поводу которой не философствуют, а бьют по морде». Но по морде не бьет, а философствует.

Живаго – врач, облегчающий страдания конкретных людей: больных, раненых. Гордон – философ, объясняющий со своих умозрительных небес причину страданий малых народов.

Живаго лечит своих пациентов, чтобы они жили. Гордон прописывает своим пациентам смерть: только это лекарство по новейшей медицинской теории им и показано. Сестра, почему в морг? В реанимацию. Больной, не занимайтесь самолечением: доктор сказал, в морг – значит, в морг!

В каком-то смысле получается у Гордона, что унижаемый старик-еврей («бедный патриарх») – сам причина своих страданий, объявленных Гордоном «добровольными», получается, что страдает он, в сущности, за дело: не противопоставил бы себя историческому процессу, не шел бы против провиденциального рожна, не сбивался бы в кучу, – не страдал бы. А всего-то надо: назваться по-другому и разбежаться вовремя. А казак – ну что казак, грубое животное, что с него взять, дать по морде, и дело с концом.

Перед нами (читателями) два разных отношения к миру вообще и к евреям в частности. Художественно это совершенно внятно. Я сказал только, что «Пастернак устами своего героя Гордона призывает», однако в рамках эпизода это вовсе не очевидно: автор своего отношения никак не обнаруживает. Теорию самороспуска высказывает не Живаго, альтер эго автора, а второстепенный Гордон.

Почему так, более-менее понятно. Теорию самороспуска должен высказать непременно еврей, во всяком случае, право первого слова за ним. После чего уже и Лара, возлюбленная Живаго, в свой черед может сказать ровно то же самое – чуть другими словами. Но только после Гордона. Рефрен не продиктован художественной необходимостью, но эта мысль выходит за рамки частного мнения отдельного персонажа, она настолько важна для автора, что он возвращается к ней еще раз – в аранжировке нового исполнителя. Почему Лара, а не Живаго? Пастернак хотел дистанцироваться, в принципе не хотел открытого высказывания о евреях. Евреи – зона умолчания. В разговорах – да, в письмах – да, нечасто, но бывало, но не в творчестве, не от первого лица. Живаго был слишком близок – поэтому не годился. Пастернаку психологически невозможно было идентифицировать себя с евреем, даже с ассимилированным, пусть даже уже и с русским самосознанием – он идентифицирует себя с Живаго, с природным русским, которого эти еврейские дела не слишком занимают. Творчески исправляет обидную случайность своего происхождения.

Повод для монолога Гордона – глумление над одним человеком. Повод для монолога Лары – погром в городе. Повышает градус. И опять получается: сами виноваты.

Чужие страдания – отменный материал для изготовления концепций. Какое-то поразительное душевное нечувствие у одного из самых тонких поэтов.

Гордон произносит свой знаменитый монолог в разгар первой мировой, но его слова аккумулируют опыт автора, пережившего уже и вторую мировую. Невозможно представить себе, что Пастернак не заметил катастрофы европейского еврейства (хотя, кажется, никогда ее не упоминал). Не тот масштаб, чтоб не заметить. И слепые заметили. Значит, настаивает на действенной спасительности предложения Гордона и в свете своего нового, недоступного герою романа, опыта. Время тут ничего не изменило. Надо так полагать, что только подтвердило его правоту самым сокрушительным образом.

Гордон, получивший философское образование (шуба с авторского плеча), слушавший лекции по богословию и даже помышлявший одно время о переходе из университета в духовную академию, противопоставляет христианский универсализм ветхозаветному национальному партикуляризму, проявляя при этом большую свободу в обращении с текстами: он строит свою концепцию на Евангелии, прямо на него ссылается, но легко показать, что занимающая его проблематика совершенно чужда Евангелию, даже если понимать Евангелие расширительно – как Новый Завет. В романе возникает концепт «по-новому понятое христианство». Гордон извлекает свои идеи не из текста, а из культурного воздуха.

На риторический вопрос Гордона «о каких народах может быть речь в христианское время?» нетрудно ответить: вот об этих самых, которые истребляли друг друга на протяжении всей христианской истории и достигли апогея в мировых войнах, о русском народе, ведущем кровавую Гражданскую войну, о казаках, глумящихся над стариком. Или «христианское время» еще не наступило? Чего ради должны разбежаться евреи? Только для того, чтобы Пастернак обрел наконец чаемый внутренний комфорт? Не слишком ли цена велика?

Похвальное слово обособленности

Гордон выстраивает в своем монологе общую теорию: евреи только частный случай – другое дело, что автору и его герою до других народов дела нет, только евреи и интересны. В обобщенном виде эта теория адресована также и Айги, что он прекрасно понимал и, как человек с национальным самосознанием, принять не мог.

Пастернак сыграл исключительную роль в литературной судьбе Айги: именно он посоветовал ему писать по-русски. Увидел потенциал Айги как русского поэта и не ошибся. В каком-то смысле благословил. Кошмарный сон Набокова: после «Вечеров на хуторе» Гоголь перешел на украинскую мову. Ну, наверно, не Пастернак один, но его совет был особенно весом, обладал критической массой. Помимо всего прочего, помимо очевидного прагматического смысла, совет вполне лежал и в русле ассимиляторского проекта Пастернака.

Хикмет, с которым Айги обсуждал эту тему, сказал слова, которые ни при каких обстоятельствах не мог бы сказать Пастернак: «Запомните: вам никогда не простят ваше происхождение, то, что, будучи выходцем из малого народа, вы будете существовать в большой литературе»^[3]. Запомнил. Хорошо запомнил – через тридцать лет цитирует.

Перейдя на русский, Айги стал русским поэтом, однако не прекратил от этого быть поэтом чувашским, он, собственно, и воспринимается чувашами как национальный поэт. Дело не в анализе крови, а в национальном самосознании, в поэтике, в

замерзлости полей. Придал чувашскому полю вселенское значение, сделал с ним то, что импрессионисты сделали, дотронувшись кистью до овернских стогов. И похоронен не в Москве, где прожил большую часть жизни, – на деревенском кладбище с полем и лесом в окоме. Вернулся домой, в Шаймурзино, к пейзажу своего детства. Надо бы ему на родине памятник поставить. Рано или поздно поставят.

«Я родился и вырос в чувашской деревне, окруженной бескрайними лесами, окна нашей избышки выходили прямо в поле, – из поля и леса состоял для меня “весь мой мир”. Знакомясь по мировой литературе с “мирами-океанами”, с “мирами-городами” других народов, я старался, чтобы мой мир “Лес-Поле” не уступал бы по литературной значимости другим общеизвестным “мирам”, даже по мере возможности приобрел бы некую “общезначимость” <...> Я хотел малое возвысить до Большого, сделать его общезначительным. В конце концов, так всегда происходило в разных литературах, в разных культурах. Понятие “провинция” не относится к полям и стогам, и – провинций для земли – нет. Овернские поля и стога стали всеобщими в искусстве, когда к ним прикоснулись импрессионисты». Из эссе «Разговор на расстоянии»[\[4\]](#).

Разные векторы национального самосознания.

Пастернак никогда не был причастен еврейской жизни, рос в атмосфере русской и европейской культуры, русский язык был для него родным, еврейский мир воспринимал как нечто внешнее, далекое, чуждое, от обидно выпавшего ему на долю еврейства (за какие грехи?!) страдал, само слово «еврей» было неприятно, трудно выговаривалось, еврейство и культура не рифмовались вообще никак.

Айги чувствовал себя в чувашах более чем комфортно. Преданность русской речи, вовлеченность в русскую, равно как и в мировую, культуру счастливо и гармонично сочетал с принадлежностью чувашскому миру, который для него был приоритетней русского. С 1960 года перестал писать стихи на чувашском, но продолжал переводить: переводил русских и европейских поэтов, ввел в чувашскую литературу авангард, его вклад в чувашскую литературу не меньший, чем в русскую. Хотя и качественно иной.

Вот интересный пассаж из разговора с Ириной Врубель-Голубкиной[\[5\]](#), начинающийся со слов: «Я чуваш». Можно вообразить себе Пастернака, говорящего: «Я еврей»?!

«Я чуваш, мой первый язык чувашский. Мою деревню, которая находилась на крайнем севере Чувашии, в тридцати километрах от Чебоксар, окружали бесконечные леса, в которых чуваша скрывались от татар, от русского крещения. Леса и болота начинались прямо у деревни, а то, что находилось на той стороне леса, было непонятно, потому что никто туда не добирался. Была такая самозащита – обособленность. Угасла письменность. Чуваша три-четыре века не участвовали в войнах, хотя русские завоеватели пытались заставить их воевать. И организовалось общество, которое разрабатывало мирные законы памятования основ мирного уклада, потому что это очень сложно – жить мирно. Убийство в наших деревнях случалось раз в сто лет, это было событие столь невероятное, что у такой деревни ставили громадный черный ствол, означающий: “Внимание, здесь убили человека!” <...>

Действительно, вырисовывается общество, основанное на идеалах. Жизнью народа управляли старейшины – не по принципу богатства, а исходя из мудрости. Мне это очень по душе, так как я всегда, еще мальчиком, чувствовал естественную силу стариков»[\[6\]](#).

Пастернак: «Отчего так лениво бездарны пишущие народолюбцы всех народностей?»»

Чувашские старейшины ведут себя определенно ничем не лучше еврейских. Чувашская жизнь, лад, история, менталитет, общество, основанное на идеалах, – прямо противопоставлены русским, малый народ – большому. Взгляд Айги – взгляд эмоционально вовлеченного человека, взгляд изнутри. Русские нападают – чуваша защищаются: не только от физического насилия, но и от насилия духовного. Как говорил Аверинцев, в общем случае прав тот, кто защищает свое, – неправ тот, кто разрушает чужое. Татары и «русское крещение» уравниваются. В понимании Пастернака спасались от хорошего.

«Была такая самозащита – обособленность» – один к одному переносится на еврейскую ситуацию, которая все-таки была сложнее, потому что лесов, заслоняющих от внешнего мира, Б-г намеренно не насадил, а те, которые норовили вырасти по собственному почину, безжалостно выкорчевывал – дабы письменность не угасала. Обособленность для Айги глубоко позитивна, спасительна ввиду разрушительного русского влияния. Обособленность от русского мира – объект инвектив Гордона, Лары, Пастернака.

К сионизму Айги относился с благожелательным и спокойным интересом – и как к проявлению национального, которое было само по себе для него позитивно, и как к сопротивлению живого мертвящей тотальной унификации советской власти. Евреев и сионистов в его окружении хватало. Был знаком с Виталием Свечинским – бывшим колымским эзком, угодившим в лагерь в самом начале пятидесятых именно что за нежелание самораспуститься (попытка побега из СССР в Израиль), одним из наиболее ярких и симпатичных персонажей московского еврейского движения, вообще одним из первых сионистов в Москве.

И здесь ключ к тому, почему интеллигентные еврейские друзья, еще вчера стоявшие на ассимиляционной позиции Пастернака, а Айги ходил у них в предателях, сегодня уже крыли его за умеренность. Потому что национальное было для них проблемой: и тогда, когда они были с Пастернаком, и тогда, когда они (в этом пункте) с ним распрощались.

А у Айги проблемы (национальной) никогда не было.

348. [\[1\]](#) Геннадий Айги. Обыденность чуда // Геннадий Айги. Стихотворения. М.: Радуга, 2008. С.

[\[2\]](#) Там же.

[\[3\]](#) Геннадий Айги. Обыденность чуда. С. 353, 354.

[\[4\]](#) Геннадий Айги. Стихотворения. М.: Радуга, 2008. С. 381.

[\[5\]](#) Ирина Врубель-Голубкина – литератор, главный редактор журнала «Зеркало» (Тель-Авив).

[\[6\]](#) Геннадий Айги. Стихотворения. С. 406, 407.

ХРАМОВНИКИ И ГРАД МИРА

На четыре вопроса отвечают:

Галина Зеленина, Илья Лурье, Михаил Король, Юрий Табак

Аִתְּכֶם אֵלֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

В древние времена пишущие вымаливали у Б-га прощение: считалось, что письму человечество обучил один из падших ангелов, тем самым сделав многих людей грешниками. Ибо люди не были созданы для того, чтобы доказывать свою веру чернилами и пером (Книга Еноха, 69:10). Но, несмотря на предостережения пророков, человека во все времена тянуло закреплять на бумаге свою жизнь и жизнь своих предков. «Чернильный грешник» Морис Дрюон (Кессель) – еврей по происхождению, француз в первом поколении, недавно ушел от нас в возрасте 91-го года. Его исторический цикл «Проклятые короли», проходивший в СССР под кодовым названием «макулатурная серия», познакомил не одно поколение «наших» с европейской историей Средних веков. Что знали бы мы без Дрюона о проклятии, наложенном перед смертью на Филиппа IV Красивого и династию Капетингов великим магистром ордена тамплиеров Жаком де Моле, приговоренным к сожжению на костре? О рыцарях-паладинах, о любвеобильных невестках короля, о тайнах крестоносцев, ровно тысячу сто десять лет тому назад вошедших в Иерусалим? Из какой зона, из какой культуры был родом заживо сгоревший храмовник? Как зародилась она, где созревала? А может, проклявший короля магистр был и сам когда-то проклят вместе со своим орденом – и небывалая сила того проклятия связана не только с жаром огня, но и с жаром библейских пороков, с их многовековой «эстафетностью»?

ОРДЕН СЛУЖИЛ СОБСТВЕННЫМ ИНТЕРЕСАМ

אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

– Духовная составляющая Святого града Иерусалима так велика, что многие его завоеватели считали: в случае победы они обретут чуть ли не «ключи от неба», а точнее, от «входа» в Иерусалим Небесный. Может быть, исключительность

этого места как раз в том, что граница двух миров, Б-жественного и земного, здесь стерта?

– Об «объективной» пограничности и Б-жественности я рассуждать не возьмусь, что же касается различных иерусалимских мифов, то надо смотреть на их породителей и потребителей, каковыми, кстати, были не все завоеватели города: трепетное отношение к Иерусалиму не было свойственно римлянам или сельджукам. Крестоносцы же отправлялись в Святую землю как в паломничество – собственно, во время Крестовых походов еще не было самого этого термина, *croisade*, и мероприятие называлось «поход [или путь] в Святую землю». Паломничество к святым местам, особенно сопряженное с лишениями и опасностями, гарантировало искупление грехов и спасение души, и церковь обещала всем крестоносцам отпущение грехов (сохранились именные индульгенции некоторым предводителям похода), причем участие в Крестовом походе ставилось выше любого иного покаяния. Еще одна идея, легшая в основу крестоносного движения, это идея «священной», или «справедливой», войны с неверными за христианское наследие – земли, где некогда проповедовали апостолы; павшие в такой войне считались мучениками, удостоившимися рая. И это вторая причина того, что крестоносцы рассчитывали на обретение Царствия небесного. Впрочем, на исходе эпохи Крестовых походов христианские рыцари стали относиться к Иерусалиму поспокойнее: короли Иерусалимские благополучно проживают на Кипре, а отлученный от церкви германский император приобретает Святой город дипломатическим путем, без всяких лишений и подвигов, и, ничтоже сумняшеся, сам себя коронует в храме Гроба Господня.

– Провозглашая Крестовый поход в Святую землю, церковь имела возможность опереться на военную силу рыцарства. Для привлечения рыцарской братии к освященной церковью войне против неверных необходимо было христианизировать нравы общества. Что такое клюнийское движение и какую роль оно сыграло в этом процессе?

– Клюнийская реформа – явление внутрицерковное. Это монастырское движение, начавшееся в аббатстве Клюни, в Бургундии, и распространившееся по всей Западной Европе; его целью была реставрация строгого монашеского устава и контроль за нравами духовенства вообще, освобождение монастырей из-под власти локальных секулярных сеньоров и епископов и подчинение их напрямую Риму. Клюнийская реформа помогла церкви выйти из кризиса IX–X веков, столетия «дурных пап» и «порнокрапии», сопряженного с чудовищным падением авторитета клира в целом и папского престола в частности. Она же стала первым этапом так называемой «папской революции» конца XI века, которая привела к значительному усилению позиции папы внутри церкви и расширению его властных амбиций в ущерб светской власти, к папоцезаризму. А Крестовые походы явились уже, в некотором смысле, следствием этой реформы: церковь достаточно усилилась, чтобы позволить себе экспансию, «маленькую победоносную войну», проект, который должен был еще теснее сплотить вокруг нее все христианское общество. До папской революции подобный призыв вряд ли оказался бы эффективен. Что же касается мотивации крестоносцев, частично об этом сказано выше, частично все объяснялось куда более материальными причинами: в поход с особым энтузиазмом отправлялись бедные, так называемые «безлошадные», рыцари, младшие сыновья, которым не досталось наследства, кроме разве что кота в сапогах, и они рассчитывали в Святой земле обзавестись имением и соответствующим титулом или, по крайней мере, вернуться с толикой сарацинского золота. К тому же воинам, отправлявшимся освобождать Гроб Господень, прощались долги и т. п. О нравах рыцарства на момент организации 1-го Крестового похода говорить сложно. Считается, что собственно Крестовые походы и поспособствовали кристаллизации рыцарства как особой группы, со

своим самосознанием, культурой и этикой. И рыцарская идентичность, как мы ее представляем из литературы – куртуазного романа или исторических романов эпохи романтизма: христианнейшие паладины, беззаветно преданные своему государю и церкви, кодекс чести, культ прекрасной дамы, до мелочей расписанный церемониал охоты и турниров, застолья в готических замках, сопровождаемые песнями трубадуров, – все это начинается только с середины XII века, после 1-го, а то и 2-го Крестового похода.

– Недавно ушел из жизни французский писатель Морис Дрюон. Не будет преувеличением сказать, что его захлеб читал весь СССР. Я вспомнил о Дрюоне прошлым летом в Акко, когда наткнулся на вполне прозаичного вида табличку: «Тоннель тамплиеров». Всплыла в памяти дрюоновская сцена казни верховного магистра Ордена Жака де Моле. Как вы сейчас, став медиевистом, написав свою книгу, относитесь к творчеству Дрюона и к его версиям исторических событий?

– Цикл «Проклятые короли» я читала лет в тринадцать-четырнадцать, избегая куда более популярного Дюма – из подростковой протестности, вероятно (впрочем, романы про мушкетеров и потом читать не стала), а также из-за хронологических предпочтений: Дюма – это уже не Средневековье, а раннее Новое время. Поэтому сейчас я если что и помню, то скорее отдельные колоритные образы и эпизоды, чем версии исторических событий. В целом романы Дрюона (как и Дюма, и Вальтера Скотта) – это, конечно, «исторический маскарад»; то есть он видел задачу исторического романиста совсем не так, как ее видит, скажем, Умберто Эко. По весьма грубой, сетчатой канве исторических событий Дрюон вышивал яркими современными нитками по собственному вкусу: крепкий сюжет и разнообразные, вроде как вневременные, человеческие страсти. Он не вплетал в свой нарратив цитаты из средневековых источников, не стилизовал язык, не стремился воссоздать ментальность людей того времени. И это не плохо, это просто иначе. И рассчитано на другую публику. Какой-нибудь «Остров накануне» весь б. СССР не то что захлеб читать не будет – вторую главу ниасилит. За последние век-полтора историческая наука осознала, что выяснить и написать, «как оно было на самом деле», нельзя, и любой, самый скрупулезный и фундированный, исторический труд – лишь реконструкция, одна из множества возможных, на которую влияет целый ряд факторов – от вполне осознаваемых (например, доступность и сохранность источников) до осознаваемых в лучшем случае постфактум – эпохи, в которую живет автор, его идеологии. И если развить эту мысль до некоторого релятивизма, романы Дрюона имеют столько же прав на существование, сколько и романы Умберто Эко, и исторические монографии, и учебники. В сравнении же с последними «Проклятые короли» однозначно выигрывают: и там, и там представлена примерно одинаково упрощенная версия исторического процесса, только роман ее предлагает читателю для развлечения, а учебник, как источник нормативного знания, ее же безапелляционно навязывает.

– Как это ни покажется странным, в XXI веке проблема, связанная с уничтожением ордена храмовников, вновь начала вызывать интерес и порождать самые разные толкования. Загадочный Жизорский замок, чей он все-таки? Какие тайны хранятся в его подземельях? Почему орден был впоследствии уничтожен теми, кому верно служил? Загадки, связанные с тамплиерами, – для серьезных ученых?

– Орден рыцарей Храма, как любая крупная и мощная организация, служил, прежде всего, собственным интересам. Его расформирование и дискредитация были выгодны французской короне – по причинам финансовым (конфискация казны и земель) и политическим: сильное государство, возглавляемое сильным государем, не может потерпеть внутри себя независимой автономной структуры, подчиняющейся внешнему

государство во главе с патриархом. А что с остальными героями-вожаками 1-го Крестового? Любимец народа Боэмунд Тарентский остался в Антиохии. Танкред Тарентский – герой и вояка, но не политик. Раймонд Тулузский – слишком стар и жаден. Роберт Нормандский – чересчур добродушен, расточителен и нереспектабелен (одно прозвище за низкий рост чего стоит – Куртхёз, Короткие Портки)... И то, что Готфрид отказывается от титула венценосца и называет себя Защитником Гроба Господня, безусловно приносит ему рейтинговые очки.

– Как рапортовал Папе Римскому сам Готфрид Бульонский, войдя в Иерусалим: «скакали кони наших воинов по колено в крови сарацинов» – резали и евреев, и мусульман, невзирая на пол и возраст. Последующие Крестовые походы были столь же кровавыми? И как относились воины Христовы к жителям Иерусалима в дальнейшем? Говорят, некоторые, оставаясь христианами, со временем начинали жить по местным, восточным обычаям.

– Точная цитата из послания Готфрида Папе Римскому Пасхалию Второму звучит так: «...Скакали наши люди в крови сарацинов по самые стремена». Да, все-таки самым кровопролитным из Крестовых походов был первый. Инфантильная сентиментальность и истероидная религиозность сочетались с невероятной жестокостью и кровожадностью. А прежних жителей-то в Иерусалиме почти и не осталось. Население города сократилось в десять раз. В дальнейшем для решения демографической проблемы иерусалимские латинские короли вводят специальные привилегии для переселенцев. Выживать, конечно, пришлось в соответствии с правилами сурового восточного быта. Осевшим на иерусалимских латифундиях рыцарям предстояло научиться минимум двум необходимым вещам: строить из камня и мыться в бане.

– История Иерусалима – это история еврейского народа. На протяжении Средних веков евреев многократно изгоняли из города и вновь пускали, запрещали исповедание иудаизма и опять разрешали. Как смогла сохраниться еврейская культура Вечного города – религиозная и не только, пережив бесчисленную смену христианских, мусульманских и прочих правителей, буквально у каждого из которых был свой указ на то, как и где жить иудеям?

– Еврейская культура сохранилась именно благодаря тому, что, несмотря на все «гойские» указы, евреи следовали своей традиции, предписывающей никогда и нигде не забывать духовный стержень иудаизма – Иерусалимский Храм.

– Вы водите экскурсии по Иерусалиму. Могли бы вы предложить нашим читателям свой маршрут экскурсии по средневековому городу?

– Поскольку я являюсь автором книги «Королевские прогулки по Иерусалиму», то прежде всего к ней и отправлю дорогих читателей. Из тридцати трех миниатюрных маршрутов-эссе около трети посвящено местам, связанным со средневековой историей и Крестовыми походами. Ну а сейчас я предлагаю такую экскурсию-квест, которая поможет вам внимательнее и вдумчивее относиться к достопримечательностям Иерусалима. Итак, мы уже сказали, что умение строить каменные сооружения крестоносцы приобретают в нашем регионе. С древесиной – дефицит; изволь пользоваться «подножным» сырьем, то есть известняком. И ремесло каменотесов в XII веке процветает. О количестве камнерезных мастерских мы можем предполагать, обнаруживая на камнях кладки того периода удивительно разнообразные значки – метки различных мастерских гильдии каменотесов. Тут и «завитки», напоминающие интернетовский значок @, и «зигзаги», и «стрелочки», и «елочки»... Предлагаю составить вам собственную

коллекцию этих «логотипов», внимательно обойдя остатки следующих сооружений крестоносцев: 1. Наби-Самуэль (гробница пророка Шмуэля). Крестоносцы назвали это место Мон-Жуа (Гора Радости), ибо именно отсюда 7 июня 1099 года они узрели вожденный Город. 2. Северо-западный угол стены Старого города. Турецкая стена сложена в середине XVI века из различных каменных блоков, в том числе из тех, которые были использованы при строительстве возвышавшейся тут когда-то башни Танкреда. 3. Фасад храма Гроба Господня. Это вообще шедевр романского стиля. Тем интереснее будет найти тут, кроме чудесной орнаментальной резьбы, метки мастеров. 4. Церковь Св. Анны (Сант-Анна) в Вифезде. 5. Церковь Св. Николая в Христианском квартале. Удачи и приятной встречи с крестоносцами в Иерусалиме!

ДУХОВНУЮ НАПРЯЖЕННОСТЬ СОЗДАЕМ МЫ САМИ

Ἐεῦν Ἐόδια, ἐνὸ ἰδεε, ἰδαῖ ἰάαααὸ αἰῦ Ἀάαεῖεῖτᾶ ὀεάαδῖεὸαὸὰ ᾶ Ἐάδῖαεεῖ ᾶ

– Почему сегодня следы военно-религиозных экспедиций христиан, предпринимавшихся с конца XI века, наиболее заметны на севере Израиля, например в том же Акко, а не в Иерусалиме?

– Здесь имеет место своего рода оптическая иллюзия. На самом деле размах строительства крестоносцев в Иерусалиме был огромен. Значительная часть Старого города в том виде, в каком он предстает перед нами сегодня, построена крестоносцами. И это не только культовые здания – во всех четырех кварталах города! – но и системы укреплений, рынки и даже целые улицы. Некоторые монументальные сооружения этой эпохи дошли до нас в поразительной сохранности, от других уцелели лишь фрагменты, а третьи были разобраны на части и украшают теперь фасады более поздних зданий. Именно в Иерусалиме можно получить наиболее полное представление об особенностях архитектуры крестоносцев, которая, хотя и следовала в целом европейской средневековой строительной традиции, однако внесла в нее свои специфические элементы. Окрестности Иерусалима тоже не обделены следами строительной деятельности рыцарей и монахов: здесь до сих пор можно увидеть остатки крепостей (Латрун и Кастель на подъезде к Иерусалиму, Бельмонт возле кибуца Цуба, Бейт Гуврин), укрепленных поместий (Эйн Хемед, Наби Самуэль) и монастырей (Бейт-Лехем, Абу-Гош). То, что на севере страны присутствие крестоносцев, возможно, ощущается более явственно, вызвано, по всей видимости, двумя факторами. Во-первых, типом строительства. Отдельно стоящие романтические руины крепостей, так замечательно вписывающиеся в горные пейзажи Галилеи, захватывают воображение европейского путешественника, который почти

автоматически связывает их со знакомой ему с детства историей «вооруженного паломничества» в Святую землю и «священной войны» за христианские святыни. Это, кстати сказать, не всегда оправдано: на севере Израиля есть ряд крепостей, которые построены как раз мусульманами (самый яркий пример – величественная крепость Нимрод). Не менее эффектны и огромные полуподземные залы госпитальеров в Акко (этот город был столицей Иерусалимского королевства даже дольше, чем сам Иерусалим). Конечно, рядовой городской застройке Иерусалима сложно со всем этим конкурировать. Другой фактор – дальнейшая судьба крестоносских городов. Иерусалим сохранял свой статус главной мусульманской святыни региона, поэтому и в мамлюкскую эпоху, и в начале османского правления в нем велось интенсивное строительство. Столица крестоносцев оказалась в тени новых – иногда весьма впечатляющих – архитектурных комплексов. На севере же нигде (кроме Цфата) ничего подобного не происходило. Поэтому следы застройки эпохи крестоносцев продолжали доминировать и в городском, и в сельском ландшафтах.

– Анализ древних и средневековых документов показывает, что прежние представления о времени резко отличались от современных. Современные комментаторы, исходя из скалигеровской хронологии, считают, что Средневековье смешало эпохи и понятия, а средневековые авторы «по невежеству» отождествляли древнюю, античную, библейскую эпоху с эпохой Средних веков. Как это отразилось и отразилось ли на иерусалимских хрониках?

– Здесь дело в другом. Когда Папа Римский Урбан II, призывая к 1-му Крестовому походу, говорит о Иерусалиме как о цветущей стране и райском саде, а об армии крестоносцев как об Израиле, речь не идет о нарушении хронологии и смешении времен. Или когда крестоносцы, осаждая Иерусалим, обходят с молитвами стены города, ожидая, видимо, что те рухнут – они вовсе не путают Иерусалим с Иерихоном. Здесь действует просто иное – ассоциативное или метафорическое – восприятие, характерное для паломничества к святым местам. В отношении святыни не существует разделения между прошлым и настоящим, чудо, произошедшее в определенном месте, запечатлено в нем навеки и как бы оживает всякий раз, как только к этому месту приходит взыскующий его паломник. Жители Иерусалима и паломники, евреи, христиане и – в меньшей степени – мусульмане, проецировали на «земной» Иерусалим свой воображаемый город, хорошо известный им по Священному Писанию. Так, башня иерусалимской цитадели становилась башней Давида, мечеть Аль-Акса – Храмом Соломона, триумфальная арка византийского императора Ираклия – Золотыми воротами, через которые Мессия должен войти (или уже вошел) в город и т. д. и т. п. Заведомые анахронизмы в топонимике города позволяли актуализировать его священную историю, выполняя тем самым очень важную функцию религиозного сознания.

– Какими историческими, географическими – словом, не мистическими причинами можно объяснить тот факт, что Иерусалим стал местом средоточия такого количества событий вселенского масштаба?

– Видите ли, я ведь только историк, а не астроном и не теолог, категориями вселенского масштаба оперировать не умею. Мне привычнее ориентироваться в конкретных исторических событиях и социокультурных процессах. За свою многовековую историю Иерусалим знал эпохи славы и забвения, бывало, что он на долгие годы уходил в «коллективное подсознание» или становился умозрительной конструкцией, никак не связанной с историческими или географическими реалиями. Но действительно, то, что на протяжении многих веков этот город владел – и владеет! – воображением огромной массы людей, представителей самых разных культур и народов, требует какого-

то объяснения. Никакие геополитические факторы здесь не помогут: Иерусалим никогда не был самым крупным городом Восточного Средиземноморья, он расположен в не слишком благоприятных климатических условиях и вдалеке от двух главных транспортных артерий Древнего мира – Морской (вдоль побережья Средиземного моря) и Царской (по Заиорданию) дорог. Что же вызывало то одержимое влечение к Иерусалиму, которое зачастую направляло ход и еврейской, и мировой истории? Если мы ограничимся историческим дискурсом, то ответ будет достаточно простым и знакомым. Во всем виноваты евреи. Именно они втащили этот дремотный город на краю пустыни в свою священную историю. Завоевание Иерусалима царем Давидом навсегда связало его с монотеистической религиозной традицией, с вечным диалогом, который ведется между Богом и человеком. Конечно, это произошло не сразу, процесс сакрализации Иерусалима затянулся на многие столетия и вовсе не был поступательным (как в еврейской традиции, так и – позднее – в христианской и мусульманской). Но в конечном итоге представление об Иерусалиме как о сакральном пространстве закрепилось в сознании приверженцев всех трех монотеистических религий. Каждая из них по-своему вписала этот город в свою картину мира, но ясно одно: если бы Давид не превратил Иерусалим в свою столицу, вся его дальнейшая история – вплоть до сегодняшнего дня – была бы иной.

– Иерусалим вечен, потому что сюда придет Мессия, а значит, здесь должны будут развернуться сакральные события будущего. Вектор Иерусалима задает прошлое мировых религий и направлен в будущее. Не оттого ли каждый, кто попадает в этот город, ощущает духовную напряженность, буквально разлитую в воздухе?

– Конечно. Хотя следует сказать, что напряженность эту создаем мы сами, она – в нашем сознании, и мы только проецируем ее на современный Иерусалим. И так, видимо, было всегда, с тех пор как на Храмовой горе было воздвигнуто Святилище. Иерусалим развивался и развивается в условиях довольно напряженной полемики: между христианством и иудаизмом, между исламом и христианством, между иудаизмом и исламом. Это противостояние формировало визуальный облик города, его святыни и его инфраструктуру. В византийский период Храмовая гора была превращена в городскую помойку – весьма странная в градостроительном отношении логика: помойка на пустыре, возвышающаяся над плотно застроенным городом. Но это как нельзя лучше соответствовало представлениям христиан об отвергнутом и униженном иудаизме. Когда на том же месте мусульмане построили один из наиболее значимых памятников арабской архитектуры – «Купол скалы», они стремились создать ландшафтную и культовую доминанту, которая противостояла бы христианским святыням (и прежде всего – храму Гроба). Для этого они «мобилизовали» святость Храмовой горы. Евреи на первый взгляд оказались в стороне от этой полемики, но она, несомненно, оказала влияние и на них, мы находим свидетельства тому в письмах и посланиях из Иерусалима в общины диаспоры в раннее Средневековье. Сакрализация Стены Плача как центра еврейского паломничества в Иерусалиме и, уже в наше время, превращение всего примыкающего к нему с запада пространства в единый культовый комплекс стало своего рода ответом на тот вызов, который представляет собой для евреев существование в Иерусалиме христианских и мусульманских святынь. Поэтому, мне кажется, духовное напряжение во многом исторически и социально обусловлено.

И СПОРЯТ РАВВИНЫ С АКАДЕМИКАМИ

בְּדַעַת אִשָּׁרָאֵל, דְּאִיעָאֵי לְאִיִּי, אֶבְדִּי אֶעֱתִיב, יִאֲדָאִי אֶ-עֵבֵב

– Не так давно ушел из жизни цадик Ицхак Кадури, в предсмертной записке предсказавший скорый приход Машиаха. Это предсказание несильно изменило течение жизни города, никто не собирается «ловить над пропастью во ржи». А как относится Иерусалим и Израиль к разным научным и псевдонаучным гипотезам, которые касаются священных для трех религий вопросов, а значит, и города лично? Существуют ли сегодня какие-то табуированные темы?

– Знаменитый сефардский каббалист и один из авторитетнейших раввинов Израиля Ицхак Кадури не просто предсказал приход Машиаха, а еще и грандиозный скандал посмертно учинил. В «Лехаиме» была опубликована небольшая заметка о его смерти, но не были упомянуты любопытные детали. Перед смертью он записал имя Машиаха и завещал открыть запись через год. Так вот, когда запись открыли, там значилась фраза: «йарим а-ам ве-йохиах ше-дваро ве-торато омдим» («возвысит народ и докажет, что его слова и закон действительны»), первые буквы которой образуют имя Йеошуа. Пикантности добавило и то обстоятельство, что многие бумаги Кадури последних лет помечены символами, своей геометрией напоминающими крест, употребление которых строжайше запрещено еврейской традицией, включая даже знак «плюс». Само собой, христиане в Израиле возликовали и заявили о христианском свидетельстве великого цадика, в ближайшем окружении Кадури кто-то яростно доказывает неаутентичность записки, а кто-то просто недоуменно разводит руками. И эта история вполне вписывается в напряженное дыхание Вечного города, в котором концентрация конфликтующих идей, споров всегда была очень высока. Тут и след исторического сосуществования трех религий в самой их сердцевине, и нынешнее острое разделение Израиля на правых и левых, на религиозных и светских. Отсюда и политические споры, и скандальные книжки. Израиль – демократическая страна, и там обсуждаются любые вопросы. Спорить яростно друг с другом могут раввины и академики. Да, эти книги никогда не будут продаваться в религиозных книжных магазинах, но купить их можно в светских магазинах. Кстати, их содержание может подвергаться большим сомнениям и в научной среде, они могут играть и играют на руку антисемитам, но государство никак в эту сферу не вмешивается. В Израиле, кажется, невозможна ситуация, подобная российской, когда президентом создается комиссия, призванная исправлять «вредные» интерпретации истории. Другое дело, что есть вопросы, которые не слишком охотно обсуждаются даже и среди историков и которые можно назвать отчасти «табуированными». По крайней мере, широкую публику с ними

стараются не знакомить, поскольку само их обсуждение может внести серьезные коррективы в упрощенную черно-белую картину еврейской истории. Я полагаю, пришло время окончательно отказаться от преследования исключительно религиозно-мотивированных, апологетических, политически-обусловленных целей в исторических исследованиях в области иудаики.

– Разрушение храма Соломона, уничтожение Второго храма, казнь Иисуса из Назарета, Крестовые походы... Не встает ли за всем этим образ Города как огромного «жертвенника»?

– Вы сами уже отчасти ответили на этот вопрос. Это еврейская судьба и судьба исторического и духовного центра еврейской жизни. Евреи взвалили на себя бремя быть преданными своей религиозной вере, за что многие века и клали свои жизни на алтарь веры, а судьба Иерусалима являлась физическим воплощением этой жертвенности. Но справедливости ради заметим, что в этом скорее убежден человек в религиозном головном уборе, склонный исторические события привязывать к метафизическим категориям. Надев же шляпу историка, можно отметить, что разрушения Храмов были вызваны в одном случае межгосударственными военными конфликтами, а в другом – борьбой еврейского народа за независимость и мало связаны с собственно религиозной проблематикой. Да и исходной целью Крестовых походов было освободить Гроб Господень и Иерусалим, который в то время находился под правлением мусульман – евреев крестоносцы стали вырезать попутно, вдруг сообразив, что другие «враги Христовы» живут совсем неподалеку. Кроме того, согласитесь: если, например, события 614 года действительно таковы, какими их видели Грец и Дубнов, то ведь тогда Иерусалим как «жертвенника» приобретает слегка иную окраску – даже если угнетаемые христианскими властями евреи вполне естественным образом помогали персам, надеясь на свое освобождение.

– Почему крестоносцы в конце XI века были убеждены, что карают не потомков палачей христианского Спасителя, что уже отчасти сомнительно, но самих этих палачей?

– Потому что христианский мир был убежден, что евреи до скончания века будут нести на себе реальную печать «богоубийства» (не будем уж вдаваться в подробности насчет того, что на самом деле, согласно евангельским сведениям, Иисуса из Назарета распяли римляне, а не евреи). Христианская теология учила, в духе общих основ средневекового миросозерцания, что этот грех носит не только конкретно-исторический, но и внеисторический, метафизический характер (аналогично тому, как первородный грех, согласно учению Церкви, передавался и был присущ людям всем поколений). Согласно концепции одного из отцов Церкви, Августина из Гиппона, евреи обречены за свой «грех» стать вечными скитальцами на земле – отсюда выражение «вечный жид». Так и крестоносцы видели в них реальных «богоубийц» и «христубийц». Впрочем, опять же, в духе средневекового миросозерцания и тогдашние евреи отождествляли себя со своими предками. Да и до сих пор каждый верующий еврей отождествляет себя со своим народом, в том числе и с предыдущими поколениями. Ведь по одному из мидрашей, все мы присутствовали на Синае, когда Г-сподь вручил Моше Письменную и Устную Тору. Да и на пасхальном седере мы говорим, что «мы» (а не «они») вышли из Египта. Так что формально крестоносцы были правы, не отделяя тогдашних евреев от их предков, – другое дело, что они руководствовались ложной концепцией.

– Считается, что хронология библейских книг и их датировка весьма неопределенна и покоится на авторитете христианских теологов позднего

Средневековья. Три рукописи – Александрийская, Ватиканская и Синайская – датируются (палеографически) второй половиной IV века новой эры. Действительно ли для современного историка датировки религиозных источников так уж темны и запутанны, как это преподносится?

– На самом деле научная датировка рукописей базируется не на авторитете теологов, а на основе детального анализа, использующего инструментарий самых разных дисциплин: истории, лингвистики, археологии и т. д. В том числе, конечно, и на основе критического рассмотрения сообщений христианских теологов. Но проблема в том, что подавляющее большинство дошедших до нас рукописей отстоит от времени написания библейских книг на очень большой период времени. И это обстоятельство значительно усложняет датировку самих библейских книг. Впрочем, история темна и запутанна скорее для ученых-исследователей, а не для верующих иудеев. Если, например, исходить не из еврейского предания о том, что Тора дошла до нас в первоизданном виде, как нам ее вручил Г-сподь на Синае, то по поводу датировок отдельных книг Пятикнижия, состава самих книг, их источников существует множество научных теорий, ни одна из которых не имеет безусловных подтверждений. Огромное, поистине революционное значение имело открытие рукописей Мертвого моря, потому что они значительно приблизили нас к периоду составления самих книг. Кроме того, находки показали, что существовали разные рукописные традиции библейских книг, имевшие характерные различия в зависимости от региона написания; одна из традиций нашла отражение в древнем греческом переводе Библии – Септуагинте, другая – в масоретской рецензии, в тексте Танаха, который мы сегодня и используем в качестве подлинного библейского текста. Но все равно кумранских находок оказалось явно недостаточно для того, чтобы осуществить убедительную научную датировку библейских книг. Остается мечтать о том, что какой-нибудь пастух обнаружит пещеру с рукописями, относящимися к IV–V векам до новой эры...

Иерусалим легче воспринимается издали. Вблизи все начинает сливаться: сетчатка трудится, отыскивая предмету его законное место в истории. Будто вся человеческая истоность тут ушла в камни, само время каменеет, заготавливая впрок памятные места. Былая мощь крестоносцев давно уже стала частью тихих, избегающих архитектурных планов переулков, шумных рынков, окруженных стенами дворики, в одном из которых, возможно, серьезных ученых дожидается продолжение истории тамплиерского мифа.

УЧЕБА

Nei oey I ee

Окончание. Начало в № 6, 2009

Мэри ушла в библиотеку в десять. Она готовит работу по судебной практике семейных отношений. Эпиграфом к ней она поставила отрывок из Руссо, тот, где он убеждает французских матерей кормить детей грудью, но из всей работы Юна смогла уразуметь только эпиграф: в остальном работу составляли дебри сносок из далеких областей, постичь которые она не в состоянии.

– Кристина может простудиться, – говорит Юна. – Она раза два чихнула, и Мэри велела подольше подержать ее дома.

Мэри утверждает, что врожденного материнского инстинкта не существует, Юна с ней не согласна – ведь сама Мэри прекрасное его воплощение, – но держит свое мнение при себе. Мэри всегда точно знает, что нужно Кристине.

– Брось, – говорит Клемент. – Должна она дышать свежим воздухом или не должна? Юна, сейчас я тебе все объясню: в тебе говорит сверхпротекционизм вкупе с материнским комплексом, а комплекс для Кристины куда вреднее простуды. – Он делает паузу, чтобы Юна успела оценить его остроту. – Ну-ка, увези ее да побыстрее, будь добра. От ее воплей у меня мыслительный процесс стопорится.

Кристина и правда продолжает реветь, и Юна думает – не может не думать, – что Кристина была шелковой, пока Клемент ее не напугал: слишком она мала, чтобы понимать его шутки. Юна идет за Кристининым вязаным чепчиком и башмачками.

– Кроме того, у меня мало времени, – говорит Клемент, он следует за Юной в Кристинину комнату. – Полагаю, мне не удастся засесть за первую главу до шести.

– Так ты ее еще не начал? – спрашивает Юна.

– Начать-то я начал. Только на бумагу не положил.

– А я думала, что ты вошел в работу. – Юна несколько обескуражена. – Что ты сильно продвинулся.

Клемент заперся в кабинете Мэри и провел там все утро, Юна тем временем тетешкала Кристину, чтобы та ему не мешала. Она гулила и агукала три часа кряду и вымоталась вконец. Кристина теперь просыпается ни свет ни заря, и Юна только что не клюет носом на ходу.

– Я не говорил, что не приступал к работе, – произносит Клемент этим своим тоном, истолковать который мудренее всего – тон этот означает – он вроде бы притворяется, что недоволен, на самом же деле недоволен и еще как. – Я сказал только, что не положил свои мысли на бумагу. Вообще-то, Юна, сокровище ты мое, твоя беда вот в чем: ты даже отдаленно не представляешь, что такое Муза. В соответствии с традицией, дурында ты этакая, Муза заставляет ждать своего прихода. – Но вид у него до того свежий

и бодрый, что Юну посещает ни с чем не сообразная мысль. Она едва осмеливается сформулировать ее даже для себя, но все же втайне подозревает, что Клемент просто-напросто соснул после завтрака. Впрочем, соснул так соснул, что тут такого.

– Поняла, – говорит она. – Творчество – процесс многофазовый.

После чего Клемент сразу теплеет к ней. Она процитировала один из девизов, которые он намалевал на банках с бакалеей. Вместо «Мука» он написал – «Самодисциплина – это победа над собой», вместо «Сахар» (при этом с кисти в банку накапала краска, и два с лишним кило сахара пришлось выбросить) – «Искусство есть любовь». Про творчество он написал на банке с чаем.

– Послушай, – говорит Юна, она хочет умиловить Клемент: ведь он мог подумать, что она критикует его рабочие навыки (на самом деле ничего подобного у нее и в мыслях не было, просто она как-то упустила Музу из виду), – тебе вовсе не надо прекращать работу в шесть. Словом, почему бы тебе не работать и в ужин, а мы с Мэри перекусим на воздухе, она, я уверена, возражать не станет. А тебе я сделаю бутерброд – у нас вроде бы осталась копченая колбаса, – и ты сможешь поужинать в кабинете. Чтобы не прекращать работу.

Клемент расплывается в лучезарной улыбке, и Юна уверяется, что загладила свой промах.

– По правде говоря, Юна, сокровище ты мое, – начинает он, – ты все еще туповата, верно я говорю? А кто заплатит за колбасу в моем бутерброде – призрак твоей бабки? Ты еще не доперла, каково положение писателя в обществе, вся структура которого ему враждебна?

Кристина ревет еще громче и дрыгает ногами так, что Юне с трудом удается натянуть на нее башмачки. Подъем у Кристины высокий, аристократический, но Клемент до того ошарашил Юну, что она даже забывает им полюбоваться. Тем не менее Клемент все так же ослепительно улыбается, и она думает: скорее всего, он, по своему обыкновению, шутит, а ей, тупице, и вправду тупице, невдомек.

– И вот что я тебе скажу без обиняков, – заявляет Клемент, – надо же тебе понять, что к чему. Хочешь знать, почему на самом деле меня выставили из семинарии? Так вот: из-за жадности Юны Мейер. Ты, хоть я ни словом о том не обмолвился, уж чересчур наседала. И знаешь, что мне поставили в вину? Попытку округлить свою стипендию далеко не щепетильными методами. Я тебе ничего не говорил, промолчал бы и теперь, не будь ты такой бестолочью...

– Клемент, я же не догадывалась, – вопиет Юна. – Мне так стыдно! Этого-то я и боялась, но ты же сказал...

– Да ладно, – говорит Клемент. – Не трепыхайся. Во мне зреет хорошая, а возможно, и великая книга, удалось бы только ее закончить, но чтобы закончить ее, я готов хоть в петлю. И петля эта – секция скобяных товаров в «Вулворте». Петля эта к тому же еще и финансовая: ведь тамошние жадобы платят сущие гроши.

– Клемент, о чем ты?

– Работенка, прямо скажем, не мужская, но для философа и такая сойдет. К счастью, работать нужно по вечерам – с шести до десяти. Весь день я буду писать, ну и со стипендией Мэри в придачу мы перебьемся. Послушай, Юна, – говорит он. – Скажу напрямик. Наш дом подобен улью. Паразитам в нем нет места. Нарисуй, будь добра, в воображении солонку.

– Работай или умри, – говорит Юна, и горло у нее перехватывает. – Ты что, станешь работать в «Вулворте»?

– Спиноза шлифовал линзы. Что ты так пугаешься? Линкольн рубил дрова. Клемент Чаймс будет продавать петли, крючки, замки, не говоря уж о разного рода цепях, в метафизическом смысле его сковывающих.

– Клемент! Это же просто ужас что такое! А что скажет Мэри?

– Мэри скажет вот что: во-первых, такая работа недостойна Клемента, и с этим я всецело согласен, во-вторых, нам нужны деньги. Тяжко, конечно, но ничего не напишешь. А теперь, будь добра, увези-ка эту пожарную сирену, иначе мне ничего не написать.

– Клемент, – говорит Юна в раздумье: она застегивает кофточку на Кристине, – если у тебя уходит чуть не весь день, чтобы только приступить к работе...

– Чтобы дождаться прихода Музы, – поправляет Клемент.

– ...и по-настоящему засесть за работу ты можешь лишь в два-три часа, а в половине шестого тебе надо закончить работу, чтобы успеть в «Вулворт» к шести...

– Поздравляю. Ты попала в самую точку, – говорит Клемент. – Дошло наконец, учишься помаленьку.

– Выходит, у тебя на работу останется всего-навсего два часа.

– А этого крайне – вот ведь незадача! – мало, – подтверждает Клемент.

– И что же будет с «Раком общества»?

– Ремиссия – вот что, – говорит Клемент.

Этим вечером Мэри вынуждена уйти из библиотеки пораньше, что ей крайне неудобно, и стремглав мчат домой – покормить Кристину и уложить ее спать. А Юна встает за прилавок скобяной секции в «Вулворте» и продает петли, крючки, замки, а также всевозможные цепи и цепочки.

4.

Однажды, катя, как обычно, коляску по дорожкам вокруг Йельского университета, Юна решает погулять по кварталу, в котором они еще не были. А для этого надо, минуя старые здания, пересечь кампус. День выдался холодный, она сосредоточенно, не глядя перед собой, толкает коляску, пока та не утыкается в портфель молодого человека, переходящего дорожку. Портфель раскрывается, по дорожке раскатываются разнообразные медицинские инструменты.

– Смотри-ка, смотри-ка, кто это такой, – говорит молодой человек, акцент у него ужасающий. Он наклоняется за стетоскопом. – Тетка? Нянька? Мать-одиночка? Не угадал?

Голос Юне знаком. Это голос мистера Органского.

– Что ты делаешь в Нью-Хейвене? – удивляется Юна.

– Как всегда, зубрю латынь.

– Ты же в латыни ни в зуб ногой, она тебе никак не давалась!

– Ничего не поделаешь, у болезней латинские названия.

– А-а, так ты врач. – Юна смеется, подбирает пару зажимов.

Из коляски доносится слабый чих.

– Буду врачом, когда сдам экзамены. А пока я спесивый студент-медик. А ты? Обосновалась в Нью-Хейвене? Вышла, как я вижу, замуж.

Юна хмурится.

– Это ребенок моих друзей.

– Вот оно что. Старая дева оказывает дружескую услугу. Предпочла карьеру?

– Как сказать, – Юна тушуетя.

– Понимаю. Раз так, ни слова больше. Засекреченная информация. Работаешь по ученой части при правительстве? Здесь, я слышал, есть их лаборатории. И ты спец при циклотроне. Спец по ультразвуку. Короче говоря, тебе запрещено говорить о своей работе.

– Скобяные товары – вот чем я занимаюсь, – буркает Юна.

– Так я и думал. Ракеты. Античник нарекает их. Титан. Аполлон. Марс. Не надо, не говори о твоей последней придумке, слишком большая ответственность, мне это ни к чему. А как нарекли младенца?

– Кристина.

– Для боеголовки могли бы придумать что поинтереснее, верни-ка ты ее на склад. Словом, вези ее домой. Кристина явно простужена.

– Она кашляет, и глаза у нее иногда слезятся, – признает Юна.

– Твои друзья просто психи, их вязать надо, разве можно выгуливать ребенка в таком состоянии?

– Видишь ли, она ужасно кричит...

– Обычный недуг грудничков – *infanta clamorata*^[1] – проходит при заключении в школьный каземат – *kindergartenia absentia*^[2].

– ...а ее отец пишет книгу.

– А-а. Бессмертие – вот что на кону. У Кристины меж тем заметны явные признаки смертности. Послушай, судя по всему, мне с тобой по пути. Ты куда идешь?

Мистер Органский провожает ее до дому, но Юна не приглашает его зайти. Объясняет, что это никак невозможно: Клемент работает.

– Ну а родитель женского пола?

– Изучает юриспруденцию.

– Выдающаяся семья.

– Вот именно, – пылко поддакивает Юна.

– И они ввели тебя в дом. Счастливица! – говорит мистер Органский.

– Знаю, – говорит Юна.

– Так вот, счастью твоему нет конца. Ты везучая. Гениальная семья ввела тебя в дом, но я, Органский, тот, кто не умеет спрягать, готов вывести тебя из дому – поразвлекься. Например, субботним вечером в кино, что скажешь? Скажи спасибо.

– Не могу, – говорит Юна. – Клемент и Мэри уходят. Мы давно договорились, они так заняты, что почти не выходят из дому, не могу же я им в этом отказать.

– Ах, так, – говорит мистер Органский. – Называй меня Борис. В таком случае мы немедленно придумаем что-нибудь еще.

– А как же твоя любовница?

– Моя любовница?

– У тебя же была любовница.

– Разве я не сказал, что не умею спрягать? Я отрекаюсь и отступаюсь от всех предыдущих союзов, не обязуясь при этом не искать впредь союзов более успешных. А теперь слушай меня внимательно. Когда Клемент и Мэри будут иметь удовольствие познакомиться со мной?

– Видишь ли, вечерами они дома, но, как правило, работают...

– Мой визит преследует чисто медицинские цели. Я приду из-за Кристины.

Юна винится:

– Кристиной занимаюсь я. Если она заболела, это моя вина.

– Отлично. В таком случае, тебе необходимо присутствовать на моей лекции. Время – завтра вечером. Место – тесная квартира Клементя, Мэри, Кристины и Юны.

– Вечерами я работаю, – не сдается Юна.

– А-а. Ночные маневры скобяных товаров. Высшая степень секретности. Ничего не говори. Если правительство вынуждено скрывать недолеты ракет под покровом темноты, я не хочу ничего знать об их промахах.

– Да в «Вулворте» я работаю. – Юна теряет терпение.

– Благодарение Б-гу, ты всего лишь рядовой латинист. *Taedium Woolworthiae*^[3], безобидная временная работа. Берусь тебя утешить. В виду того что я торжественно отступился и отрекся от прежнего образа жизни, предлагаю тебе взять на себя труд разработать мой сегодняшний образ жизни. Благодарю свою счастливую звезду. Я предлагаю тебе стать моей любовницей на настоящий момент.

Юна прыснула. Точь-в-точь как Мэри.

– Надо думать, ты вносишь свою лепту в квартирную плату твоих друзей? – спрашивает мистер Органский. – Вноси лучше в мою. У меня попросторнее.

5.

Чаймсам Борис решительно не нравится. Во-первых, он не считает, что Кристина – само совершенство. Напротив, он дает понять, что ей далеко до совершенства. Она плохо прибавляет в весе, говорит он, ей нужны витамины в каплях, у нее хрипы в легких. Пока он не удостоверится, говорит Борис, что Кристина пошла на поправку, он будет навещать часто. Просит показать, где она спит.

– Комната слишком тесная, – гнет он свою линию. – Если кровать огорожена ширмой, чем прикажете ребенку дышать?

– Ширму поставили, чтобы Юне не быть на глазах, – огрызается Мэри.

– Уберите ее.

– Не возьму в толк, какой вред в куске пластика? – говорит Клемент.

– Не о ширме речь. Я о кровати говорю. Уберите кровать.

– Кровать Юнина.

– Ладно, положим, Юна может спать на диване, – говорит Мэри. – Ей не привыкать.

– Может быть, стоит спросить Юну: согласна ли она? – говорит Борис.

– Согласна, как не согласна.

– Она на все согласна.

Борис говорит:

– Такие люди обычно страшные зануды.

– Кстати говоря, так оно и есть, – говорит Мэри. – Я такой прилипалы, как Юна, еще не встречала.

Борис шлепает губами, в идее это должно изобразить сочувствие.

– Близости, как я понимаю, это мешает.

– А не слишком ли много вы себе позволяете? – говорит Мэри.

– К слову сказать, – встречается Клемент, – мешает и еще как: вечно путается под ногами.

– И с Кристиной неважно управляется, не умеет ее утихомирить.

– Что и говорить, это и впрямь помеха, – Борис величав, как и положено студенту-медику. – Она и готовит, надо полагать.

– Если это можно назвать готовкой. Режет колбасу. Открывает консервы.

– Взрослому человеку не положено спать рядом с ребенком. – Борис категоричен. – А она об этом не подумала. Она что, недоразвитая? Недаром и работа у нее соответственная – мелкие железяки и все такое прочее.

– Я бы не сказал, что она недоразвитая, – говорит Клемент. – Но и утверждать, что у Юны богатое воображение, я тоже не стал бы, а что скажешь ты, зайка? Ей как-никак дали Фулбрайтовскую стипендию.

– Уму непостижимо.

– Она ее прохлопала. По глупости, могла бы посмотреть Турцию.

– М-м. Интересно, – говорит Борис. – Мы с Турцией соседи. Я родом из Болгарии. Вдобавок она страшно худая. Вот и грудь у нее маленькая.

Вечером, когда Юна возвращается из своей скобяной секции на час позже обычного, Чаймсы поджидают ее в гостиной и заводят серьезный разговор.

– Ты не понимаешь, в чем суть. Послушай, Юна, сокровище мое, – говорит Клемент. – Этому парню что-то нужно, добра от него не жди. Не зря он пролез к нам, когда знал, что тебя не будет дома...

– Намеренно, – говорит Мэри. – За твоей спиной.

– Ты уводишь разговор в сторону, зайка. Это-то еще куда ни шло. Но не в том суть: он заявился, чтобы настроить нас против тебя. Вот, Юна, зачем он заявился. Вот в чем суть.

– Вот что ему было нужно – это же ясно как день, – говорит Мэри. – Не возьму в толк, что его побуждает так поступать.

– Ничего, – говорит Клемент. – В мире полно завистников. Видеть, что люди дружат, это им – нож острый, им бы только порушить чужую дружбу.

– Он Крестину и ты пытался против тебя настроить, – говорит Мэри. – Младенца, это же Б-г знает что такое. Он считает, что ты ее заражаешь. Говорит, что тебе нельзя спать с ней в одной комнате, мол, это нездорово.

– Разругал буквально все. И покуда не вынудил нас говорить о тебе гадости, не успокоился. Но не на тех напал.

– У него на лице написано, что он за тип, – говорит Мэри.

– Твою внешность и то хулил, – говорит Клемент. – Ему бы только принизить человека, знаю я таких. Эти медики, они Б-г знает что о себе мнят. Он сказал, что у тебя не хватает мозгов, где тебе ходить за больными. Но у нас никто не болен, с чего он взял.

– Если он будет продолжать в том же духе, он тебя так запугает, что ты и подойти к Крестине побоишься.

– А уж как он заносится, этот тип. Хочет во всем, что называется, взять верх.

– Держись от него подальше, – советует Мэри.

Юну удивляет, что они отзываются о Борисе, с которым едва познакомились, точка в точку как о Розали.

– Но я простилась с ним всего минут десять назад.

– С Борисом? – в один голос вопят Чаймсы.

– Когда я вышла из «Вулворта», он стоял у дверей.

– Ждал тебя? Не иначе как пошел к «Вулворту» прямо от нас.

– А нам ничего не сказал. Пройда, – замечает Мэри.

– Мы зашли в одно местечко, – поясняет Юна, – выпить кофе. Вернее, он – кофе, – поправляется она, – я – какао.

– Понимаешь? Понимаешь? – говорит Мэри.

– Ничего она не понимает, – говорит Клемент. – Юна, сокровище ты мое, разуй глаза: ты не видишь, что у тебя под носом. Он хочет все порушить. Точь-в-точь как Розали. Говорила тебе Розали, чтобы ты не селилась с нами? Говорила же? Не отрицай, мы всё знали, ничего другого от нее и не ждали. Ты ведь не жалеешь, что вошла с нами в долю?

– Конечно же нет. – Юна преисполнена благодарности, но мысли у нее, по правде говоря, путаются.

Уже первый час ночи, сегодня она продала шесть отверток, три секретных замка, всякий замок, две банки мебельной политуры, моток проволоки, тубик автомобильной краски, велосипедную цепь, пару велосипедных зажимов, дюжину коробков чертежных кнопок и одну дверную ручку. Больше всего ей хочется лечь.

– Погоди, – говорит Мэри, – не здесь. Ты забираешь у Кристины кислород, так продолжаться не может.

– Ой, – Юна падает на диван.

Блям, лязгает сломанная пружина. Мэри – беременность ничуть не испортила ее фигуры – повредила пружину, делая упражнения для женского военно-воздушного корпуса Королевских сил Канады. Она выполняет их ежевечерне, неукоснительно и прилежно, пунктуально следуя инструкции.

– И не надо ни о чем жалеть, это было бы ошибкой, ей-ей, я серьезно. Я с тобой откровенен. Суть в том, что ты уже не та, что прежде, верно я говорю, зайка?

– У нее были такие косные взгляды, помнишь? По правде говоря, Юна, ты была еще хуже Розали. Ну не то чтобы хуже, но ты вела себя точь-в-точь как Розали в начале нашего знакомства. Не отходила от нас ни на шаг, подлизывалась. От нее нас с души воротило. Я что хочу сказать: она была не личность. Отвергала само это понятие.

– А когда мы сказали ей об этом – в глаза, напрямик, она совсем распоясалась. Юна, сокровище мое, не расстраивайся: ты же совсем не такая. Ее невозможно было ничему научить. А ты, Юна, стала гораздо лучше, потому что ты учишься. Шаг-другой, и ты зрелый человек, ты могла бы найти себя, найти дело по себе не сегодня так завтра, – словом, если тебе нужен образец, равняйся на Мэри, но ты вмиг откатишься назад, стоит явиться такому типу, как Органский, и задурить тебе голову, внушить, что ты должна стать одной из этих домашних мышек.

– Ничего такого он не внушал, – Юна еле языком ворочает. Ей зевать и то трудно. Она устала донельзя. – Чуть не забыла. Вот. – Юна протягивает Чаймсам пакетик. – Витамины в каплях для Кристины. Борис сказал, если покупать их в аптеке, они дорогие. Он сказал, что вспомнил, где можно достать бесплатно пробные образцы для врачей, только когда ушел, а как достал, побежал напрямик к «Вулворту». Вот почему он меня встретил. Чтобы передать витамины. Я так устала, что, пожалуй, лягу не раздеваясь. Выключите, пожалуйста, свет.

Блям, лязгает пружина, но Юна уже этого не слышит.

6.

После чего Борис заводит привычку каждый вечер встречать Юну у «Вулворта». Поначалу, увидев его, она удивляется: прислонившись к витрине, он читает медицинские книги, ждет, когда она выйдет, но он появляется регулярно, и через две недели она уже высматривает его, почти не сомневаясь, что он тут. Другие продавщицы посмеиваются над Органским, минуя его, окликают, дразнят «Тотемным столбом», «Табачным индейцем»^[4], спрашивают: не думает ли он, что «Вулворт» рухнет, если его не подпереть, и Борис всегда уморительно, но сердечно кланяется самым толстым из них. А кланяется он им, говорит Борис, в назидание Юне, потому что внимания достойны

только толстушки. Его цель, объясняет он, раскормить ее и лишь потом сделать своей любовницей.

Они неизменно ходят в одну и ту же бутербродную, и Борис неизменно покупает ей два больших бутерброда.

– Ешь, не болтай, – говорит он и, пока она не управится с бутербродами, не отрывает глаз от анатомических рисунков. – Нет-нет, это я не называю съесть, – выговаривает он ей, если она оставляет корки, после чего заказывает для нее шоколадно-молочный напиток с солодом, а иногда просит вбить туда еще и яйцо.

Сам он тем временем изучает анатомию, а про кофе вспоминает, только когда оно уже совсем остынет, и пить его не пьет. Домой он ее раньше полуночи не отводит, но по пути – они идут пешком даже в самые непогожие вечера – он, с лихвой наверстывая два часа, что промолчал в бутербродной, без передыха подтрунивает над ней.

– Так вот, попрошу завтра же дать мне отчет, сколько ты вешишь. И пожалуйста, без обуви, нагишом, на проверенных весах, лучше всего на аптечных. У меня была такая же любовница, как ты, – кожа да кости, и, я надеюсь, ничего подобного в моей жизни больше не будет. Она продырявила локтями мои лучшие простыни. Вид у них тот еще. Со временем дырки стали размером с миску, но тебе не будет дозволено подивиться на них, пока я не удостоверюсь, что ты прибавила по меньшей мере пять килограммов в ключичной области. Ключицам не положено так торчать. Скелет человека допустимо выставлять на всеобщее обозрение лишь в медицинской лаборатории. А моя спальня, детка, если и лаборатория, то не медицинская, – к этому времени они уже останавливаются перед дверью Чаймсов.

– Что мне им сказать? – шепчет как-то Юна, дожевав до половины первый бутерброд.

– Ешь и не болтай, – говорит Борис.

– Борис!

– Еще пять минут. Детка, помолчи, пока я не пройду желчный пузырь и печень. И корки, корки доешь, вот так, детка.

– Борис, я наврала Клементу и Мэри, это же ужасно. Я сказала, что заведующий секцией продлил мой рабочий день на час.

Борис поднимает глаза от книги и почесывает ухо. Не свое, Юнино.

– И вот отчего я соврала: они бесятся потому, что я каждый день поздно возвращаюсь. Не могла же я им сказать, что прихожу поздно черт знает из-за чего. Вот и пришлось соврать.

– Ага, – говорит Борис. – Спасибо большое. Премного благодарен. Мистер Органский для мисс Мейер – черт знает что.

– Борис! Послушай же! Сперва я им сказала, что работаю на час больше, а они спросили: где сверхурочные? Надо же мне было что-то ответить, вот я и сказала, что этот

час не оплачивается. Они мне не поверили. И теперь хотят знать, куда это я хожу после работы. Борис, я не возьму в толк, что им сказать.

– Они, разумеется, знать не знают, что ты встречаешься с Органским? Разумеется. «Я встречаюсь черт знает с кем» – звучит не слишком убедительно.

– Борис, это все потому, что я поздно возвращаюсь. А мы не могли бы уйти пораньше? Скажем, сейчас?

– Прежде чем ты выпьешь свое укрепляющее снадобье? Ни в жизнь.

– Но из-за этого все идет наперекосяк. Я просыпаю. Прошлую неделю я практически каждое утро просыпала, и все оставались без завтрака, даже Кристина, я ее потом несколько часов не могла унять, и Клемент бесился и не мог работать, и Мэри сказала, что в библиотеке ее весь день мутило. Ее, если она не поест, мутит. А все потому, Борис, что я поздно возвращаюсь.

– Хорошо, – говорит Борис. – Уйдем прямо сейчас. Немедленно. Ты этого хочешь? Моими занятиями, что и говорить, придется пожертвовать, но раз ты хочешь пожертвовать моими занятиями, что ж, пошли. Карьера Органского может пойти прахом, но желание Юны Мейер – закон. Миссис и мистер Чаймс открыли мне, что такой эгоистки, как ты, свет Б-жий не видывал, так что жаловаться не на что – меня предупредили. А ну, вставай! Пошли. И корки попрошу оставить, нам некогда. Сегодня никаких напитков, мадам, – кричит он официантке.

– Борис, ну подожди же, – канючит Юна. – Я не знаю, что делать, право, не знаю.

– Кончай врать. Скажи Клементу и Мэри, что встречаешься с любовником. Прошу прощения. С будущим любовником – тебе надо прибавить, как минимум, пять килограммов, детка, прежде чем это станет явью. Если ты откроешь им глаза на нашу связь, возможно, до них дойдет, что у тебя есть некое туманное, призрачное подобие собственной жизни.

– Борис, не в этом суть. – Юна даже улыбку не может из себя выдавить.

– Ага. Фразочка Клемента. Ты, детка, говоришь тютелька в тютельку, как он. То же самое и таким же тоном он сказал мне сегодня вечером.

– Ты видел Клемента? – Юна поражена.

– Нечаянно. Я намеревался осмотреть Кристину, а он случился дома. Ел яблоко, читал комиксы в свое удовольствие. Так вот, он сказал, что не в комиксах суть. Я тем временем взял у девочки мокроту на анализ.

– А. Значит, ей хуже, – говорит Юна.

– Доктор Чичестер посмотрит ее утром, он – хороший человек, признал дарования Органского и поставил ему высший балл. Но это в прошлом семестре. А в этом Юна Мейер не дает Органскому учиться. Нет-нет, он не потребует гонорара, не пугайся ты так. Кстати, теперь я к тебе присмотрелся и вижу: у тебя какие-то неполадки с глазами.

– Что? – пугается Юна.

– Они закрываются. И вот что я тебе скажу. Начиная с завтрашнего дня я буду откармливать тебя не здесь, а приватно, в своей квартире. Там есть кухонька. И ты убедишься, что резать колбасу в ней вполне удобно. Я буду учиться, ты тем временем будешь спать. Условие одно: постарайся не продырявить ненароком моих простынь – вон как у тебя кости торчат. После чего я провожаю тебя домой.

– Это ничего не решает. – Юна мрачнеет.

– Неблагодарная девчонка. Подумай только: Чаймсам придется обходиться без завтрака! Выспаться – твой прямой долг, разве нет?

– Но что я скажу Клементу и Мэри?

– Ты скажешь правду, – Борис невозмутим, – и только правду. Скажешь, что безгрешно соснула в постели своего любовника.

7.

Насчет простынь Борис не соврал. Простыни у него – дыра на дыре. Квартира – хуже некуда. Она год за годом переходила от поколения к поколению студентов, и притом что каждый студент что-то после себя оставлял, ни один ничего с собой не забирал. Обе комнаты заставлены ненужными вещами, плита заросла грязью в палец толщиной. Имеется тут и неработающий телевизор, и пылесос, также не работающий, а посреди кухоньки – секретер, битком набитый старым исподним.

– Б-г ты мой, – говорит Юна. – Это что же: отсюда никогда ничего не уносилось?

– Если и уносилось, детка, то разве что Всемирным потопом и притом в незапамятные времена, – отвечает Борис и с шиком открывает дверцу холодильника. Полки его заставлены едой.

– Я страшно расстроена, – говорит Юна. – Прямо-таки подавлена, Борис, это же ужас какой-то. Клемент и Мэри вне себя.

– Ешь и помалкивай, – говорит Борис. А сам садится за стол. Стол придвинут вплитык к изножью незастеленной кровати. Лампа под красным абажуром роняет на лицо Бориса розовый отсвет. Когда Борис опускает голову, гуля его носа, замечает Юна, затеняет рот. Нос у него длинный, красивый, кончик чуть утолщен, длинные, резко очерченные ноздри смотрят вниз – ни дать ни взять вторая пара глаз. И от этого кажется – все, что Борис ни скажи, под надзором.

– Ешь и помалкивай, – передразнивает его Юна, но больше не подражает его акценту: он уже не так ее раздражает.

– У тебя есть оливки? – Вкус к оливкам пришел к Юне через третьи руки: она переняла его у Чаймсов, те – у Розали.

– В шкафу. Нет, не в этом, в том, где мой плащ. Там в правом кармане баночка.

– Ты, похоже, весь день таскался по супермаркету, – наскакивает на Бориса Юна, – вот тебе и некогда было заниматься. А маслин у тебя нет?

– Одни зеленые, другие черные – какая разница, содержание жира в них примерно одинаковое. Умасти свой хлеб, детка, всегда умащай свой хлеб.

– Борис, ты и представить себе не можешь, что там за обстановка. Они просто убиты. Клемент прекратил работу над книгой. Ему вряд ли, так он думает, удастся ее закончить, он говорит, что потерял нить. Борис?

– Нет-нет, детка, прошу тебя, никаких разговоров. Сегодня я прохожу селезенку. А селезенка – штука сложная.

– Борис, сколько Кристина пробудет в больнице?

– Пока Чичестер ее не отпустит. Ты, наверное, забыла зубную щетку?

– Не забыла, – говорит Юна упавшим голосом. – Я уверена: в болезни Кристины в первую голову виновата я.

– Ты – не микроскопический организм, солнышко. И тому есть неопровержимое доказательство: у тебя тридцать два зуба. Почисти зубы, детка, и спать, спать, иначе, когда придет пора возвращаться домой, ты не проснешься. Должен поставить тебя в известность: чтобы остаться у меня на ночь, тебе необходимо набрать минимум три килограмма.

Однако стоит ей лечь, как Борис, забросив селезенку, кидается целоваться. Чем несколько удивляет ее: она подозревает, что он не далеко продвинулся в изучении селезенки.

– Не везет так не везет. – Голос у Бориса сел. – Надо же было выбрать в любовницы читательницу адаптированных изданий. Послушай, солнышко, ты читала выхолощенное издание Катулла, эти мерзавцы выкинули из него все самое нужное и в первую очередь самые нужные глаголы. А теперь держи-ка важные части организма вот так вот, – и он целует Юну еще раз. Тут Юна опять удивляется: ей это – кто бы мог подумать – нравится. И до того нравится, что Борис вынужден кончить с поцелуями.

– Тебе надо поспать, детка, иначе ты будешь не вправе сказать, что спала в кровати Органского. Что ж, Юна, – заканчивает он, – как бы там ни было, должен признать – ты обучаема.

– Вот и Мэри с Клементом так говорят, – хвастается Юна, но как-то сокрушенно. – Бедная Мэри. Если Кристину задержат в больнице надолго, Мэри не сдать работу в срок. Доктор Чичестер говорит, что они, пока опасность не минует, должны приходить в больницу каждый день. Мэри это может стоить степени. Какой ужас, и надо же случиться, чтобы Кристина, этот совершенный ангелок, вдруг так захворала. – И они неожиданно для самих себя возвращаются к Чаймсам раньше обычного: до того их огорчает Кристина.

Когда Юна открывает дверь, перед ней предстает жуткая картина. Клемент и Мэри дерутся! У Мэри по левому виску течет кровь. У Клементы рубаха на спине разодрана. Мэри носится из комнаты в комнату, плюет на все, что попадает на пути,

Клемент гоняется за ней. Орет, поносит ее последними словами. Мэри плюет на гобелены, мечется от одной полки к другой, плюет на книги. Вытаскивает «Княгиню Казамассиму», рвет из нее страницы пачками. Волосы у нее всклокочены, на зубах пенится слюна.

– К черту, – вопит Мэри, – к черту, я уходила из дому, ты, ты торчал тут...

– Пошла ты, мать ты или кто?

– Бездельник! Псих! Теолог! – визжит Мэри, и лицо ее на миг озаряет прозрение. Крутанувшись, она хватает пачку пластинок, топчет их, однако пластиковые пластинки не бьются, тогда она запускает ими в Клементу, и они осыпают его черным дождем. Клемент вцепляется ей в лодыжки, она опрокидывается. Они катаются, ползают по полу, дубася друг друга, – Клемент плачет навзрыд, руку Мэри бороздят яркие, вскипающие кровью царапины.

– Отлично, вали вину на меня, а ты, ты-то где была, на кого ты ее оставляла – эта девчонка дура, недотепа, у нее ни одной извилины в голове, ты оставляла ее на дубину...

– Вот именно, – орет Мэри. – Я оставляла ее на дубину. На тебя!

Юна так ошеломлена, что теряет дар речи. Передрались! Клемент и Мэри! Само совершенство!

Она выскальзывает за дверь, несется что есть мочи по улице. В свете фонарей видно, как в квартале от нее плетется Борис. Она припускает за ним, бежит, бежит и наконец догоняет.

– Борис! Я хочу вернуться к тебе.

– Юна, иди домой.

– Борис, она там поубивают друг друга...

– Вряд ли. Я минуту-другую подслушивал под дверью, потом заскучал. Ну и ушел. Возвращайся домой.

– Не могу я туда вернуться. Борис, ничего подобного никогда еще не было. Борис, я хочу эту ночь побыть у тебя.

– Юна, я сегодня не настроен пускать жильцов. Возвращайся-ка ты домой к твоим друзьям.

– Борис, – молит Юна, – а разве ты не мой друг? Будь другом – не могу я вернуться туда! Они рехнулись, спятили, дубасят, винят друг друга...

– Друг друга – нет-нет. Ну а вина, вина – да, есть. И они ее сознают. Возвращайся-ка ты домой, Юна, ничего с ними не случится. – Борис печален. – Дай я на тебя погляжу. Губы не накрасены, что ж, как нельзя кстати. Ты почему не красишь губы?

– Не знаю, – говорит Юна. – Мэри тоже не красит.

– У Мэри зубы торчат, ей не пойдет красить губы. А тебе пойдет, – он критически всматривается в нее. Уводит подальше от света, под дерево. И целует иначе, чем прежде.

– А в постели ты меня не так целовал, – недоумевает Юна.

– Иди домой, – стонет Борис, но отпускает ее только через полчаса.

Дома тихо. Повсюду следы разгрома. Чаймсы поджидают ее.

– Наконец-то, – приветствует ее Клемент. – С добрым утром, с добрым утром.

Мэри лежит, уткнувшись лицом в диван.

– Мы вчера видели, как ты вошла. Видели, оба видели.

– Видели, как ты смылась, – говорит Клемент. Подбородок у него вспух, усы заметно поредели. – Вошла и тут же смылась. Мы всё видели.

– Кристина в больнице, а Юна Мейер не находит ничего лучше, как обжиматься ночь напролет с болгаринном, – Мэри сипит, ее голос приглушает обивка. Она рывком садится, диванная пружина рывкает басовито на манер фагота.

– Скажу без обиняков, – говорит Клемент. – В открытую, напрямик. Мы, Юна, разобрали тебя по косточкам. Проанализировали все, что ты натворила.

– Проанализировали, что ты собой представляешь.

– Ты – эксплуататорша, – говорит Клемент.

– Эксплуататорша, – говорит Мэри. – Интриганка.

– Мы предложили тебе снять с нами квартиру на паях исключительно ради твоего блага. Чтобы ты развилась как личность и так далее. А вышло, как в «Ученике чародея»^[5]. – Клемент злобно зыркает на нее. – Мы и вообразить не могли, что ты все приберешь к рукам.

– А ты прибрала к рукам буквально все.

– Дом.

– Книги.

– Сортир.

– Пластинки.

– Холодильник.

– Ребенка, – говорит Мэри. – Ты вывезла ее гулять в метель, только что не душила, лишь бы заткнуть ей рот...

– Как ты с ней обходилась? – говорит Клемент. – Мы полагались на тебя, а ты, как ты с ней обходилась? Мы тебе верили, а как ты обошлась с нами? Прибрала все к рукам.

Юна не отрывает глаз от пола. В драке диванная подушка разорвалась, по полу катаются облачка ваты – ни дать ни взять юркие мышата.

– Преступное небрежение – вот что это такое, – горько говорит Мэри. – А с чего все началось – с Органского. После того как он стал увиваться вокруг тебя, тебе уже ни до чего не было дела. Говорили же мы: от него добра не жди.

– Он добрый, – говорит Юна. – Если бы не Борис, мы бы так и не узнали, что с Кристиной, и было бы еще хуже...

– А что, может быть еще хуже? – говорит Мэри.

– Брось, зайка, что толку разговаривать с ней по-хорошему. Он настроил ее против нас, вот в чем суть.

Юна потрясена, хоть сама того и не сознает: на губах ее вкус соли. Потом в носу что-то булькает, и она понимает, что плачет, уже давно.

– Поздно спектакли разыгрывать, раньше надо было думать, – говорит Мэри. – Лучше приберись, хоть это-то ты можешь. У Клемента рубашка в ключьях.

– Должен признать, тебе удалось то, чего даже Розали не удалось. Ты – это же невероятно – стравила нас друг с другом. Да по сравнению с тобой Розали святая, не иначе.

Юна заводит руки за спину.

– Знаю, я виновата. Борис уверяет, что нет. Я о Кристине. Но я-то знаю, что виновата, – продолжает она, беззвучно истекая слезами.

– Сопли-вопли! – орет Мэри. – Вот что в тебе хуже всего – смотреть противно, как ты нюни разводишь, мазохизм это чистой воды и больше ничего. До того она смиренная, что от нее тошнит, прирожденная мученица, вечно подставляет шею – садись кто хочешь. Слушай, если рвешься пострадать, – твой дружок Борис тебе это обеспечит.

– Борис добрый! – тупо твердит Юна.

– На него нельзя положиться, – говорит Клемент. – Эти медики, они такие. Знаю я, что тебе от него нужно, но этого не будет. И добра от него, что ты там ни говори, не жди. Мы с Мэри с ходу его раскусили, но ты же умнее всех. Ты нас не слушала. Мы посчитали, что тебе можно помочь, тебя можно спасти, но материал оказался никуда не годный. Ты пропала, Юна. Этот тип на тебе никогда не женится.

– Что заслужила, то и получишь по полной программе, – говорит Мэри.

– Добрый-то он добрый, только до добра он тебя не доведет, – говорит Клемент, и оттого, как ловко он это сказал, губы его – видит Юна, – растягивает улыбка.

8.

Рано утром Чаймсы уходят в больницу. Юну с собой не берут: говорят, что туда пускают только родителей. Она перемыкает посуду, оставшуюся от завтрака, отскребает с дивана кровь Мэри, подметает в гостиной, сгребает следы разгрома в кучу. Пытается читать. Она, похоже, уже лет сто ничего не читала. Но ни одна книга ее не увлекает. Она забредает в кабинет – ищет рукопись Клементя.

А вот и рукопись – под кипой газет на столе, который Клемент смастерил для Мэри из двери ванной. На первой странице стоит:

- РАК ОБЩЕСТВА

- ДИАГНОЗ

- В СТИХАХ И В ГНЕВЕ

**Клементя Чаймса,
магистра гуманитарных наук.**

Второй страницы нет.

Долгий день тянется уныло. Юна никак не может придумать, чем бы стоило заняться. В шесть часов ей положено встать за прилавок, но куда девать время до шести, непонятно. Она идет к Борису, его, конечно же, нет дома.

Из щели между досками гуськом выползает семейство молодых тараканов и, пригибая длинные усики, подлезает под дверь квартиры. Юна досадует, что у нее нет ключа. Потом досадует, что не может подлезть под дверь, как тараканы. Опускается на пол у квартиры Бориса – ждет, когда он вернется с занятий. В коридоре темнеет, холодает.

– Б-г ты мой, вот явление так явление! – бормочет Борис, обнаружив Юну; вжавшись друг в друга, они добредают до кровати и целуются там день напролет. Юна опаздывает на работу, но она отогрелась, расхорошилась, ее губы, щеки, грудь, руки – такое у нее ощущение – жаркие, желанные. В кармане у нее ключ.

На следующее утро заведующий скобяной секцией делает ей предупреждение за два опоздания кряду: найти продавщицу сейчас не составляет труда, сообщает он.

Чаймсы с ней практически не разговаривают. Пребывают в непонятном расположении духа. По утрам они чуть ли не упархивают в больницу, и никакой тревоги в них не ощущается, напротив, впечатление такое, точно тревожиться им больше не о чем. О Кристине они почти ничего не говорят. Ей лучше, буркают они, определенно лучше. Борис, а он на связи с доктором Чичестером, молчит. Юна приободряется. Похоже, все складывается хорошо, даже не хорошо, а как нельзя лучше. У Чаймсов явно камень с души свалился. Борис, хохоча, валяет ее по кровати. К концу недели ее увольняют, однако, когда она сообщает Чаймсам, что не сможет вносить свою долю за квартиру, они принимают ее сообщение безропотно.

А она говорит с Борисом и все не может выговориться. Говорит, что Чаймсы держатся подозрительно благостно и даже экзотически. День за днем проплывают по больничным покоем, точно новобрачные, планирующие, как провести медовый месяц.

Впоследствии сестры говорят, что они все время ходили щека к щеке. Они привлекали внимание и потому, что красивые, и потому, что питались исключительно шоколадными батончиками. Больничные бдения оставляли их не изнуренными, а свежими и лучезарными. Юна вспоминает, что Мэри как-то раз, да нет, не раз перевозносила агрохимию: мол, слаборазвитым странам от нее куда больше пользы, чем от сухой юриспруденции. Всплывает в памяти и другое: Клемент часто поговаривал, что хорошо бы поехать в страну, где все исповедуют совершенно незнакомую религию, после чего неизменно корил Юну: как она могла упустить шанс поглубже узнать Турцию и Коран. Вдобавок Мэри вечно томит скука, а Клемента гложет зависть. Они чувствуют облегчение. Рады-радехоньки, что их выбили из колеи. Судьба воспрепятствовала им предаться делу без остатка, и они не отчаиваются. Жажда приблизиться не дает им покоя. Они созрели для чего-то неизведанного.

К началу второй недели больничных бдений Чаймсов Юна и Борис становятся любовниками по-настоящему, а в середине той же недели Кристина умирает. При виде ящичка, который опускают в ямку, Юне рисуется собака, хоронящая косточку. На молодом равнине мятый галстук-бабочка. Над могилой он славословит всех студентов и интеллектуалов, которые блюдут заповедь «плодитесь и размножайтесь»: явно это его первые похороны, а после похорон Чаймсы распродают книги и покидают Нью-Хейвен, Юна больше никогда их не видит.

9.

Порой Юне кажется, что она читает про них. Скажем, газетная шапка гласит: «Жена вступила в корпус мира, чтобы в семье воцарился мир»; и в статье рассказывается о женщине, отправившейся в Танганьiku, в то время как ее муж остался дома, чтобы без помех написать роман о коррупции в банковском деле; Юна жадно пробегает колонку глазами: ей не терпится узнать, не Чаймсы ли это, но нет, не они. Или, скажем, Юне рассказывают о супругах, которых приняло, как своих, одно индейское племя, и они поселились в резервации, учат старейшин Hochdeutsch^[6] и стереометрии, и тем не менее и это не Клемент и Мэри. Однажды до нее доносится слух о молодом человеке, который ушел от жены, красавицы брюнетки, работающей в Бирме агрономом, и стал буддийским монахом, тут уж она не сомневается, что это Чаймсы, – загоревшись новыми учениями, они восстали и возродились. Но вот об этих примечательных супругах появляется статья в «Тайме» и выясняется, что они – советские граждане, державшие путь из Пинска.

– Забудь ты о них, – говорит Борис, но куда там.

Юна все ожидает, что Чаймсы вот-вот заявят о себе с газетных страниц, уже овеванные славой.

– У меня осталась их картотека. Что, если они захотят восстановить библиотеку? Карточки им понадобятся.

– От них добра не жди.

– Они то же говорили о тебе.

– Не исключено, что обе стороны правы, но дела это не меняет.

– Ха-ха! – Юна смеется. – Они были неправы в одном. Уверяли, что ты на мне не женишься.

Борис вздыхает.

– В конце концов, тут они не ошиблись.

– Ошиблись, еще как ошиблись. Они что имели в виду – что ты никогда не захочешь на мне жениться.

– А я хочу, Юна, – говорит Борис и просит ее в тысячный – по меньшей мере – раз выйти за него замуж. – Почему нет? Ну почему нет? Не понимаю, почему бы тебе не сказать «да». Юна, ну что тебя беспокоит? Ничего же не изменится, все останется точно так, как сейчас.

– Ты стесняешься, – накидывается на него Юна. – Стыдишься. Все знают про нас – вот что для тебя непереносимо.

– Да, плюс ко всему. Послушай. Давай обсудим все еще раз, договорились? Добро б это только меня не устраивало, так ведь и больницы тоже. Как, по-твоему, примут меня в приличную интернатуру? В первую классную клинику? Кто меня возьмет? С меня хватит. Юна, давай поженимся.

– И не убеждай меня, что все будет, как есть, – говорит Юна. – Все уже изменилось. Ты сам изменился.

– Но и ты изменилась. Стала глупее. И сварливее. У тебя в голове и подобия мысли нет. Пыль да грязь, больше тебя ничего не занимает.

– Куда мне до тебя, ты такой ученый, – ехидничает Юна. – А я бросила учение ради отверток и автоматических замков.

– Говорил же я тебе, чтобы ты не возвращалась на эту дурацкую работу.

– А кто заплатил за дезинсекцию квартиры? За покраску кухни? К тому же ты, как я замечаю, не прочь поесть, – говорит Юна. – Во всяком случае, есть ты любишь больше, чем меня. И так было всегда. Если тебе что во мне и нравится, так это смотреть, как я ем.

– Да уж, это менее тягостно, чем смотреть, как ты стряпаешь. Склочница, – говорит Борис, – давай поженимся.

– Нет.

– Какого черта – почему нет? В конце концов, приведи разумные доводы – почему ты против?

– Тут ничему не научишься – вот почему! – орет Юна.

– Мне нужна не любовница, – говорит Борис, – а жена.

В итоге – но случается это годы спустя, а как и какие письма кто писал, и как часто, и как много, и кто кого с кем познакомил, все это быльем поросло – Борис обретает жену. Когда Юна через десять лет после их женитьбы навещает Органских, от прежнего Бориса остался разве что длинный нос; Юна втайне думает, что он смахивает на

длинноносого бегемота. У его сынишки, хотя ему всего семь, и то больше сходства со студентом-медиком, которого она помнит: тот, задиристый, обаятельный, смешил ее без устали. Миссис Органская и сама толстуха, но ей это идет, впрочем, она всегда была толстухой, даже в девичестве. Она недавно овдовела, когда Юне пришло в голову, что она как нельзя лучше подойдет Борису. Борис теперь психиатр. Он все еще пишет Юне несусветные, ни с чем не сообразные письма: объясняет, что наконец-то понял, в чем дело – у нее такая травма на почве брака, которую не излечить. Она уже была замужем; хоть и вчуже, но прожила с Чаймсами их брак, по-прежнему верит в его совершенство и боится, что ей не удастся его повторить. Время от времени он предлагает Юне выйти за него замуж, невзирая ни на что.

Юна заканчивает докторскую в одном из университетов Среднего Запада; ее бывший консультант с женой и сыновьями присылает ей по телеграфу орхидею. Тема ее диссертации – «Влияние медиального залога греческого языка на латинскую просодию». Для этой темы путешествовать ни за границу, ни по Америке не требуется. Она получает место – бываюи же такие невообразимые случайности – в Турции, отделении Нью-Йоркского университета^[7]. Ее коллеги поголовно люди сугубо домашние. Они то и дело устраивают чаепития, обеды. На них время от времени приглашаются наиболее продвинутые учителя из окрестных школ. В числе прочих приглашается и миссис Оренстайн, преподаватель обществоведения. Юна и миссис Оренстайн кидаются друг другу в объятия и уходят из гостей пораньше, чтобы предаться воспоминаниям с глазу на глаз. Миссис Оренстайн, потирая пальчики-сосиски, рассказывает, что мистер Оренстайн, обожаемый учениками преподаватель физкультуры, полгода назад убился: несчастный случай в спортзале. Демонстрируя упражнение, соскользнул с параллельных брусьев. Остаток ночи проходит в разговорах о Чаймсах. Кто-то сказал миссис Оренстайн, что Клемент теперь стоматолог, кто-то – что он бухгалтер, но сказал ли кто правду, она не знает. Ходил слух, что Мэри работает в Министерстве иностранных дел, ходил также слух, что она постриглась в монахини, а Клемент пошел на содержание к шурина аргентинского консула. Точно известно: они живут в Вашингтоне; не исключено, что они живут в Вашингтоне; оба преподают астрономию в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе; у них нет детей; у них шесть дочерей и один сын; Мэри в тюрьме; Клемент умер.

Напоследок миссис Оренстайн спрашивает Юну, почему она так и не вышла замуж. Юна находит вопрос бестактным и уклоняется от ответа.

– Розали, если захочешь снова выйти замуж, у меня есть подходящая кандидатура. Ему в тебе буквально все придется по душе. Во всяком случае, Клемент и Мэри говорили, что готовишь ты хорошо.

– Я их ненавидела, – говорит Розали. – И теперь ненавижу, стоит только о них подумать, а ты?

– Не знаю, – говорит Юна. – Раньше ненавидела, но Борис меня сбил с панталыку, еще тогда. Перед тем как встретить Бориса, я и впрямь их ненавидела. Та еще была лицемерка. А потом умерла их дочка, они винили в ее смерти меня, и тогда мне стало их жаль. И чем больше Борис распинался, доказывая, какие они эгоисты, какие пустышки и все такое, вдобавок не особенно и умные, тем яснее я понимала: при всем при том в них что-то есть. Я что хочу сказать: в них была цельность, они ей не поступались. Что да, то да.

Розали фыркает.

– Да их же насквозь было видно.

– Ну и что? – говорит Юна. – Это ничего не значит. Да, их насквозь видно, и все равно они замечательные, возможно, именно потому, что их видно насквозь. Они походили на пузырь, который никогда не лопается: видишь их насквозь, а они – что бы там ни было – блестят-переливаются. Из всех, кого я знаю, они одни не менялись с начала и до конца.

– Что-то я запуталась, – говорит Розали. – Кто он такой, этот Борис?

Юна хохочет во все горло.

– Розали, Розали, ты что, меня не слушала? Борис – это твой второй муж.

Навещает она их лишь десять лет спустя – раньше не могла собраться с духом; ей уже стукнуло сорок два. Десны у нее кровоточат, нескольких зубов не хватает, вместо них – съемные мосты.

– Что-нибудь слышно о Чаймсах?

Никто ничего не слышал.

– Динь-дон, – говорит недавно народившаяся дочурка Органских, и все улыбаются.

Как ни странно, визит проходит успешно. Юна приглаждается к семейному укладу Органских. Стол у них сытный, тяжелый, после основных блюд – аж три десерта: сначала пудинг, потом фрукты, потом чай с пирожными. Ребятишки явно больших надежд не подают. У Бориса все такой же чудовищный акцент. Розали скандалит с прислугой, не вытирает пыли. Величием в их доме и не пахнет, но в нем нет и вражды.

Розали просит Юну навещать их, и она дает слово, но держать его не намерена. В глубине души она знает, что не приедет никогда. К несовершенству она теперь относится терпимо, но учиться еще, еще и еще не хочет, одна мысль об этом невыносима.

Ī āāāā āā āēēēēā

[1] Младенец кричащий (ломаная латынь).

[2] После детского сада (абракадабра, смесь немецкого и латыни).

[3] Опостылевший «Вулворт» (ломаная латынь).

[4] В Америке у табачных лавок часто ставились деревянные фигуры индейцев.

[5] «Ученик чародея» – баллада И.В. Гете (1797). В ней рассказывается, как в отсутствие чародея его самонадеянный ученик превратил веник в слугу и заставил его носить воду, но расколдовать слугу ученик не умел, и потоп смог предотвратить только явившийся в последний момент чародей.

[6] Верхненемецкий (нем.).

[7] В этом отделении готовят преподавателей для работы в Турции.

ТАЙНЫЙ ПЛАН

Оаеі Адаіа

У восточной стены Немого миньяна уселся новый аскет, низенький, худенький, с густой увесистой бородой цвета темной меди. И голос у него был под стать – глубокий бас, напоминающий гул колокола. Никто в Немом миньяне не имел представления, кто он, этот новый аскет, но реб Довид-Арон Гохгешталт уже что-то разведal и рассказывал, что нового аскета зовут реб Гилель Березинкер и что он изгнанный раголевский[1] раввин. Ему пришлось покинуть местечко, потому что он закоренелый спорщик. Так шептал вержбеловский аскет на ухо каждому из сидящих в Немом миньяне, включая столяра. Но Эльокум Пап думал: мало ли что болтает этот чокнутый вержбеловский аскет! А ему как раз понравилось, как новый ученый расставил вокруг себя несколько попитров и на каждый из них положил по раскрытой святой книге. Время от времени он оставляет свой том Гемары и подходит к одной из раскрытых книг, смотрит в нее пару минут и сразу же возвращается к большой Гемаре, как к отцу маленьких книг. Такого метода изучения Торы Эльокум Пап еще не видал. К тому же раввин все время учит Тору стоя, не раскачивается и не мычит. Лишь изредка он издает басовитое, сердитое рычание, похожее на гул церковного колокола, не рядом будь помянут. Вот это настоящий ученый, думал столяр. Но уже через пару дней раввин подошел к нему с претензиями.

– Говорят, что вы здесь староста. Вы должны позаботиться, чтобы я здесь получал содержание на жизнь и еще имел что послать семье.

Именно потому, что он сказал эти слова с обидой, столяр еще больше зауважал его и принялся оправдываться, что у Немого миньяна нет кассы для поддержки изучающих Тору. Каждый аскет сам себя обеспечивает. А самые большие ученые сидят в синагоге Виленского гаона, и там их содержат в большой чести. Уважаемому ребе тоже стоило бы сидеть в синагоге Гаона. Реб Гилель Березинкер устремил на столяра пару злых глаз и ответил:

– Где живут хорошие евреи, я знаю и без вас. В синагогу Гаона не принимают новых аскетов. И так не хватает денег, чтобы платить старым. Но именно вы, поскольку вы никому не платите, обязаны платить гонимому раввину, который сидит у вас и учит Тору. Еще посмотрим! – погрозил он пальцем и вышел из Немого миньяна с сердито нахмуренными бровями. Как только он вышел, к столяру приблизился вержбеловский аскет:

– Реб Гилель Березинкер чего-то требовал от вас, реб Эльокум?

– Денег он требовал. Он хочет, чтобы Немой миньян его содержал.

Всю свою гордость и родовитость, всю свою тельзскую ученость, деликатную манеру разговора и мягкость – все это забыл вержбеловский аскет в одно мгновение. Он загорелся и сыпал словами как искрами: этот раголевский раввин – разжигатель ссор. Местечко немало натерпелось прежде, чем от него удалось избавиться! Реб Эльокум наверняка захочет узнать, почему Раголе выгнало этого реба Гилеля Березинкера? Из-за чего произошла ссора? Так вот, этому реб Гилелю Березинкеру все равно, из-за чего

ссориться. Он не умеет уступать и никогда никому не делает скидок. То у него претензии, что его содержание слишком скудно, а дом раввина слишком мал, то он придирается к кашпругу, к микве или к забору вокруг старого кладбища – он не умеет выбрать середину и договариваться по-доброму. Никто не хочет с ним связываться. Шутка ли? Он ведь может сожрать человека живьем вместе с подошвами! И вержбеловский аскет сделал свой вывод:

– Если реб Гилель Березинкер взял себе в голову, что ему должны платить, то Немой миньян уж будет ему платить. Я тут сижу годами, я ничего не получаю, буквально ничего. Но этот скандалист получит, он наверняка получит. Мило, очень мило! – Реб Довид-Арон Гохгешталт морщился и крутился вокруг пюпитра, за которым сидел Эльюкум Пап, как белка, которая крутится вокруг ствола дерева и ищет орешки.

Эльюкум Пап продолжал спокойно сидеть. На мгновение он перестал резать кусок дерева своим кривым ножом, бросил долгий взгляд на вержбеловского аскета и неторопливо ответил:

– Не завидуйте ему, этому изгнанному раввину. Мякоть от камня он у меня сможет получить! – И столяр снова взялся за резьбу.

– Вы действительно ничего не дадите? – переспросил вержбеловский аскет, скорее задетый, чем обрадованный тем, что новый аскет ничего не получит. – А что будет со мной? всю жизнь я занимаюсь Торой и служением^[2], так откуда мне взять денег на мои потребности? – пришибленно промурлыкал он.

Но у столяра для него был совет:

– С Хануки режут гусей и заготавливают сало на Песах. Так займитесь ошипыванием гусиных тушек, а в свободное время приходите в Немой миньян изучать Тору, как делает стекольщик Борух-Лейб и как я прихожу сюда заниматься резьбой после работы.

Эльюкум Пап сказал это хладнокровно и даже не поднял головы от своего куска дерева. Он словно даже и не заметил, что вержбеловский аскет буквально отпрыгнул от него.

– Мне заняться ошипыванием гусей? Коммунист!

Реб Довид-Арон Гохгешталт последнее время сильно задумывался о деньгах. Как никогда прежде. Он понемногу пришел к выводу, что владелица хлебопекарни не выйдет замуж за лесоторговца. Если бы отношения между ней и Рахмиэлом Севеком шли к свадьбе, дело бы не затянулось так надолго. «Лесоторговец ей не нравится, я ей нравлюсь!» – праздновал победу реб Довид-Арон Гохгешталт и все больше приходил к убеждению, что его ведьме в Литве придется волей-неволей принять от него разводное письмо. Тогда Хана-Этл Песелес выйдет за него замуж. В этом нет ни малейшего сомнения! А до тех пор? Вержбеловского аскета охватила запоздалая радость, смешанная с беспокойством, как бы у него не увели богатую вдову. Он должен видеть ее как можно чаще и быть при этом надлежащим образом одет. В своей потрепанной одежде он больше не должен ей показываться.

Где же взять деньги, чтобы приодеться? На столяра, этого стоящего на низшей ступени человека, который стал за правилом в Немом миньяне, нечего надеяться. Он

платить не будет. Остается один выход – брать подаяния. Решено, решено, убеждал самого себя реб Довид-Арон Гохгешталт, у него нет иного выхода. Но у обывателей Синагогального двора и окрестных переулков он не должен просить. Б-же упаси! Если об этом узнает Хана-Этл Песелес, покойнику будет лучше, чем ему. Она в его сторону даже и не посмотрит больше. Получается, что он должен обращаться за помощью к незнакомым обывателям. В этом есть другой недостаток. Незнакомые не будут знать, кто он такой, и будут принимать его из-за его жалкой одежды за простого еврея-бедняка. Он и унизит себя, и соберет гроши в лучшем случае. В конце концов вержбеловский аскет придумал, как ему себя вести.

Он ушел далеко от тех улиц, где его знали, выбрал для себя одну молельню и пару дней подряд каждое утро приходил туда на молитву. После утренней молитвы он час-полтора сидел там над Гемарой. Приходили обыватели и здоровались с ним, спрашивали его о толковании какой-либо мишны или о законе из книги Шульхан арух – и сразу видели, что перед ними ученый еврей. Свои ответы на вопросы относительно сложных мест Писания реб Довид-Арон Гохгешталт начинал с подчеркнутой скромностью: когда он учился в Тельзской ешиве, там ставили тот же самый вопрос и отвечали на него так-то и так-то. То есть это не его собственная ученость. Но при этом он демонстрировал такой острый ум и такую способность расщепить волосок надвое, что спрашивающий был потрясен и растерян. На предвечернюю и вечернюю молитвы вержбеловский аскет шел в другую молельню и вел себя там аналогичным образом. Потом, выбрав себе в каждой молельне с полдюжины обывателей, он начал утром после молитвы отзывать их по отдельности в сторону и говорить с таинственностью в голосе: он не может рассказать, кто он и что он; он может только сказать, что он разорен и нуждается в пожертвованиях. Когда Всевышний поможет ему, он вернет то, что взял, как праотец наш Авраам, мир праху его, который на обратном пути из Египта платил во всех постоянных дворах, где он прежде, по дороге в Египет, останавливался в долг. Просить ссуду у человека с рынка он не хочет, продолжал реб Довид-Арон, но еврею, преданному Торе, и к тому же благородному человеку он может довериться и попросить пожертвование. При этом реб Довид-Арон делал несколько кривых шажков вперед и назад, втягивал голову в плечи, а потом вытягивал шею, и его пылающее лицо морщилось, словно он собирался заплакать. Обыватель видел как на ладони, что перед ним стоит немного странный, но приличный еврей и сердце этого еврея буквально обливается кровью оттого, что ему приходится принимать пожертвование. В итоге реб Довид-Арон вышел из молельни с полным карманом денег, за которые простому обывателю чужих порогов пришлось бы отработать пару недель. На предвечернюю и вечернюю молитвы он пошел в другую молельню и оттуда тоже вышел с безвозмездными ссудами. В Немой миньян он возвращался каждый день только поздно вечером.

Но успех не избавил его от страха, что о его делах узнают во дворе Песелеса и в Немом миньяне. Реб Довид-Арон Гохгешталт считал всех и каждого во дворе и молельне своими кровными врагами. Можно себе представить, как его кровные враги будут мстительно радоваться, если узнают, что он протягивает руку за подаянием, и как они помчатся передать эту весть Хана-Этл Песелес. Больше, чем всех остальных, он опасался нового аскета. Реб Довид-Арон Гохгешталт уходил в далекую молельню где-то на краю города и всегда получал там что-нибудь. И все-таки перед его глазами неизменно стоял низенький злобный упрямец, этот раголевский раввин. «А если его прогнали из местечка, то это разве лучше? А если он требует от Немого миньяна, чтобы его содержали вместе с его женой и детьми, это лучше?» – кипятился вержбеловский аскет и все же не мог преодолеть страха. Поэтому он остался на целый день в Немом миньяне, чтобы замести все следы, если реб Гилель Березинкер шпионит за ним.

Вержбеловский аскет сидел в своем уголке над томом Гемары, но его так и подмывало вскочить с места. Он подсчитывал, сколько денег мог бы насобирать в этот день, а теперь они для него потеряны. Чтобы остудить свой гнев, он пожимал плечами и разговаривал сам с собой: «Ну разве это не издевка, разве это не было бы смешно, если бы не было так грустно, что именно этого раголевского раввина-скандалиста зовут реб Гилель?» [3] Он наверняка думает, что он так же терпелив и так же снисходителен к людям, как Гилель Старый! Так разве я должен им восхищаться? Разве я должен дрожать от страха, что он узнает?» Но сколько бы реб Довид-Арон из Вержбелова ни рвался туда, где он сможет набить карманы деньгами, его удерживали, как цепи, в Немом миньяне страх и желание выведать, не подозревает ли его в чем-нибудь изгнанный раввин.

По лицу раголевского раввина ничего нельзя было понять. Он, как всегда, стоял у своего пюпитра над Гемарой, опустив глаза, а когда кто-нибудь к нему приближался, недовольно сдвигал брови, показывая, что его понапрасну отвлекают от учения. Вержбеловского аскета он считал бездельником и безумцем и даже не смотрел на него. Но именно потому, что реб Гилель Березинкер открыто демонстрировал ему свое пренебрежение, реб Довид-Арон Гохгешталт дрожал и сгибался перед ним втрое. Вержбеловский аскет так долго мучил себя сомнениями, знает ли этот безжалостный разбойник и гордец, этот изгнанный из Раголе раввин его тайну, что не мог уже больше терпеть и направился к нему с масляной, заискивающей улыбкой на лице.

– Люди говорят, что вы, реб Гилель, большой комментатор Писания, потрясающий комментатор Писания. Так почему бы вам не доставить наслаждение и аскетам Немого миньяна вашей проповедью?

– Зачем мне здесь бесплатно произносить проповеди? Я не нуждаюсь ни в чем подтверждении, что я хороший толкователь и проповедник.

Раголевский раввин даже не поднял глаз от Гемары. Но по спрятавшейся в его бороде мрачной улыбке было заметно, что ему все-таки приятно слышать похвалы. Реб Довид-Арон увидел в этом признак того, что изгнанный раввин ни о чем не знает, и разошелся еще больше.

– Конечно, вы не нуждаетесь ни в чем подтверждении. У меня нет сомнения, реб Гилель, что раголевские обыватели еще придут и еще упадут вам в ноги, чтобы вы вернулись в Раголе. У меня нет ни малейшего сомнения, реб Гилель, что если бы не нынешняя плохая погода, то раголевские обыватели уже были бы у вас и просили бы, чтобы вы сжалились над ними и вернулись. Вы можете каждый день ожидать их приезда.

Уволенному раввину показалось, что вержбеловский аскет над ним издевается. Он поднял свои злые глаза и прорычал:

– Безделье приводит к скуке. Оттого, что вы постоянно слоняетесь и ничего не делаете, вы поглупели. Почему вы сидите и не учите Тору? – И реб Гилель Березинкер повернулся к нему спиной.

Вержбеловский аскет отступил от него молча, дрожа всеми членами тела. Он уже снова сидел в своем уголке, но все еще вытирал пот со лба. «То есть это означает, что он знает. Во всяком случае, он подозревает и может узнать», – прошептал самому себе реб Довид-Арон и поднял глаза к священному ковчегу, словно давая клятву перед свитками Торы, что больше не будет ходить по молельням.

На собранные деньги он потихоньку купил две пары новых приличных штанов, подержанный сюртук, новенькую жесткую раввинскую шляпу, пару новых гамашей и поношенное пальто – полосатое, с парчовым воротником, вроде тех, что мальчишки и молодые франты носят и летом, и зимой. И вот в простую среду он нарядился и отправился в магазин Ханы-Этл Песелес. Ему в лицо дул холодный колючий ветер поздней осени, пронизанный запахом гниющих листьев. Когда аскет открыл дверь в пекарню, его окутали теплые клубы пара, вырывающиеся из помещения на улицу. Из-за холодной погоды владелица хлебопекарни уже надела шубку и шерстяной платок на голову. У двух ее продавщиц под белыми фартуками тоже были зимние жакеты с длинными рукавами. Только вошедший к ним расфуфыренный аскет был одет, как в ветреный весенний день, – в тонкое пальто с парчовым воротником и полупелковый голубой галстук с красными крапинками. Хозяйка растерялась от его внешнего вида и поведения. Она подумала, что ей снится сон. Но глаза ее не обманывали: вержбеловский аскет подстриг бороду и пейсы. Хана-Этл испугалась, и в то же время ее разбирал смех. Продавщицы посмотрели на аскета так, словно он сошел с ума. Реб Довид-Арон растерялся, на этот раз он не придумал оправдания, почему это он зашел посреди среды, а не в пятницу, как обычно. К несчастью, покупатели в пекарне еще не появились, так что у аскета не было ни времени, ни ясной головы, чтобы выдумать объяснение на месте. Он щупал пальцами подстриженную бороду и издавал невразумительное кряканье, словно что-то бурчал посреди молитвы, когда нельзя прерываться.

– А я уже думала, почему это вы в прошлую пятницу и в позапрошлую тоже не заходили за халой. Может быть, вы были, не дай Б-г, нездоровы или заняты? – спросила хозяйка.

Да, да, он был сильно занят, ухватился реб Довид за ее слова. В эту минуту он вспомнил, что раголевский раввин назвал его глупцом. А почему это он уверен, что и владелица пекарни не считает его за глупца? Реб Довид-Арон горделиво поднял голову и принялся рассказывать, что он, слава Б-гу, больше ни к кому не должен ходить за подарками. Он как раз и зашел, чтобы сообщить, что одно местечко хочет пригласить его в равнины и прислало к нему своих лучших обывателей с письмом о назначении в раввинскую должность. Но пока он еще не дал своего согласия, он не должен называть это местечко. Это тайна. По правде говоря, он уже решился, но пока не обещал на все сто процентов. Вержбеловского аскета потом прошибло. Не хватало еще, чтобы он сболтнул, что это местечко называется Раголе и что его берут на место прежнего изгнанного раввина. Хана-Этл может узнать, что вся эта история – сплошная ложь.

Слава Б-гу, что откликнулась старшая продавщица, добродушная и говорливая. Самое время, сказала она, хватит уже аскету оставаться неприкаянным. Но младшая продавщица, худенькая, с проворными руками и кислой физиономией, вмешалась по своему обыкновению с сердитой издевкой: для того, чтобы стать раввином в местечке, реб Довиду-Арону пришлось подстричь бороду? А вот она думает, что он заранее начал прихорашиваться для жены. Ведь поляки требуют от обиженных литовцев, чтобы те снова дали ездить из Вильны в Ковну[4], а из Ковны – в Вильну. Тогда реб Довид-Арон сможет вскорости увидеться со своей женой.

Вержбеловский аскет всегда считал чудом то, что поляки отобрали Вильну у литовцев и литовские пентюхи закрыли из-за этого границу. Благодаря им его проклятая жена не может приехать из Ковенской Литвы и схватить его за горло, вырвать ему бороду и пейсы за то, что он скрывается от нее столько лет. По той же причине разговоры о приближающейся войне с немцами, сильно пугавшие евреев, пугали вержбеловского аскета еще больше. Поляки подражают немцам и угрожают в свою очередь войной

литовцам, если те не согласятся открыть границу. А если литовская граница действительно откроется, то для него, реб Довида-Арона Гохгешталта, не останется уголка на земле, где бы он мог спрятаться от своей жены. Но настроение у евреев все время менялось. Сегодня они считали, что беда уже на пороге, а завтра переводили дыхание, говоря, что этот из Берлина, да сотрется его имя, только пугает. Вот и вержбеловский аскет успокаивался и начинал обдумывать свой тайный план, как обезопасить себя и не допустить, чтобы конкуренты увели у него богатую вдову Песелес. Но сейчас он собственными глазами видел, что упомянутая богатая вдова Песелес улыбается и едва сдерживается, чтобы не начать смеяться над ним. Он ответил этой насмешнице, низенькой продавщице, чтоб она провалилась, с гневом:

– А если моя жена и приедет, то разве я ее боюсь? Я не испугаюсь, даже если мой отец приедет!

Хозяйка накричала на продавщицу и шагнула к аскету, чтобы задержать его и успокоить. Но реб Довид-Арон Гохгешталт задрожал всем телом и бросился прочь на улицу в таком страхе, словно Хана-Этл Песелес была дьяволица и родная сестра его проклятой жены из Ковенской Литвы.

Ī adāāī ā pē ēē o ā Ā ā ē ē ā × adī ē ī ā

В серии «Проза еврейской жизни» издательство «Книжники» в ближайшее время готовит к выпуску первое русское издание «Немого миньяна» Хаима Граде.

[1] Раголе, современное литовское название – Ариогала, местечко на западе Литвы.

[2] Намек на высказывание Шимона-праведника: «На трех вещах держится мир: на Торе и на служении и на милосердном подаянии» (трактат «Пиркей авот», глава 1, мишна 2). В данном контексте в этих словах содержится скрытая насмешка, поскольку служение Всевышнему и работа обозначаются в древнееврейском языке одним и тем же словом – «авода».

[3] Намек на знаменитого талмудического мудреца, главу Синедриона Гилеля Старого (I век до н. э.), для системы постановлений которого было характерно снисхождение к людям («мера милосердия»), в противоположность системе постановлений его современника, главы Синедриона Шама Старого, отличавшейся жестким толкованием Закона («мера закона»).

[4] Современное литовское название – Каунас.

ЧТО ТЫ ПЛАЧЕШЬ, ШЕЙНДЕЛЕ?

Allegretto

Фар-вос вэйн-сту, Шэйн-де-лэ, тэх-тэ-рл ду майн,
 дай-нэ һэйсэ трэ-рэ-лэх рирн биз цум бэйн,
 дай-нэ һэйсэ трэ-рэ-лэх зо-ли гейн фарн Г-т,
 зог вос квэйлт дих фар а ма-мэн тор ништ зайн кэйн сод.
 Ой вэй, ма мэ, Г-т ге-тра-йер! ин майн хар-ци брэнт а фай-ер,
 э-пэс ви фар ки-шуфт х'волт гэ-вэн,
 э-пэс хот мит мир ге-тро-фи, х'кен ништ э-си, х'кен ништ шло-фи,
 х'вэйс ништ, ма-мэ, вос мир из ге-шэн.

Фарвос вэйнсту, Шэйнделэ

– Фарвос вэйнсту, Шэйнделэ, тэхтэрл ду майн,
 дай-нэ һэйсэ [\[1\]](#) трэрэлэх рирн биз цум бэйн,
 дай-нэ һэйсэ трэрэлэх зо-ли гейн фарн Г-т,
 зог вос квэйлт дих фар а мамэн тор ништ зайн кэйн сод.

– Ой вэй, мамэ, Г-т гетрайер!
 Ин майн хар-ци брэнт а файер,
 эпэс ви фаркишуфт х'волт гэвэн,
 эпэс хот мит мир гетрофи,
 х'кен ништ эси, х'кен ништ шлофи,
 bis х'вэйс ништ, мамэ, вос мир из гешэн.

– Эфшэр тут вэй с'кепэлэ, тэхтэрл ду майн,

эфшэр а бэйз ойгэлэ, с'кен алц миглэх зайн,
едн тог шадхенимлех шлогн оп ди тир,
верст мит а мазл балд а калэ фар а райхн гвир.

– Ой вей, мамэ, х'вэл антлойфн,
х'вил фар гелт зих ништ фаркойфн,
с'hot а бохер мир зих шойн дэрклерт,
Ёселэ, вос войнт дэрлебн,
он им кен их мэр ништ лебн,
bis им нор либ их, эр из мир башерт.

– Вос из мит дир, Шэйнделэ, тэхтэрл ду майн,
Ёселэ, дэр шнайдер-юнг, эр дайн ман зол зайн?
Вэст дох бай им хунгерн, лайдн нойт ун келт,
цвэй далэсим геен танцн он а грошн гелт.

– Вос мир келт ун вос мир хунгер,
их бин юнг ун эр а юнгер,
гройс вэт зайн фар унз ди клейнстэ штиб,
х'вэл мит трукэн бройт зих нэрн,
Ёселе муз майнэр вэрн,
bis мамэню, ду вэйст ништ вос хэйст либ.

– Х'вэйс, х'вэйс, х'ноб, тэхтэрл, митлэйд штэрк мит дир,
ойфгевэкт ан алтэ вунд тиф ин харц бай мир,
ойфгевэкт ан алтэ вунд, ёрн фил фарбэй,
бэсэр швайгн, ништ дэрмонэн, с'тут нох азой вей.

– Ой вей, мамэ, Г-т гетрайер,
эйбик брэнэн золн ин файер
ди вос нобн ойсгетрахт дос гелт.
Мамэню, их ноб башлосн,
Ёселе мус зайн майн хосн,
bis им нор либ их, эр нор мир гефэлт.

Что ты плачешь, Шейнделе?

– Что ты плачешь, Шейнделе, доченька моя?
Горячие твои слезоньки ранят мне сердце,
пусть дойдут до Г-спода жаркие эти слезки,
скажи, что тебя томит, от мамы не держат секретов.

– Ой вей, мама, Г-споди, мой Б-же!
В сердце пылает огонь,
словно я кем-то околдована,
словно со мной что-то стряслось,
не могу есть, не могу спать,
не знаю, что мне приключилось, мама.

– Может, болит головка, доченька моя,
может, дурной глазок, всякое ведь случается,

ГЕРОЙ, АВАНТЮРИСТ, СИОНИСТ...

Î èõàèè Ýààèùòàéí

Авраам Шифрин – личность загадочная. Совершенно непонятно, как к нему относиться. Слишком фантастическая биография (спасибо, конечно, советской власти, но он и сам расцветивал свою жизнь и жизнь окружающих с невероятной энергией), слишком много всего в этом человеке было намешано. С одной стороны, с другой стороны... А человеческий разум сопротивляется всему трудно классифицируемому. В итоге о нем вспоминают куда реже, чем он того заслуживает. Заслуживает хотя бы потому, что, как ни крути, а он автор одной из лучших книг о «постсталинских» лагерях, впервые вышедшей в «Посеве» более 35 лет назад, а совсем недавно переизданной в Израиле его вдовой Элеонорой Полтинниковой-Шифрин [\[1\]](#).

Кроме самих мемуаров, в новое издание вошли два текста Э. Полтинниковой – предисловие и эпилог, довольно подробно рассказывающие об авторе и его книге. Эти очерки, вкупе с самим фактом переиздания «Четвертого измерения», дают, как кажется, повод вспомнить о Шифрине и попытаться как-то систематизировать то, что мы о нем знаем, – а равно и обозначить то, что не знаем, не будем знать никогда или узнаем весьма нескоро.

Начнем с самого темного места его мемуаров – с их начала. Точнее, даже с того, что этому началу предшествовало (книга открывается рассказом об аресте автора) и известно нам в изложении Э. Полтинниковой-Шифрин. Эпизод этот начал обсуждаться больше трех десятилетий назад, но так до сих пор и остается не вполне проясненным, а вернее говоря – совершенно загадочным.

Во второй половине 70-х годов на франкфуртское издание «Четвертого измерения» откликнулся солагерник Шифрина Револют Пименов. В первом выпуске легендарного самиздатского альманаха «Память» он попытался доказать, что Шифрин был бериевским следователем и попал в тюрьму после и вследствие падения своего патрона. Прямых доказательств у Пименова, понятное дело, не было, и в целом проведенную им реконструкцию трудно назвать убедительной. Однако причины появления такой версии ясны – слишком уж фантастической выглядит история ареста Шифрина, изложенная им самим и его вдовой (очевидно, с его же слов).

Шифрину было 14 лет, когда в 1937-м арестовали его отца-инженера. Перед войной он поступил в институт, а в 1941 году его мобилизовали и направили в штрафбат, «где были в основном дети таких же репрессированных». И здесь первое недоумение. Детей репрессированных, оставшихся на свободе, в штрафбаты, насколько известно, не определяли. Напрашивается версия, что Шифрин, окончивший к тому времени один курс юридического, получил младшее офицерское звание и был направлен в штрафбат не как штрафник, а как командир. Но Э. Полтинникова-Шифрин пишет, что офицером он стал позже, после двух ранений и госпиталей. Загадка.

Выйдя из первого госпиталя, Шифрин вновь оказался в штрафбате. Хотя раненых повторно отправлять в штрафбат было не положено, в этом повороте ничего невероятного как раз нет – слова (то бишь законы) у советской власти с делами, как

известно, то и дело расходились. Поняв, что на справедливость рассчитывать не приходится, Шифрин после второго ранения по пути в госпиталь попросту выбросил свои документы, а при опросе назвал более ранний, нежели в действительности, год рождения и, сохранив фамилию, поменял имя на Ибрагим.

Потерявшись таким образом для НКВД, по возвращении на фронт он стал офицером и вскоре был переведен в военную прокуратуру. Войну Шифрин закончил капитаном, а при демобилизации получил чин майора и был направлен старшим следователем по уголовным делам в Краснодарский край, откуда перевелся в Тулу. Попытался работать честно, но вскоре понял, что посадить жуликов из партийно-хозяйственной верхушки ему никто не позволит и, разочаровавшись в прокурорской работе, ушел в Министерство вооружения, где вплоть до ареста работал главным юрисконсультom.

В то, что человек мог просуществовать с липовой биографией военные годы, вполне можно поверить. Но вот насколько реально было семь лет скрывать свое происхождение высокопоставленному сотруднику прокуратуры и военного министерства – вопрос более спорный. Вся эта история напоминает скорее романы Анатолия Азольского, нежели позднесталинскую действительность, как мы ее себе представляем по различным источникам. Впрочем, советская система всегда была предельно бюрократизированной и оттого весьма ограниченно работоспособной. Так что переоценивать ее могущество и всезнание, пожалуй, не стоит.

Куда более сомнительным выглядит утверждение Шифрина, что в Министерство вооружения он пришел с одной целью – мстить за отца, передавая американцам совершенно секретные сведения о новейших советских разработках. Он якобы «изобрел такой способ передачи информации, что американцы и представления не имели, от кого она поступает» (это уже не Азольский, а прямо-таки Солженицын, «В круге первом»). От расстрела, по версии автора, его спасло лишь то, что во время следствия по его делу слетел Берия, а вместе с ним и лично курировавший ход расследования Кабулов, наступило некоторое подобие оттепели, в результате чего Шифрин получил «25+5+5» – 25 лет лагеря, 5 ссылки и 5 поражения в правах.

Когда вникаешь во все эти подробности, начинаешь понимать Пименова. Версия его от этого убедительнее, конечно, не становится, но по крайней мере психологическая подоплека его недоверия к автору «Четвертого измерения» проясняется вполне.

Советская «антисионистская пропаганда», к слову сказать, предлагала совсем другую, третью, версию долагерной биографии Шифрина – в позорно известной «Белой книге» 1979 года, в частности, утверждается, что Шифрин в начале 1950-х годов работал старшим юрисконсультom не в Министерстве вооружения, а на Тульском оружейном заводе и незадолго до ареста за шпионаж привлекался к суду за взяточничество, но был амнистирован. Источник, конечно, более чем недостоверный, но для полноты картины упомянем и его.

Но вот парадокс: все, что мы здесь обсуждаем, как уже было сказано, мемуарист оставил «за кадром». Правдивость же самой книги его воспоминаний особых сомнений не вызывает. То есть неточностей там, конечно, немало, но все они сравнительно мелкие – фамилия неверно воспроизведена, город не тот назван, биографические данные искажены. Воспоминаний без ошибок памяти не бывает, а в данном случае это тем более объяснимо – вести подневные записи во время заключения

автор, разумеется, возможности не имел. Общую же достоверность «Четвертого измерения» подтверждают люди, сидевшие с Шифриным.

Вообще знавшие Шифрина, в том числе его сокамерники, вспоминают о нем, как правило, с уважением. При этом самое частое слово в разговоре о нем – «авантюрист». Одно другому никоим образом не противоречит, ничего плохого в авантюризме как таковом нет, в одних исторических и социальных обстоятельствах он дает одни результаты, в других – другие. В условиях лагеря авантюризм Шифрина ничем не отличался от героизма – разве что большей установкой на внешний эффект, так что и через полвека сидевшие с ним вспоминают о его поступках с восхищением. Одноделец Пименова Борис Вайль рассказывает, как Шифрин хранил в бараке нож: воткнул в стену, на рукоятку повесил полотенце. При всех шмонах нож так и продолжал торчать в стене, никем не замечаемый.

Отчего же, однако, и израильтяне, и многие диссиденты традиционно относились к Шифрину и всему, от него исходящему, с недоверием – мол, наш еврейский Мюнхгаузен, заслуг его никто не отрицает, даже выслушивают из почтения, но всерьез не воспринимают? Конечно, доверие к Шифрину подрывало его увлечение эзотерикой (он был редактором ежеквартальника «Тайноведение», читал лекции по эзотерической трактовке религиозных и философских систем). Однако основная причина, думается, все в той же авантюристичности натуры и неумности темперамента, помноженных на бескомпромиссный и последовательный антикоммунизм. Слишком бескомпромиссный, слишком последовательный – в наши дни все желающие могут наблюдать результаты подобной последовательности на примере Валерии Новодворской. Видевший в СССР и всем коммунистическом лагере исчадие ада, Шифрин в своей борьбе с коммунизмом нередко – и чем дальше, тем, увы, больше – выходил за пределы здравого смысла.

Авраам Шифрин. Озерлаг. 1960 год

После репатриации в Израиль в 1970 году он много лет занимался судьбой Рауля Валленберга, уверяя, что тот не умер в 1947-м на Лубянке, а продолжает оставаться в заключении – разные люди, мол, встречают его время от времени в лагерях, тюрьмах и психбольницах. Однако печальной «вершиной» его частных «расследований» стала версия, будто корейский авиалайнер, сбитый в 1983 году советскими истребителями, на самом деле, будучи обстрелян ракетами, благополучно приводнился возле Сахалина, после чего все пассажиры были увезены в сверхсекретные лагеря, а их дети разлучены с родителями и отправлены в детдома. Все это было проделано, утверждали супруги (Э. Полтинникова-Шифрин вела «расследование» наравне с мужем), дабы похитить и допросить с пристрастием следовавшего этим рейсом конгрессмена Ларри Макдональда – носителя секретной информации об американской военной системе. Поскольку американцы должного интереса к гипотезе не проявили, в пособиях Советов были записаны также ЦРУ и Пентагон.

Версия эта настолько очевидно безумна, а «аналитическая записка» А. и Э. Шифриных, посвященная гибели лайнера, до такой степени насыщена ссылками на неназванные источники внутри СССР, что невольно в голову приходит мысль: а не стоял ли за всем этим все тот же всемогущий КГБ, целенаправленно подкидывавший супругам дезинформацию, которую они транслировали, превращая тем самым трагедию в фарс? И кстати: так ли уж прав был Шифрин, рассказывая о том, как он переиграл КГБ в деле Юзефа Эрлиха?

История эта заслуживает того, чтобы остановиться на ней поподробнее. С Эрлихом Шифрин познакомился в 1967 году в Одессе, где тот работал редактором областного телевидения. Вскоре регулярно ездивший в Вену Эрлих стал связным Шифрина с представителями «Сохнута». Уже после отъезда Шифрина в Израиль Эрлих снял по его просьбе фильм о лагерях и спецпсихбольницах, который довольно широко демонстрировался на Западе. А вскоре в «Комсомольской правде» появились несколько подвалов за подписью Эрлиха, разоблачающих «сиониста и антисоветчика» Шифрина. Автор рассказывал, как несколько лет по заданию КГБ водил Шифрина за нос, помогая спецслужбам контролировать его деятельность и снабжая фальшивыми материалами. Позднее появилась и книга Эрлиха «Битые ставки», излагающая ту же историю.

Шифрин всегда полагал, что Эрлих попался с поличным в Мордовии, снимая продолжение фильма о лагерях, и был вынужден подписать все, что от него требовал КГБ. При этом он умудрился опубликовать в советской прессе домашний адрес Шифрина, благодаря чему множество евреев, желавших репатрироваться, смогли связаться с ним и получить вызовы. Однако как обстояло дело в реальности, был ли Эрлих изначально агентом КГБ и снимал ли он для Шифрина реальные места заключения или «нейтральные объекты», которые Шифрин, выдавая желаемое за действительное, принимал за лагерь, как утверждала советская пропаганда, доподлинно неизвестно до сих пор.

Все это я описываю вовсе не для того, чтобы как-то скомпрометировать Шифрина. Скорее мне жаль, что все эти нелепые скандалы до известной степени затмили те действительно удачные антисоветские «пиар-акции», которых в активе автора «Четвертого измерения» было немало. Достаточно упомянуть хотя бы о том, как в 1976 году он выставил в Америке – сперва в Нью-Йорке, потом в Вашингтоне – копию советского «воронка» для перевозки заключенных и катал в нем политиков и журналистов.

Да и героизм его сомнению не подлежит. В 1969 году, еще до эмиграции, Шифрину ампутировали ногу – эндартериит. Вскоре после репатриации он попал в страшную автокатастрофу. Но и после этого он еще 25 лет ездил по миру, организовывал голодовки и митинги, выступал с лекциями – в общем, вел образ жизни, с которым слово «инвалид» никак не вяжется.

Я о другом. История сионистского – и, шире, диссидентского – движения в СССР хотя и стала объектом научного анализа, изучена мало сказать недостаточно. Количество белых пятен в ней огромно, их заштриховка едва начата. Книжки, подобные «Четвертому измерению», являются историческими и литературными памятниками и должны издаваться соответственно – с комментариями, отделяющими правду от вымысла и исправляющими ошибки мемуариста, с указателем имен, с сопроводительным справочно-аналитическим аппаратом. Увы, ни со стороны академических институтов, ни со стороны многочисленных фондов и общественных организаций, ни со стороны отдельных профессионалов-энтузиастов особого движения в этом направлении незаметно (центром подобной деятельности, наверное, мог бы оказаться «Мемориал», но его человеческие и профессиональные ресурсы не слишком велики, а издательские возможности скромны). Между тем «жизнь и творчество» людей, подобных Шифрину, представляет собой реальную научную проблему, его биография и деятельность, не говоря уж о книге воспоминаний, вполне могли бы стать хлебом для полудюжины диссертантов – отчего бы и нет? И недостаточность архивной и вообще источниковой базы тут вряд ли окажется такой уж серьезной и непреодолимой помехой. Кроме всего прочего, распутывать весь тот клубок слухов, легенд, недоразумений, который вокруг него навешен, – занятие, на мой вкус, безумно интересное.

[1] Шифрин А. Четвертое измерение. Изд. 2-е. Иерусалим, 2008.

ПОИСКИ ПРОПАВШИХ КОЛЕН ИЗРАИЛЯ

וְהָיָה לְעַמּוּנָהּ

В издательстве «Мосты культуры/Гешарим» готовится к изданию книга Феликса Канделя «Поиски пропавших колен Израиля». Уже более двух с половиной тысяч лет, с тех пор, как 10 из 12 колен Израилевых были уведены в плен ассирийским царем Саргоном II (VIII век до н. э.), судьба потерянных колен является загадкой. Вокруг тайны их исчезновения сложилось множество легенд, ее безуспешно пытались разгадать теологи и ученые, на ней спекулировали авантюристы самого различного толка.

Автор включил в свое повествование не только исторические сведения, но и предания разных веков, предсказания пророков и толкования мудрецов Израиля, фантазии мечтателей, измышления авантюристов, еврейские пословицы и афоризмы.

Мы предлагаем вниманию читателя фрагменты будущей книги.

Авраам Закуто

Пятнадцатый и шестнадцатый века были временем Великих географических открытий, расширивших представление о земном шаре. В 1488 году португальские моряки обследовали западное и южное побережье Африканского континента. Затем Христофор Колумб переплыл Атлантический океан и открыл Америку. Вслед за ним Васко да Гама обнаружил путь в Индию, обогнув южную оконечность Африки. Земли Американского континента исследовали П. Кабрал, Э. Кортес, А. Веспуччи и французские моряки. В 1520 году отправился в первое кругосветное путешествие Ф. Магеллан, обогнувший южную оконечность Америки.

Перечень первооткрывателей нескончаем; их имена вошли в историю мореплавания, но их достижения стали возможны лишь при участии многих и многих астрономов, картографов, изобретателей навигационных приборов. Среди них было немало евреев, и прежде всего назовем Авраама Закуто, историка, математика, профессора астрономии в Саламанке, судьба которого не отличалась от судьбы испанских евреев.

Закуто сконструировал первую металлическую астролябию – угломерный инструмент для определения положения небесных светил, отличавшийся большей точностью, чем прежние деревянные астролябии. Он же составил на иврите уточненные астрономические таблицы для определения широты Земли во время плавания, которые позволяли также вычислять время солнечных и лунных затмений, – таблицами Закуто, переведенными на испанский язык, пользовался Колумб во время своих экспедиций через Атлантический океан.

Существует рассказ о том, как в 1504 году, во время четвертого путешествия Колумба в Америку, астрономические таблицы Закуто спасли жизнь ему и его команде. Их захватили местные жители, грозили убить, но Колумб знал из таблиц о приближении

лунного затмения и пригрозил туземцам карами Бога Испании, который лишит их лунного света. Затмение произвело неопиcуемый ужас; туземцы умоляли Колумба заступиться за них перед Богом и подчинились пришельцам.

После изгнания евреев из Испании Авраам Закуто оказался в Португалии, где стал придворным астрономом и официальным летописцем. Его советами воспользовался Васко да Гама во время путешествия в Индию; на его кораблях использовали астролябии и астрономические таблицы Закуто. Когда власти Португалии насильно крестили евреев, Закуто ушел из страны, испытал немало лишений в пути, был дважды захвачен в плен, освобожден и жил в Тунисе. Затем эту страну захватили испанцы, жестоко обращавшиеся с еврейским населением; Закуто бежал в Турцию, побывал в Иерусалиме и Дамаске, – более о нем нет сведений.

На закате жизни Авраам Закуто создал главный свой труд – «Книгу генеалогий» о еврейских ученых разных поколений; ее издавали неоднократно на разных языках, и историк Г. Грец отметил: «Летопись Закуто была детищем старчества и несчастий. Он писал ее дрожащей рукой и с боязнью перед ближайшим будущим...» (В конце XX века в Португалии выпустили почтовую марку в честь Авраама Закуто.)

Евреи – астрономы и картографы

В XIV веке жил на юге Франции Леви Герсонид, философ, математик, комментатор Библии; это он составил астрономические таблицы и усовершенствовал квадрант, названный им «открыватель глубин», – инструмент для измерения высот небесных светил, которым мореплаватели пользовались затем несколько столетий.

На острове Мальорка работали евреи – известные в Средиземноморье картографы и мастера по изготовлению навигационных приборов. Авраам Крескес, «магистр карт и компасов» при короле Арагона, и его сын Йеуда создали «Mara mundi» – новейшую по тем временам карту мира, в которую они внесли результаты путешествия в Китай венецианца Марко Поло. В 1391 году, после резни евреев на Мальорке, Йеуда Крескес принял христианство и стал главой португальской навигационной академии. (В конце XX века в Португалии выпустили почтовую марку с изображением карты мира Авраама Крескеса и его сына Йеуды.)

Габриэль де Валлсеча составил карту мира, которой воспользовался затем Америго Веспуччи во время экспедиции в Америку. Морские навигационные карты составлял в XV веке Йеуда ибн Зара, а в Голландии этим занимался известный картограф Г. де Йоде (де Юдеис, «из евреев»), который работал с двумя сыновьями.

Педру Нуниш из семьи крещеных евреев – профессор математики Лиссабонского университета, географ и картограф – в 1529 году стал в Португалии «королевским космографом». Его называли «отцом современной картографии», и это он написал книгу «Искусство расчета в навигации» (в конце XX века в Португалии выпустили серию марок, посвященных Педру Нунишу, и отчеканили монету в сто эскудо, на которой он изображен с глобусом в руках). Внуки П. Нуниша бежали из Португалии от преследования инквизиции и вернулись в иудаизм.

Добавим к этому, что на картах Средневековья мир показан в виде круга, в центре которого находится Иерусалим, а на карте 1581 года, созданной Г. Бюнтингом в Германии, Земля изображена в виде трилистника, омываемого морями. Лепестки

трилистника – Европа, Азия, Африка; сбоку, за морями, видна Америка, но в центре трилистника – Иерусалим.

Говорили в давние времена: «Эрец-Исраэль посреди мира, а Иерусалим в сердце Эрец-Исраэль».

Ī rāā äëŷ ääëäëäí eŷ.

В начале XVI века португальцы завоевали в Индии область Гоа, обнаружили там евреев со смуглыми лицами, и в Европе прошел слух о еврейском царстве в Кочине, населенном потомками исчезнувших колен Израиля.

Новые надежды

Это было время, когда евреи разных стран заговорили о том, что река Самбатсион высохла, а потому нет больше препятствий для десяти колен – выступить на защиту угнетенных единоверцев Европы и Азии. Сообщали даже, что огромные армии уже отправились в поход, нанесли поражение персидскому шаху, прибыли в Иерусалим, и турецкий султан, испугавшись, отдал евреям Святую землю.

В начале XVI века по Европе прокатилась волна слухов о надвигающемся всемирном потопе, который уничтожит человечество, погрязшее в пороках. Тогда же в Германии появились памфлеты с таким сообщением: армия Рыжих евреев – 600 тыс. человек, пехота и кавалерия в доспехах, – движется в сторону Иерусалима, чтобы захватить Святую землю.

Христианским правителям были известны слухи о скором потопе и о походе Рыжих евреев, знали об этом и в Ватикане, – в такое время, при таких обстоятельствах и появился в Европе загадочный человек Давид Реувени. Одни исследователи называли его обманщиком и авантюристом, а другие не могли решить, считать ли его «шарлатаном или безумно смелым фантастом, и не хотел ли он сыграть роль Мессии».

У него была необычная внешность – смуглый карлик в восточном костюме. Он умел производить впечатление и убеждать собеседников. После него остались путевые записки на иврите, опубликованные в конце XIX века в переводе на английский язык: «Мемуары Давида Реувени. Средневековые еврейские хроники». В еврейском журнале «Восход» опубликовали рецензию на эту книгу (Петербург, 1896 год):

«История этого человека столь же любопытна, сколь и назидательна. Она показывает, как фикция, мираж может увлечь самых трезвых, испытанных жизнью людей, может возбудить самые несбыточные надежды... Да и то сказать: человеческое существование столь богато несчастьями всякого рода, что простое чувство человеколюбия требует не разрушать иллюзий, но оставить неприкосновенным все, что может помочь человеку переносить житейские невзгоды.

Тот человек, о котором будет у нас речь, сыграл роль облегчителя народных страданий. Посредством мечты, может быть, даже умышленного обмана, ему удалось... вдохнуть новую надежду в отчаявшиеся уже было сердца, – и в этом его оправдание».

Давид Реувени

Исследователь отметил в теперешние уже времена: «Словно из тумана встает перед нами фигура маленького странного человека по имени Давид Реувени. Кем он был? Мудрецом или невеждой? Откуда пришел? Куда направлялся? Бесчисленное множество вопросов роятся, не находя ответа...»

Путевые записки этого загадочного человека начинаются такими словами: «Я – Давид, сын царя Шломо блаженной памяти, младший брат царя Йосефа, царствующего в пустыне Хабор над <...> евреями из колен Гада, Реувена и половины колена Менаше. Царственный брат мой и его советники поручили мне специальную миссию в Рим к папе (да возвеличится слава его!)»

Давид Реувени (из колена Реувена) родился – как сам сообщал – в городе Хайбаре на Аравийском полуострове. В 1522 году он отправился оттуда в Джидду на аравийском побережье Красного моря, где задержался из-за «страшной болезни»: «Я пускал себе кровь, лечился прижиганиями, но не успел еще совершенно оправиться, как узнал, что в Эфиопию выходит какой-то корабль».

Так он попал в северо-восточную Африку и поселился в одном из эфиопских городов: «Все это время я лечился кровопусканием, так что с самого начала болезни выпустил более пятидесяти литров крови и сделал более ста прижиганий на теле и лице».

Первые два года своего путешествия Давид Реувени провел под видом странствующего дервиша, «потомка Мухаммада» – основателя ислама. Реувени прекрасно знал Коран, молитвы, нравы и обычаи мусульманского Востока, но его записки не дают объяснения тому, где и каким образом он этому научился. Во время изнурительных передвижений по пустыне «дервиш» Реувени проводил время в постоянной молитве, пил воду раз в несколько дней, ел только тогда, когда караван вступал в оазис, – а переходы между оазисами занимали несколько дней по невыносимой жаре.

«Потомок Мухаммада» пробыл десять месяцев при дворе правителя Эфиопии и возносил к небу молитвы, чтобы у царя было «счастливое царствование, полное отпущение грехов и наследственный удел в раю». Затем некий «негодяй... тайком насплетничал царю, что я вовсе не дервиш, а еврей из Хабора», и ему пришлось поспешно уехать в Египет.

Из Каира он отправился с караваном купцов в Эрец-Исраэль, под видом странствующего дервиша поселился в Газе и даже соседу-еврею не раскрыл свою тайну. Давид Реувени сказал ему: «В моей родной земле много евреев весьма ученых... С некоторыми из них я коротко знаком; они едят за моим столом... и мы любим друг друга». Еврей ответил на это: «Здесь не так. Мы, евреи, не можем даже говорить с арабами, потому что они нас ненавидят и больше любят собак, чем нас». И Реувени ему пообещал: «Не бойтесь. Конец близок... Вскоре вы будете свидетелями великих событий».

Из Газы он переехал в Хеврон, а оттуда в Иерусалим. Быть может, там у Реувени и зародилось намерение – помочь угнетенным единоверцам и с помощью правителей христианской Европы избавить их от турецкого владычества. В начале 1524 года Давид Реувени приплыл в Венецию и впервые сообщил евреям, что является посланником правителя еврейского царства в Аравии, однако подробности своей миссии

не разгласил «ради блага всего Израиля». Оттуда он отправился в Рим, и в его записках сказано об этом так:

Пятнадцатого числа месяца адар 5284 года (19 февраля 1524 года) я появился у ворот Рима... На белом коне, с рабом, который шел впереди, сопровождаемый евреями, я въехал во дворец папы... Все кардиналы и вельможи собрались посмотреть на меня.

Миссия Давида Реувени

Это было время побед могущественной Османской империи, вызывавшей опасения у правителей европейских стран. Еще в 1453 году Турция захватила Константинополь, столицу Византии, оплот православной веры; в 1517 году турки заняли Святую землю и Иерусалим, а через четыре года – незадолго до появления Давида Реувени – они вошли в Египет.

Это было время и Великих географических открытий, когда становились известны неведомые прежде земли и населявшие их народы – с обычаями и образом жизни, поражающими воображение. Потому так внимательно прислушались в Европе к рассказам Реувени и ненадолго поверили в их невероятные подробности.

В Риме он беседовал с кардиналом, который обещал устроить аудиенцию у папы, и перед наступлением субботы отправился в дом уважаемых в городе раввинов. «У них я ужинал и переночевал. Наутро пошел с ними в синагогу, чтобы прочесть молитву за благополучное завершение путешествия, и выстоял до конца службы. Затем мы отправились назад. Масса народа, дети, мужчины и женщины толпились на нашем пути до самого дома. Я постился в субботу. И весь день до самой ночи ко мне приходили с приветствиями мужчины и женщины, евреи и христиане».

На другой день папа Климент VII принял Давида Реувени, и тот рассказал ему о еврейском государстве в Аравии, за рекой Самбатион, которым правит его брат царь Йосеф. У царя имеется 300 тыс. отборных воинов, которыми командует Реувени, и если правители европейских стран снабдят их огнестрельным оружием, пушками и ружьями, то совместно – с двух сторон – они смогут изгнать турок из Святой земли и избавить христианский мир от угрозы мусульман.

Это предложение понравилось Клименту VII; он поверил посланцу еврейского царя и – по свидетельству Реувени – сказал так: «Если тебе нужна помощь, достаточно начать переговоры с королем Португалии. Я ему напишу, и он все исполнит. Тем более что его <...> моряки привыкли плавать по Средиземному морю». На это Реувени ответил: «Сделай, как тебе угодно. Я исполню все, что прикажешь».

Климент VII рекомендовал Реувени португальскому королю; он собирался отправиться в Лиссабон, но неожиданно тяжело заболел, положение стало критическим, и хозяева дома, в котором он жил, решили, что Реувени умирает. Но он торжественно заявил, что не умрет от этой болезни, а соберет евреев в Иерусалиме, поставит там жертвенник и будет приносить на нем жертвы Всевышнему.

Давид Реувени провел в Италии год, ожидая приглашения от португальского короля. Он получал от почитателей богатые подарки, а некая женщина из знатной еврейской семьи преподнесла ему знамена удивительной расцветки, на одном из которых были вышиты Десять заповедей. Эти знамена сопровождали Реувени и его свиту по время передвижений из города в город, поражая евреев и христиан.

Последние месяцы перед отъездом Давид Реувени неоднократно постился по шесть дней подряд, «ничего не ел ни днем, ни ночью», а затем в течение сорока дней принимал пищу через три дня на четвертый. Современники рассказывали, что он был худой, с выступающими костями, имел очень изнуренный вид из-за непрерывных постов; наконец Реувени получил приглашение и отплыл из Ливорно в Португалию в сопровождении двух секретарей и двух слуг.

Í rãã äëý äëë äëãí eý.

Исследователи предположили, что Давид Реувени родился в Европе (на это указывает язык его путевых записок, «изобличающий по-немецки мыслящего человека»), а затем многие годы прожил в странах мусульманского Востока, – но документально подтвердить это невозможно.

Встречи с королем Португалии

После приема у Папы Римского Давид Реувени почувствовал себя уверенно, возможно, и сам поверил, что он – брат еврейского царя Йосефа. В первые дни пребывания на земле Португалии он записал в путевом дневнике: «Пришел какой-то священник из Испании и стал <...> утверждать, что нет еврейского царства, и потому не может быть еврейских принцев. Я воспламенился сильным гневом <...> и вышвырнул его через окно на улицу. Толпа, стоявшая перед окнами, громко захохотала».

Король Португалии Жуан III предоставил Реувени краткую аудиенцию. Смуглый карлик в роскошных восточных одеждах отправился во дворец в сопровождении большой свиты и оставил воспоминание об этом посещении, в которое трудно поверить: «Это произошло в среду. Вся моя свита была на конях с мечами наголо. Войдя, я сказал королю и королеве, что очень устал с дороги, четвертый день ничего не ем и потому не расположен сегодня говорить с ними. Позвольте мне пойти домой, а завтра поговорим. Я нарочно не целовал руку королю при входе и выходе...»

Чиновники записывали сообщения Давида Реувени и передавали их во дворец: «Я из пустыни Хабор. Там есть 300 тыс. евреев-воинов из колен Реувена, Гада и половины колена Менаше (да умножит их Г-сподь в тысячу раз!). Над нами царствует мой брат Йосеф, я же у него – военный министр. Другие колена располагаются в земле Эфиопской в четырех местах, а сыны Моше (Бней Моше) живут отдельно за рекой Самбатион».

И еще рассказал Давид Реувени: «Мы царствуем в пустыне Хабор, как царствовали наши предки с разрушения Иерусалима. У наших соседей, колен Шимона и Биньямина, тоже есть царь, Барух сын Яфета <...> Мы хотим отнять у турок Эрец-Исраэль, ибо наступило время спасения. Я пришел за мастерами огнестрельного оружия и знатоками боевых действий для обучения наших воинов, так как наше оружие – меч, лук и копье».

Казалось бы, кто мог поверить этому человеку, явившемуся неизвестно откуда? Король, естественно, наводил справки, но португальские моряки подтвердили рассказы Реувени; при дворе Жуана III находился некий принц из Индии, который сообщил, что в пустыне Хабор действительно живут богатые евреи, занимающиеся скотоводством, их царя зовут Йосеф и у него 70 мудрецов-советников.

Это, очевидно, убедило короля Португалии, который искал союзников для борьбы с турецким султаном. Он обещал отправить в Хабор корабли с ружьями и

пушками и даже временно перестал преследовать марранов – евреев, насильно обращенных в христианство, которые тайно исповедовали иудейскую религию.

Ī īāā äēü ðācī ūøēāīēü.

Давид Реувени отметил в своих записках: «Сначала мы захватим Эрец-Израэль и ее окрестности, а затем наша армия отправится на запад и восток, чтобы освободить изгнанников Израиля».

«Жив вовеки!»

Давид Реувени уверял всех, что родился в городе Хайбаре на Аравийском полуострове, а потому отвлечемся ненадолго и расскажем о евреях тех мест – жителей независимого царства (из рассказа Ш.-Й. Агнона «Под деревом»):

«Они многочисленны, как песок пустыни, и одеяния их почетны и нарядны; окутаны они шерстяными покрывалами с кистями по краям и ездят верхом, соседи покорны им и платят дань, но не как рабы, а как послушные домочадцы. И каждый из них – богатырь против десяти богатырей. Есть и такие, что берут в руки бедуина с конем, бросают их вверх и ловят <...> не дают коснуться земли.

Днем идет человек в поле, в виноградник, к пальмам или стадам своим, а ночью сидит перед старцами и внимает закону Моше <...>... А жены и дочери по шатрам варят и пекут, доят животных, сбивают масло и сыр, и шьют, и вяжут, и прядут, и веревки вяжут, а лиц своих не показывают, чтобы людей до греха не довести, затем что <...> даны им многие прелести <...>

Все встают спозаранку на молитву, возносят три молитвы в день, обращая лица к Иерусалиму, а по субботам не выходят из шатров, сидят там день и ночь, славят Всевышнего <...> К субботе они снимают будничные одежды, надевают шитое золотом платье и откладывают оружие, ибо суббота защищает их <...>

А на исходе субботы все собираются вместе, пьют, едят, веселятся <...> и восклицают: Давид, царь Израиля, жив вовеки! Весь Израиль выходит из шатров и подхватывает: Давид, царь Израиля, жив вовеки! А женщины поглядывают из окошек <...>»

Надежды на освобождение

Реувени оказался на португальской земле примерно через четверть века после изгнания евреев с Пиренейского полуострова. Евреи, оставшиеся в Португалии, вынуждены были принять христианство, большинство окрестили насильно, но они еще помнили те времена, когда открыто исповедовали иудаизм, помнили и жестокий погром в Лиссабоне в апреле 1506 года. Тогда выяснилось, что марраны тайно отмечали праздник Песах, – начались убийства, в которых погибли сотни человек; многих сожгли заживо на городских улицах.

Португальские евреи могли только мечтать о неведомых землях, где находилось независимое еврейское государство, но неожиданно в их стране появился брат царя Йосефа. Скептики, конечно, не поверили этому человеку, его невероятным рассказам: мало ли на свете фантазеров и самозванцев, способных навлечь беду на евреев,

но ведь его рекомендовал Папа Римский, с ним разговаривал король Португалии, – какие могут быть сомнения!

Появление Реувени пробудило у марранов надежды на скорое освобождение; волнения среди них были невообразимыми: они приходили к нему, целовали его руки, рассказывали о своей горькой жизни. В Португалию даже приехали посланцы от еврейских общин Северной Африки, чтобы засвидетельствовать почтение «еврейскому принцу». Заволновалось и христианское духовенство, опасаясь отпадения новообращенных от церкви; король сообщил Реувени, что не сможет послать оружие в Хабор, и ему велели покинуть страну через два месяца.

Он путешествовал по Португалии; везде его встречали марраны, жаловались на притеснения, а Реувени им говорил: «Не пугайтесь. Цель моей поездки к королю состояла не в том, чтобы взять вас в Иерусалим, – нам еще предстоит большие битвы за Святую землю. Но после завоевания Иерусалима мы придем к вам и приведем в приготовленную для вас землю. Теперь же я могу только сообщить, что спасение близко».

Давид Реувени пробыл в Португалии не два, а четыре месяца, затем его посадили на корабль и выслали из страны. На юге Франции его арестовали; он пробыл в тюрьме два года и вышел на свободу после того, как местные евреи заплатили за него выкуп французскому королю.

Затем Реувени снова приехал в Венецию. Местные евреи приветствовали его как провозвестника скорого пришествия Мессии, а специальная комиссия венецианского сената даже рассматривала просьбу посланца царя Йосефа – отправить огнестрельное оружие в еврейское царство для совместной борьбы с мусульманами. Давид Реувени ездил по городам Италии, его сопровождала свита, и везде он обещал евреям скорое возвращение в Эрец-Исраэль.

Рассказ о нем будет не завершен, если не поведать о судьбе некоего молодого человека, которого звали Диогу Пиреш.

Диогу Пиреш

Он родился в 1500 году в Лиссабоне, в еврейской семье, насильно обращенной в христианство. Диогу получил прекрасное образование, и хотя был очень молод, занимал видный пост на государственной службе, – полагают, что он был секретарем у королевы. По всей видимости, отец Диогу тайно обучал сына: только этим можно объяснить тот факт, что он знал иврит, разобрался в каббале и в раввинской литературе.

Диогу Пиреш был поражен появлением Давида Реувени. Молодой человек с пылкой фантазией и склонностью к экстазу принял без оговорок его рассказы и решил, что это единственный путь спасти марранов, которых преследовала инквизиция. Они встретились, но Реувени принял Пиреша настороженно: очевидно, он полагал, что этот юноша может привести к непредсказуемому развитию событий.

После их встречи Диогу решил, что он еще не достоин расположения такого выдающегося человека, не доказал своей принадлежности к еврейской вере, а потому совершил сам над собой обряд обрезания. Он долго болел, с трудом оправился и вновь пошел к Давиду Реувени, чтобы служить его делу. Тот понимал, какая опасность грозит маррану за отпадение от христианства, знал, что и его ожидает наказание за соращение в иудаизм, а потому приказал Пирешу отправиться в Турцию.

Турецкие евреи приняли его с почетом; красота Пиреша, молодость, знания, готовность жертвовать жизнью ради заветов отцов привлекали всеобщее внимание. Он изучал каббалу, в минуты экстаза имел видения и предсказывал будущее; по просьбе своих последователей написал книгу о пришествии Мессии, приурочив его появление к концу шестого тысячелетия от сотворения мира.

Диогу Пиреш пробыл в Турции два года, переехал затем в Эрец-Исраэль, в город Цфат, и наконец решил, что должен убедить Папу Римского в будущем величии Израиля и добиться от него, чтобы прекратили преследования марранов. К тому времени он уже поменял имя и стал называть себя Шломо Молхо.

Шломо Молхо

Повинуясь внутреннему призыву, Молхо поехал в Италию, и у ворот Рима услышал таинственные голоса, предвещавшие падение этого города. Тридцать дней подряд Молхо сидел на Тибрском мосту неподалеку от Ватикана, посреди калек и нищих, – на том месте, по еврейскому преданию, должен находиться Мессия перед своим пришествием. Длительное воздержание от пищи не прошло бесследно: Молхо осенило откровение, и он предсказал во всеуслышание появление кометы, наводнение в Риме, наводнение на севере Европы и землетрясение в Португалии.

Молхо схватила инквизиция, но за него заступились кардиналы, а папа Климент VII, увлекавшийся астрологией и сверхъестественными явлениями, приказал освободить узника и выдал ему охранную грамоту. До исполнения своих пророчеств Молхо произносил мессианские проповеди в римских синагогах, воспламеняя слушателей, а затем отправился в Венецию, где снова встретился с Давидом Реувени. На этот раз тот его разочаровал, и он оповестил своих друзей, что именно он, Шломо Молхо, призван свыше к важной миссии.

Вскоре начали сбываться его предсказания. В октябре 1530 года река Тибр вышла из берегов и затопила Рим. Через месяц после этого Фландрия на севере Европы пострадала от наводнения. Еще через два месяца произошло сильное землетрясение в Лиссабоне и в других частях Португалии, а в завершение всего над римским небом появилась огромная комета, которую назвали кометой Галлея.

Слава Молхо была огромной; он с почетом вернулся в Ватикан и даже жил там. В это время приехала из Португалии делегация, чтобы получить папскую буллу на введение там инквизиции, но благодаря стараниям Молхо делегация потерпела неудачу.

У Шломо Молхо были враги среди евреев, которые опасались гонений из-за мессианских устремлений этого опасного человека; они перехватили его письмо, и за содержание письма Молхо приговорили к сожжению. Это случилось в 1531 году. Громадная толпа присутствовала на площади и видела казнь, но через несколько дней Молхо появился в Ватикане: по тайному приказу Климента VII сожгли другого заключенного, а Молхо пришлось навсегда покинуть Рим.

Он снова встретился с Давидом Реувени, и в 1532 году они въехали в немецкий город Регенсбург с развернутым знаменем, на котором были начертаны на иврите первые буквы выражения из Торы: «Кто, как Ты, среди богов, Г-споди?..» В Регенсбурге находился тогда германский император Карл V; очевидно, Реувени и Молхо предложили ему союз с еврейским государством против турок, но Карл V приказал их арестовать и отдать под суд.

Судили их в итальянском городе Мантуя, и Давида Реувени приговорили к пожизненному заключению. Возможно, его не казнили лишь потому, что тогда пришлось бы признать ошибку Папы Римского, наместника Б-га на земле, который поверил обманщику и даже рекомендовал его португальскому королю. Реувени отвезли в Испанию, поместили в тюрьму инквизиционного трибунала, где он скончался, вероятно, в 1538 году.

Шломо Молхо приговорили к сожжению за отпадение от христианства, приговор привели в исполнение в конце 1532 года.

«Реувени, князь Иудейский»

Книгу под таким названием написал Макс Брод в 1925 году, и на последних ее страницах есть описание гибели Шломо Молхо:

«Улицы были переполнены, и путь ограждался барьерами. На площадях, через которые проходила процессия, устроили возвышения. В домах прилегающих улиц все места у окон заранее распродали по высоким ценам. На площади, где оглашался приговор, воздвигли главную трибуну с ложей для императора, герцога Мантуи и инквизиторов <...>

Молхо был связан: опасались, как бы он снова, как это было однажды в Риме, не произнес какого-нибудь заклинания и не учинил побега. Когда он был уже привязан к столбу <...> его спросили, не хочет ли покаяться и отречься от своих убеждений.

Сохранились последние слова Шломо Молхо:

– Раскаиваюсь только в том, что в юности моей исповедовал ту религию. Душа моя возвращается в дом Отца, где ей приятнее, чем здесь.

Тогда затрещали в огне пучки хвороста <...>

Летописец Йосеф а-Коев пишет: “Б-г принял к Себе его чистую душу и бережет ее, как оберегают играющего ребенка”.

Далее он сообщает: все были уверены, что огонь не властен над Молхо, а потому он спасется и на этот раз. И какой-то еврей в Риме публично, под присягой, заявил, что через восемь дней после казни Шломо Молхо пришел к нему в дом живой и здоровый, а потом ушел и исчез.

Летописец отмечает также слухи, что Молхо каждую субботу посещает в Галилее свою невесту, и заканчивает свой рассказ такими словами: “Один Б-г знает это. Пусть же Он поможет мне написать, правда это или неправда”.

Такова судьба Молхо...»

Добавим к этому самую малость.

Невеста ожидает Молхо-провидца, что едет на ослике по Галилее. Вечная невеста, которую он посещает по субботам.

Любовь к ней дает ему прозрение с предсказаниями. Любовь спасает прорицателя от беды и костра.

Хупа – свадебный балдахин – раскинута на синагогальном дворе. Ждет раввин. Ждут свидетели, чтобы заверить брачное свидетельство. Ожидают семь почтенных мужей для прочтения семи благословений. Музыканты наготове с кларнетом, скрипкой, барабаном. Стакан, обернутый в фольгу, готов к тому, чтобы жених разбил его ногой – в память о разрушенном Храме.

Вечно влюбленный провидец ходит по Галилее.

Невеста, вечно его ожидающая, высматривает жениха из окна.

«Один Б-г знает <...> правда это или неправда».

Í îãã äëü ðàçì ùðëáí èü.

Шломо Молхо оказал заметное влияние на пробуждение мессианских чаяний у еврейского населения Европы; евреи Праги хранили (и хранят) его личные вещи и знамя, а некий каббалист из Италии предсказал, что Молхо непременно воскреснет и отомстит своим судьям. В центре Иерусалима, напротив резиденции президента Израиля, есть улица имени Шломо Молхо.

ПЕРИОДИКА В ФОКУСЕ

Украинский Холокост в кавычках и без

«Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі»

(«Холокост и современность. Исследования в Украине и мире»).

Научный междисциплинарный журнал. 2008. № 1 (3).

Цинично, но факт. Очередной сборник, посвященный Холокосту, вряд ли привлек бы наше внимание – слишком уж рьяно эксплуатируют эту тему постсоветские историки. Но киевский двуязычный (украинско-русский) журнал интересен прежде всего новым ракурсом старой проблемы. А именно – соотносением-отождествлением Холокоста с одной из величайших национальных трагедий XX века – Голодомором 1932–1933 годов. Ведь и такой титулованный автор, как Роберт Конквест, сравнивал голодающее украинское село с «одним грандиозным Берген-Бельзенем». И это – симптоматичный пример неосторожного «уравнения в правах» германского нацизма и сталинского тоталитаризма.

Против таких прямых параллелей выступают даже многие ученые, вполне разделяющие официальную точку зрения на «геноцидный» характер Голодомора. Так, д-р Станислав Кульчицкий, заместитель директора Института истории Украины, настаивает на нелегитимности использования понятия «украинский Холокост» в переносном значении. Ведь употребление этого термина – неуважение к украинскому Холокосту без кавычек, в огне которого сгорело более полутора миллиона евреев. К тому же отождествление Голодомора с Холокостом равнозначно утверждению, что украинцев в СССР преследовали, как евреев в нацистской Германии, что само по себе абсурдно. Более того, в 1919–1938 годах в республике проводилась политика «коренизации» (читай – украинизации), что никак не вяжется с обвинениями в «этнических чистках». И наконец, если речь идет о геноциде, необходимо сказать, какой народ уничтожал украинцев. Напрашивающийся злоеущий ответ на логичный вопрос, по мнению Кульчицкого, препятствует непредвзятому отношению к Голодомору.

О неприятии жителями Восточной Украины (предки которых, главным образом, и пострадали от голода 1932–1933 годов) попыток обозначить русских как врагов пишет и д-р Йорган Дитч. Из того же ряда – обвинения, звучащие из уст некоторых политиков (в частности, известного экс-диссидента Л. Лукьяненко), которые возлагают вину за Голодомор на «сатанинское» советское правительство, «контролируемое евреями».

Если проблема Голодомора во всех ее, в том числе «еврейских», проекциях благодаря СМИ находится в центре общественного внимания (и не только в Украине), то отношение к Холокосту в Молдове – тема до сих пор малоизученная. Между тем история и здесь стала заложницей внутривосточных разборок. В 1990-х молдавские учебные программы для школ и вузов подверглись основательной «румынизации», поэтому места упоминаниям о Холокосте в них не нашлось – в самой Румынии эта тема была тогда не в чести. Однако и изменения в отношении к данной проблеме в Румынии не откликнулись эхом в Молдове. Учебники, изданные в последние годы, также практически игнорируют трагедию Холокоста, тем паче – антиеврейскую политику Антонеску в Бессарабии и Транснистрии. Причина, по мнению Дианы Думитру из Кишиневского педагогического университета, – в оппозиции местных историков коммунистическому руководству страны. Если представитель «коммунистической» Молдовы в Совете Европы обвинял румын в том, что «молдавские антисемиты и ксенофобы вдохновлялись их учебниками», то большинство молдавских историков убеждены: изучение Холокоста неизбежно окажет услугу правительству, нанеся ущерб «национальным идеалам». Такой вот странный «цивилизационный выбор»...

Возможно, ревнители чистоты жанра удивятся, обнаружив в научном журнале, сертифицированном ВАКом, безыскусные (но не безынтересные) солдатские мемуары Леонида Котляра. Хотя без обращения к отдельно прожитой жизни не понять феномен Шоа, и в этом смысле субъективные (любая судьба субъективна) воспоминания не менее важны, чем материал Александра Круглова о «подвигах» айнзатцгрупп с подробным списком палачей и занимаемых ими постов.

Особняком стоит переведенная с идиша «Новая тяжба Лейви-Ицхока Бердичевского» Залмана Шнеура. Старая хасидская история о Лейви-Ицхоке, «судившемся» со Всевышним, после Холокоста получила особое звучание, породив множество подражаний.

Поскольку в редакционной преамбуле заявлено о намерении исследовать историю не только Холокоста, но геноцидов вообще, вполне вписывается в контекст номера статья о депортации румынских цыган в Транснистрию в 1942 году.

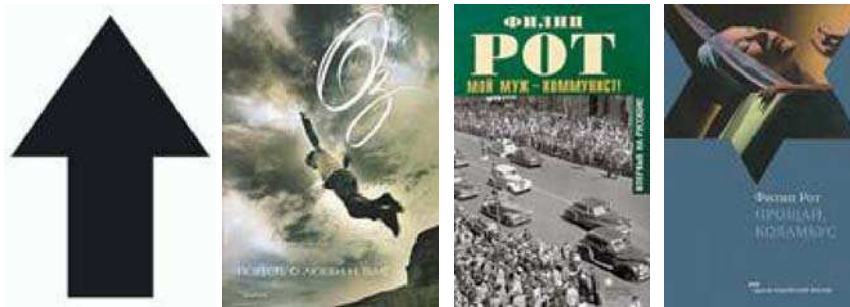
Весьма внушительен раздел рецензий и список последних изданий о Катастрофе. Труды, правда, сплошь англоязычные и малодоступные, но статус академического издания обязывает. И «Голокост і сучасність» с некоторыми оговорками (третий номер для журнала – не возраст) вполне «держит марку».

Михаил Гольд

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Na'atúy nò ààèò Áààèä Dî cáí mî

Российский рынок еврейской книги развивается, но если сравнить его с аналогичным сегментом, скажем, в Америке – стране, где есть устойчивый интерес к еврейской книге, – то мы увидим массу лагун. В американском книжном магазине практически в каждом разделе – кулинария, педагогика, быт – представлены книги с более или менее выраженной еврейской составляющей. Стилистически, содержательно они очень различны, от самых простых, даже банальных, до серьезных академических изданий. В России за последние годы ассортимент еврейских книг значительно расширился, но тем не менее практически в любом направлении можно обнаружить лагуны, подлежащие заполнению.

Любой издатель сталкивается с определенными трудностями. Продавать серьезные, интеллектуальные книги в той же Америке достаточно сложно. Там есть большие сети магазинов, постоянно растут продажи в Интернете, но при этом тираж в 5–7 тыс. считается неплохим, от 10 до 12 тыс. – хорошо, 15–17 – очень хорошо. Если же книга расходуется тиражом свыше 20 тыс. экземпляров – это уже бестселлер.

Посмотрим теперь на Россию. Здесь есть интерес к книгам разной степени серьезности, затрагивающим так или иначе еврейскую тему. Но в Америке очень широкая система книгораспространения, тогда как в России около 70–80% всех выходящих книг продается только в Москве и Петербурге. Советская система книготорга распалась, а адекватной замены так и не появилось – эта история всем известна. И поэтому даже если ты выходишь на рынок с книгой, про которую ты знаешь, что это потенциальный бестселлер, – довести ее до покупателя необыкновенно трудно. Это проблема номер один.

Если речь идет о переводной литературе – а она составляет значительную часть нынешнего ассортимента, – то неизбежно встает вопрос о качестве перевода. Издать по-русски книгу, написанную на иврите или на английском, – это не только время и финансы, это еще и профессиональный ресурс. Найти людей, которые могут «конгениально» перевести, и не просто перевести, а понять контекст, пояснить читателю «темные места» – это трудно.

Дальше возникает вопрос позиционирования книги на рынке – об этом на страницах «Лехаима» уже говорили Александр Гаврилов и Линор Горалик (2008. № 8, 9). Фонд Ави Хай, исполнительным директором которого в России я являюсь, начал

поддержку книгоиздания с детской серии и постепенно расширял диапазон своей деятельности. Наш самый известный издательский проект – это серия «Проза еврейской жизни». Но при всем его успехе я до сих пор не уверен до конца, правильно ли позиционировать ту или иную книжку именно как «прозу еврейской жизни». Печатать великую европейскую литературу – скажем, Примо Леви, Моисея Кульбака – или даже израильских авторов, подавая их именно в таком ракурсе, – это в некоторой степени может нас ограничивать. Не исключено, например, что какой-то дистрибьютор, специально подобной тематикой не занимающийся и не интересующийся, может из-за этого не взять книги на распространение, несмотря на то, что интерес читателей и покупателей к ним постоянно растет.

Когда мы продумывали серию «Чейсовская коллекция», куда входит еврейский нон-фикшн, то сделали все по-другому. Слово «еврейский» в названии не фигурирует, серия названа по фамилии первого спонсора. Новая детская серия называется «Кешет» («радуга» на иврите) – кто понимает, тот понимает. (В этой серии сейчас вышла книга замечательного идишского поэта Зиновия Телесина.)

Еще одна важная проблема для людей, работающих с еврейской книгой, – это промоушн и маркетинг. Я все больше убеждаюсь, что маркетинг должен быть куда более агрессивным, нежели то, что мы имеем сегодня. В России очень много площадок, на которых проходит множество дискуссий по разным литературным, общекультурным, историческим поводам. И мы стараемся активно участвовать в таких мероприятиях: в этом году мы присутствуем на всех московских и некоторых российских книжных ярмарках, проводим больше презентаций и проч.

Другой важный момент, на который я хочу обратить внимание. В России идет активный рост числа пользователей Интернета. За последний год их количество выросло на 27%. До Америки, которая в этом аспекте мировой лидер, нам еще далеко – если в России около 30% населения имеет постоянный доступ к Интернету, то там эта цифра достигает почти 70%. Но во-первых, среди европейских стран Россия по этому показателю сейчас находится на первом месте, а во-вторых, здесь очень положительная динамика. Поэтому для продвижения книг еврейской тематики нужно использовать все наработанные технологии, связанные с книжной онлайн-торговлей.

Кстати, мне интересно, как изменятся продажи и вообще что будет происходить, когда полнотекстовые версии наших книг появятся в свободном доступе в Интернете. В ближайшее время мы планируем выложить в сеть 30–40% выпущенных нами книг. Многие тут упирается в копирайт, но те книги, которые мы не сможем выложить целиком, будем выкладывать фрагментами и отслеживать реакцию.

Непрост вопрос отбора книг для наших серий. Помимо многочисленных проблем, связанных с авторским правом, между участниками этого процесса постоянно идут споры, какие книги включать, какие нет. Более того, даже когда книга вышла, обсуждения все равно продолжаются. Но и это хорошо, так как генерирует дискуссию вокруг важных для еврейской культуры тем. Тут надо понять, что смысл «Прозы еврейской жизни» – показать еврейскую литературу разных стран. Поэтому нам важно, насколько тот или иной автор представителен для литературы своей страны.

Меня в Израиле как-то спросили, сколько книг планируется выпустить в этой серии. Я думаю, в «Прозе еврейской жизни» должны быть сотни книг, чтобы через литературу показать русскоязычному читателю все разнообразные формы еврейской

жизни, весь ее богатый мир. Нам важно показать литературу на русском, на идише, влияние иврита на современные еврейские общины...

«Чейсовская коллекция» была задумана как серия, внутри которой существует несколько тематических категорий, по которым распределяются издаваемые книги, – искусство, биография, история, язык... Пока что, после выхода первых семи-восьми книг, набор их может показаться эклектичным, но со временем, я убежден, наш выбор предстанет гораздо более объяснимым, а сама серия – четко структурированной.

Трудностей много, но достижений, которыми можно гордиться, тоже немало. Книги, которые мы издаем, представлены сейчас во всех крупных магазинах Москвы. В магазине «Москва» на Тверской в центре зала, где продается художественная литература, расположена стойка с рекомендуемыми книгами, и среди них стоит, скажем, роман И. Грековой «Свежо предание» из «Прозы еврейской жизни».

Наши издания широко представлены в интернет-магазинах, включая Озон. Да и не только наши. Я очень рад, что в крупных издательствах в хороших переводах выходят романы Филипа Рота, Майкла Чабона и Амоса Оза – «хедлайнеров» современной прозы. Очень важно, что все больше хорошо переведенных и качественно изданных книг теперь существует на русском языке.

Есть разные критерии, которые используются для определения успешности той или иной книги. Есть «холодный» критерий – это продажи. Здесь в лидерах Зингер, это естественно, это бренд. Очень хорошо разошелся «Русский роман» Меира Шалева – по нескольким причинам. Во-первых, название, во-вторых, очень помогла Людмила Улицкая, познакомившаяся с Шалевом и сделавшая с ним несколько совместных вечеров. Мы ожидали, что пятидесятитысячный тираж наших книг будет расходиться в течение трех лет. На самом деле он в среднем расходуется года за два. Важно, что у нас появились «серийные» читатели, – люди покупают одну книгу из серии и ждут, когда появится следующая.

Далее, есть критерий «теплый» – это рецензии. Но один из самых важных для нас критериев, самый «горячий», – это мнения самих читателей, то, что говорят в блогах и что мы слышим от людей на встречах и презентациях. Меня очень радует, что «Проза еврейской жизни», «Чейсовская коллекция», отдельные книги этих серий активно обсуждаются в «Живом Журнале». Информация о блоггерах, которые наиболее активно участвуют в таких дискуссиях, позволяет создать обобщенный портрет читателя еврейской литературы в России, что тоже важно для выработки маркетинговых стратегий.

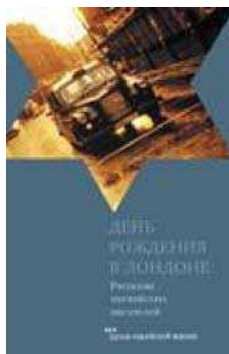
Когда мы запускали наши серии, то ставили себе целью дойти до самого широкого читателя – не посещающего синагогу, не участвующего в общинной жизни, не входящего ни в какие еврейские структуры. Нам очень важно, чтобы такой читатель мог в наших книгах найти то, что спровоцирует его интерес к еврейству, к национальной культуре, поможет ему сделать первый шаг на пути к познанию самого себя.

КАК DANDY ЛОНДОНСКИЙ ОДЕТ

День рождения в Лондоне.

Рассказы английских писателей

М.: Текст, 2009. – 250 с. (Серия «Проза еврейской жизни».)

Воспоминания бабушки Аделаиды, вышедшей замуж за красавца-католика на 15 лет моложе себя. Дочка еврея-знахаря, потчевавшего своих пациентов от всех болезней свекольным соком, лавочница и суфражистка, она считает себя «и еврейкой, и нет», но уверенно презирает бедных польских евреев-иммигрантов с соседней улицы. А другая состоятельная лондонская еврейская дама выказывает наигранный энтузиазм в помощи «бедному мальчику», спасшемуся из польских лагерей, пока этот «паршивый беженец» не покушается на ее дочь.

Неудачная авантюра «нахального еврейчика с окраины», возмечтавшего изжить свою шохетскую наследственность и проникнуть в лондонский бомонд: для обретения финансовой независимости он совершает дерзкое ограбление – на пару с ливанским арабом, выдающим себя за наследника иракского престола, – и оказывается в тюрьме. А вот другой молодой еврей, всю юность продрожавший от страха травли, выбивается в барристеры, научается по-лондонски интонировать, играть в гольф и правильно завязывать галстук и почти амнезирует свое происхождение, пока тетка в автобусе не называет его евреем, доводя тем самым до истерического припадка.

Небольшой прием в доме немецкой еврейки, бежавшей от Холокоста: сожаления об утраченном благополучии и респектабельности, радость по поводу получения компенсаций, очаровательно ломаный английский и кофе с яблочным штруделем.

Конфликт плотского вожделения и любовного чувства у закомплексованного еврейского подростка, которого, вырвав из его грез, жестоко избивают, потому что «вонючим евреям вход в парк воспрещен».

Обширнейшая коллекция изданий Андерсена, принадлежащая одному шанхайскому еврею – он отказывается продать ее датскому королевскому дому и бережет

как зеницу ока в память о своем погибшем в концлагере сыне, который, подобно стойкому оловянному солдатику, «сгорел дотла».

Сборник составили рассказы английских писателей еврейского происхождения: от всемирно известной Мюриэл Спарк, автора десятков романов и нескольких сборников стихов и малой прозы, и классика английской драмы Арнольда Уэскера, летчика и кондитера, сына истэндского портного, до ранее не переводившихся на русский Клайва Синклера, автора беллетризованной биографии «Братья Зингеры», и Рут Джабвала, польской еврейки, уроженки Кельна, в 1939 году бежавшей в Англию, а впоследствии вышедшей замуж за индийца и тридцать лет прожившей в Индии.

Можно говорить о том, что при всем разнообразии героев и сюжетов, отражающих смешанную идентичность и нетривиальные судьбы авторов, перед нами – характерно английская малая проза, динамичная, сдержанная и остроумная, вечернее чтение перед камином, за чашечкой чая и кусочком кекса.

Но нельзя не заметить, что из этого уютного нарратива, напоминающего внеклассное чтение из школьных хрестоматий, повсюду торчат нервные окончания межэтнических и межкультурных контактов и конфликтов. Причем, что наиболее полезно и познавательно, в некоторой хронологической перспективе. Познавательным это может быть для какого-нибудь современного наблюдателя, которого шокирует усиженный пакистанскими и иранскими семьями Гайд-парк и который думает (отражая торжество расовой парадигмы над этнической), что уж евреи-то с XVIII века неотъемлемая и полноправная часть британского общества. А вот ему, пожалуйста, предыстория: болезненный процесс интеграции оных евреев в оное общество, который закончился совсем недавно – да и закончился ли? да и каких евреев? – евреи разные бывают. И вот ему очерки субэтнической и социальной нетерпимости в еврейской среде, а то и нетерпимости внутриличностной, интернализированного антисемитизма. И все это культурно упаковано в лондонские котелки, «ягуары» и красные двухэтажные автобусы. Тщательно выверенная видимость, постепенно становящаяся органической сущностью.

Ааааа Аааа

Поиск идентичности

Карой Пап

Азарел

Пер. с венг. Ш. Маркиша

М.: Книжники, 2008. – 288 с. (Серия «Проза еврейской жизни».)

Роман Кароя Папа (1897–1945?) принадлежит к великой интеркультурной словесности Австро-Венгерской империи. Это весьма принципиально: книга написана по-венгерски, но может быть истолкована как принадлежащая к межъязыковой еврейской литературе или, если быть до конца корректным, металитературе. Впрочем, этот тезис не вполне очевиден.

Названный в издательской аннотации «единственным венгерским писателем еврейского происхождения, который приобрел известность между двумя мировыми войнами», Пап русскому читателю практически не знаком. Поиск в Рунете дает ссылку лишь на роман «Азарел», то есть на этот самый его перевод. Что, впрочем, ничего не доказывает – восточноевропейские литературы, увы, вообще, за редкими исключениями, у нас малоизвестны. Как бы то ни было, имеющаяся информация позволяет говорить о Папе как о «типичном представителе» – или, если угодно, «потаенном классике».

В связи с еврейскими писателями, писавшими на разных языках, неизбежно встает вопрос об их идентичности именно как сочинителей, а не частных лиц, или граждан, или людей, исповедующих определенную веру... В зависимости от того, что мы принимаем за основу идентичности, можно говорить либо о еврейском литературном интернационале, либо об авторах, принадлежащих к различным литературам.

Франкофонная словесность Квебека или Бельгии, многочисленные англоязычные литературные традиции, испанский и португальский в Латинской Америке, ряд менее известных феноменов все-таки привязаны к конкретному географическому пространству, да и то их самостоятельность относительно языковой метрополии сомнительна. Здесь случай обратный: рассеяние развело людей одной культуры по разным странам и языкам. Трагическая уникальность данной ситуации заставляет искать и особые подходы.

«Азарел», не будучи шедевром, интересен, в числе прочего, именно с этой точки зрения. Сюжет его прост: третий ребенок вполне умеренного в религиозном пафосе раввина отдан – без особого желания родителей – на воспитание фанатичному деду. После его смерти ребенок возвращается в семью, но не может преодолеть своей отъединенности от сложившегося, вполне мещанского уклада жизни родителей, брата и сестры.

Он не понимает простых, с точки зрения «нормального» человека, вещей, уходит в мир фантазмов, не может принять ни сугубо внешнего, начетнического извода веры, ни бытового прагматизма, ни социального неравенства, ни отдельности евреев и гоев. Это развивает в нем страх, манию преследования, желание самоубийства, ненависть к родным, одноклассникам, учителям и вообще окружающей его общине. Он впадает в умопомешательство, уходит из дома, находится на грани смерти и... в конечном итоге выздоравливает, примиряется с близкими, входит в обыденный социум.

Почти в самом конце появляется реплика главного героя (повествование все время ведется от его лица): «Я был болен и все забыл». Ее вроде бы следует понимать как заявление о возвращении в нормальную жизнь, но в то же время и как иронически-горькую форму самозащиты, окончательно расщепившую «я» «правильного» еврея и «я» пророка, сказочника, безумца, странника, окончательно разорвавшую ту идентичность, что уютно себя чувствует лишь до постановки некоторых крайних вопросов.

Не зная венгерского и не имея возможности судить об оригинале, отмечу блестящий текст, получившийся у переводчика, Шимона Маркиша. Этот, в общем-то, однообразный, унылый, затянутый монолог он расцвечивает подлинными стилистическими блестками (особенно хороши фантазмы и видения главного героя, как и сами моменты остранения, честного непонимания им закономерностей текущей вокруг него социальной жизни). Да и передача детского сознания на высоте. Иное дело, само послание остается двусмысленным: неясно, видит героя автор победителем или проигравшим.

Ааіеа Аааіа

ИСТОРИЯ ИСТОРИКОВ

Проблемы еврейской истории. Ч. 1.

Материалы научных конференций центра «Сэфер» по иудаике

М.: Книжники, 2008. – 498 с.

Академическая иудаика на постсоветском пространстве давно не казус, а процесс, имеющий свою собственную историю. Неизменным мотором этого процесса служит московский центр «Сэфер» и его конференции: зимняя «взрослая» и летняя «детская», то есть для студентов и аспирантов. Впрочем, эта «сегрегация» давно уже действует только в одну сторону, так как многие «дети» активно выступают на ежегодной «взрослой» конференции. Зимняя конференция (в 2009 году она прошла уже в шестнадцатый раз) – традиционная кульминация академического года в российской иудаике.

Центр «Сэфер» был задуман его создателями не только как академический форум, но и как «питомник», терпеливо выращивающий «русскую» иудаику. Поэтому почти всякий, кто проявил интерес к «еврейской науке», мог рассчитывать и на доклад, и на его последующую публикацию. Такая позиция многим кажется спорной, особенно в последние годы, когда «кастинг» завершен и давно известно, who is who в отечественной иудаике. Не обсуждая выбранную «Сэфером» стратегию по существу, замечу, что благодаря отсутствию строгого отбора труды «сэферовских» конференций станут в будущем незаменимым источником для исследователя, который захочет написать историю иудаики на постсоветском пространстве.

Он увидит, в частности, что одни направления (например, изучение истории евреев России) бурно прогрессировали, а другие (изучение литературы на идише или еврейского искусства), несмотря на отдельные яркие работы, топтались на месте. Объяснением тому служат разные причины. С одной стороны, сказывается наличие сложившихся еще в советское время научных школ, которые сумели использовать свой опыт и наработанную методологию при работе с новым материалом. С другой – мощный импульс некоторым направлениям придали работающие в них яркие исследователи. И все-таки всего не объяснишь. Почему, скажем, славная своими традициями российская филология не смогла реализовать себя в изучении еврейской литературы? Б-г весть.

«Сэферовские» тома – это не только сборники статей, это документы эпохи, отпечаток ее духовных интересов, успехов и неудач. Не стал исключением и первый том материалов конференций за 2007 год. В нем есть все то, о чем сказано выше, но заметны и определенные изменения. Книга выглядит гораздо солиднее предыдущих «сэферовских» изданий, и этому можно было бы только радоваться, если бы не одно пугающее обстоятельство: впервые за много лет сборник вышел в свет не через год, а через два после конференции, и из анонсированных трех томов перед нами пока только один. Известно, что два других уже в типографии и их выход задержали финансовые затруднения. Желаем «Сэферу» их скорейшего преодоления.

Сборник «Проблемы еврейской истории» посвящен светлой памяти англо-американского историка Джона Клира, классика историографии евреев в России, учителя, коллеги и друга многих из тех, кто «собрался» под обложкой этой книги. Сборник открывает интервью с ним, где он, между прочим, рассказывает о начале своего научного пути в 1970-х годах: «В то время историей евреев России в Америке занималось человек пять». А в СССР, по крайней мере официально, не занимался никто. И вот по прошествии 30 лет перед нами толстый том, отражающий только русскоязычный сегмент историографии евреев России и только за год.

Впервые материалы двух конференций, «общей» и молодежной, объединены под одной обложкой. Это решение, быть может вызванное организационными или финансовыми причинами, кажется неудачным. Как уже было сказано, труды конференции – сами по себе исторический документ, отражающий то, что на этой конференции

звучало. Принятый способ публикации не позволяет разделить доклады разных конференций. Случаются и откровенные накладки. Петербургский историк Ольга Минкина, выступавшая и на той и на другой конференции, оказалась представлена двумя статьями (обе, впрочем, превосходные), что кажется несколько странным.

Еще одна неприятность, вызванная объединением, связана с тем, что традиционная «разношерстность» уровня публикаций, свойственная «сэферовским» сборникам, от такого подхода только повышается. Конечно, многие из «молодых», получившие профильное образование по иудаике, владеющие ивритом, идишем, европейскими языками, давно и закономерно превзошли своих учителей. И тем не менее соседство студенческих и профессорских работ выглядит иногда странно. Кроме того, неизменная «сэферовская» снисходительность привела под красивую обложку статьи, публикация которых непозволительна даже в «молодежном» сборнике. Это либо элементарная компиляция, как, например, статья Е. Цибульской, либо компиляция с элементами плагиата, как статья И. Муратова.

В обсуждаемом сборнике, как и в предыдущих, велика доля описательных работ, построенных на материалах местных или центральных архивов, столичной или региональной прессы. Сама по себе эта деятельность, вводящая в оборот новые материалы, необходима и почтенна, но особых эмоций не вызывает. Значительный блок, по давней традиции, составляют также краеведческие исследования, посвященные истории еврейских общин того или иного города.

Традиционно высокопрофессионально выглядит подборка статей, посвященных хазароведению. Эта отрасль медиевистики, имеющая давние корни в отечественной науке, нашла себе в иудаике удачную «рамку», но осталась по существу самостоятельной дисциплиной. Собственно к иудаике, в узком смысле слова, относятся далеко не все «хазарские» штудии.

Подлинным украшением сборника являются статьи, в которых новый материал сочетается с постановкой и анализом той или иной проблемы. Среди них – интересное исследование Т. Хижей о контактах субботников и евреев в первой половине XIX века. Лучшие работы выполнены на стыке научных дисциплин. О. Минкина в статьях о взаимоотношениях евреев и власти в начале XIX века в России активно использует методы культурной антропологии и фольклористики. А. Иванова, анализируя репрезентацию еврейской аграрной колонизации в советской агитфотографии 1920–1930-х годов, сталкивает несколько исследовательских стратегий (от традиционно-исторической до искусствоведческой) и создает убедительный образ эволюции еврейской темы в советском фотоискусстве.

Постсоветская иудаика исчерпывает одни темы, отбрасывает другие и открывает для себя новые. За этой эволюцией можно и нужно с интересом следить, читая сборник «Проблемы еврейской истории».

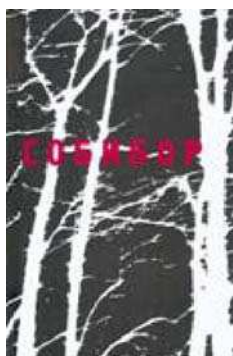
Ààààé Àùì øèö

К 100-летию Александра Печерского

Собибор

Сост. С.С. Виленский, Г.Б. Горбовицкий, Л.А. Терушкин

М.: Возвращение, 2008. – 264 с.

Обычно мы слышим о Холокосте как о жестокой деловитости одних и пассивной обреченности других, мартирологе с перечислением: такое-то место – такие-то даты – столько-то погибших. Холокост – история уничтожения и унижения, выживания и сопротивления, причем сопротивление заключалось главным образом в том, чтобы вопреки воле палачей сохранить человеческий облик. Более решительное и организованное сопротивление, побег и тем более массовые восстания в лагерях – все-таки редкость, случай исключительный, а уж удачные восстания и побег – и вовсе уникальный. Восстание в Собиборе представляет собой такое исключение, ставшее возможным в значительной степени благодаря Александру Печерскому.

Выпускник музыкального училища и работник Дома культуры, человек в общем-то штатский, которого солдатом сделала война, Печерский неожиданно оказался тем самым лидером, одно присутствие которого способно вдохновить людей, внушить им надежду на победу и веру в свои силы, – и это несмотря на то, что с некоторыми заключенными он даже не мог общаться без переводчика. Он сумел организовать людей, примирить разные интересы, в нужный момент принять правильное решение, мгновенно оценив ситуацию: достаточно сказать, что от его приезда в лагерь до восстания прошло чуть больше трех недель. За это время растерянные, деморализованные, безоружные евреи-заключенные стали организованной слаженной силой и вырвались на волю. Перед Печерским встала новая проблема, которую как ни решай – выйдет плохо: ведь невозможно сохранить незамеченными в лесу несколько десятков человек. И он принял жестокое, но единственно возможное решение: разделиться на малые группы в соответствии с происхождением (вернее, с родным языком) беглецов. «Русские» будут пробираться к своим, «поляки» – выходить к партизанам или искать убежища по деревням. Печерский даже не смог огласить это решение – ведь никто не нашел бы в себе мужества принять его и рассеяться по лесу спустя всего несколько часов после того, как они, вместе всё подготовив, в назначенный день убили эсэсовцев и охранников и обрели свободу. Пришлось просто бросить «поляков» и уйти с небольшой группой.

Большую часть бежавших поймали, но кое-кому удалось перейти линию фронта или примкнуть к партизанам. Один из выживших («поляк» Томас Блатт) стал историком и через много лет встретился с Печерским и с одним из эсэсовцев, которому повезло: в момент восстания он отсутствовал. Странная параллель: обоих после войны ждало заключение, а потом – тихая незаметная жизнь. Немец отсидел 16 лет и работал театральным осветителем. В интервью с историком он спокойно и неохотно говорил о прошлом, отмечая, что весьма сожалеет о том времени. Он, конечно, и не вспоминал, как упивался, чувствуя себя полным повелителем этих жалких заключенных, назначая задание – расколоть за определенное время пень, причем сам стоял рядом с секундомером, и наградой за выполнение задания была сигарета, а наказанием за невыполнение – смерть. И вряд ли он вспомнил задыхающегося, с еще дрожащими руками заключенного над только что расколотым пнем, мрачно отказывающегося от сигареты: «Я не курю». Это был Печерский.

Печерский просидел гораздо меньше эсэсовца, но этого срока оказалось достаточно, чтобы арестованный вместе с ним его брат, диабетик, умер в тюрьме. А потом – невозможность найти работу, клеймо «почти предателя». Только страх властей перед международной популярностью героя Собибора помешал обычному ходу репрессивной машины. Удалось даже издать воспоминания Печерского «Восстание в Собибуровском лагере».

Но особой популярности ни имя Печерского, ни тем более история еврейского героизма не получили до самой перестройки. Вышли две популярные книжки с не слишком солидной фактографической базой, но зато (требование цензуры) очень тщательным избеганием слова «еврей» и упоминаний о последующей судьбе главного героя. Теперь этот «пробел» восполняется подробной, написанной на основе документов и воспоминаний непосредственных участников событий книгой.

Ї єіієє Єєі єєі

«Все в этой книге – правда»

Анатолий Кузнецов

Бабий Яр

Киев: Саммит-книга, 2008. – 368 с.

«Наказується всім жидам міста Києва і околиць зібратися в понеділок дня 29 вересня 1941 року...» Такие плакаты на серой оберточной бумаге, идеально стилизованные под сороковые роковые, появились несколько месяцев назад на

центральных улицах украинской столицы. Листовки такого же содержания молодые люди с красными повязками раздавали прохожим.

Лишь крохотная надпись внизу поясняла, что это – часть рекламной кампании нового издания знаменитой книги Анатолия Кузнецова «Бабий Яр».

Жестко? Возможно. Провокационно? Более чем...

Но результат налицо – книгу, изданную приличным по нынешним временам тиражом, книгу тяжелую и специфическую, сегодня найдешь не в каждом крупном книжном магазине. Была, говорят, разобрали... И это – лучший ответ тому шквалу гневных упреков в беспринципности и отсутствии чувства меры, который обрушился на издателей «Бабьего Яра».

Интересно, что вместе с русской версией «романа-документа» впервые (!) вышел и украинский перевод, сделанный, кстати, сыном писателя.

Авторскому изданию книги, которая, наряду со стихотворением Евтушенко, стала одним из первых произведений о трагедии Бабьего Яра, скоро исполнится 40 лет. Слово «авторское» принципиально важно, поскольку разрешенную в свое время к публикации в «Юности» кузнецовскую рукопись настолько изуродовали цензоры (да и тогдашний главред журнала Борис Полевой), что смысл многих глав изменился до неузнаваемости, а некоторые абзацы просто вызвали недоумение, поскольку предшествующие им эпизоды были вымараны...

Через несколько лет, летом 1969-го Кузнецов остался в Лондоне, куда был направлен в творческую командировку («по ленинским местам») для написания романа, приуроченного к 100-летию со дня рождения Ильича. Самым ценным в скромном багаже «невозвращенца» была фото пленка с рукописью «Бабьего Яра».

Настоящее издание соответствует полной «эмигрантской» версии, где курсивом выделены места, вырезанные при подготовке журнальной публикации, а в квадратные скобки заключены дополнения, сделанные автором в 1967–1970 годах.

Собственно, в этом курсиве и квадратных скобках – целая эпоха советской цензуры и писательской самоцензуры. Коллекция табу-фраз и табу-мыслей обо всем, что касается истории Великой Отечественной, немецкой оккупации, Холокоста и того, что принято называть «советской действительностью».

Висели красные немецкие флаги. Они были потрясающе похожи на советские, если их не развевал ветер. На советских красных флагах – серп и молот. На немецких красных флагах – свастика.

Отмечена и трогательная преемственность НКВД–Гестапо:

Взорвав Крещатик с магазинами и театрами, взорвав историю Руси – Лавру, НКВД, однако, оставило в неприкосновенности свой дом, словно нарочно для того, чтобы у гестапо были сразу же все условия для работы. Гестапо приняло и оценило такую любезность, немедленно разместилось за фасадом, и крики возобновились... При отступлении немцы подожгли соседние дома <...> университет, но оставили в неприкосновенности дом № 33. Сейчас в нем КГБ УССР.

Досталось и дворникам, хранившим ключи от «запертых квартир сбежавших партийцев и бюрократов. Они захватывали квартиры по пять-шесть комнат, принадлежавшие каким-нибудь секретарям горкома, полные невиданных сказочных вещей. В эти свои новые квартиры они стаскивали барахло со всех этажей, превращая их в подлинныя склады. Рассказывали, что один дворник... натащил к себе двенадцать роялей, ставя их в два этажа, один на другой».

И конечно, когда колонну евреев вели в Бабий Яр, в воротах и подъездах стояли жители и не просто смотрели, вздыхали, а – через запятую – «посмеивались или кричали евреям ругательства».

А уж такую крамолу, как «счастливики эти перелетные птицы, без всяких разрешений могут взять себе и полететь», просто нельзя было не купировать.

В одной из последних глав описывается, разумеется в квадратных скобках, как в одной деревне дети на голых, обледеневших трупах немцев катались с гор: «[Сизый, прямой, с мутными стеклянными глазами, труп на сильном морозе тверд до звона. Но сейчас мороз был слабый, и кучи невыносимо воняли]».

Жестко? Провокационно? Эпатажно?

Да, да и еще раз да. Но, как и предупреждал в первой строке первой главы автор, все в этой книге – правда.

А она не всегда елейно-благостна и эстетически безупречна...

Ī ēōāēē Āġēŷŷ

НАМ ТОШНО БЕЗ ДОВЛАТОВА

Александр Этман

На седьмой день: Рассказы

М.: Время, 2009. – 384 с.

Почти двадцать лет с нами нет Сергея Довлатова, и все это время он незримо присутствует среди нас, смущая коллег обманчивой легкостью своих текстов. Его популярность заразительна и провокационна. Кажется, что достаточно быть умным, ироничным, наблюдательным, пьющим, готовым ради красного словца не пожалеть друзей и близких родственников – и дух Сергея Донатовича непременно снизойдет на тебя и благословит. Ну а если ты еще вдобавок и еврей, и журналист, и приехал в Америку

на ПМЖ из Прибалтики, то от «рифмы» судеб уже никуда не деться: хочешь или не хочешь, но рассказы – и об эмигрантском настоящем, и о советском прошлом – тебе, голубчик, писать придется. А ну-ка, быстро к столу!

Костромин продолжал:

– ...и в это тяжелое для страны время мы, представители творческой интеллигенции, чувствуем необходимость еще теснее сплотиться под сенью Коммунистической партии Советского Союза...

– «Под сенью» – это плохо, – сказал я. – Сень может быть у дерева, и вас обвинят в сравнении КПСС с дубом.

– Спасибо, – холодно согласился Костромин. – Сделаем так: «под знаменами Коммунистической партии».

– Ты видел эти знамена? – разламывая конфету, спросил меня Юра.

– Нет, но они есть наверняка. Знамена есть у всех. Даже у нашей редакции есть свое знамя. В него недавно сморкался собкор «Литературки» по Латвии Жора Целмс.

Похоже на довлатовский «Компромисс»? Похоже. Александр Этман, работавший в рижской газете «Советская молодежь» (Довлатов до эмиграции работал в «Советской Эстонии») и ныне выпускающий в Чикаго газету «Новый Свет» (Довлатов в Нью-Йорке выпускал «Нового американца»), не просто движется путем старшего товарища, но старательно наступает в неостывшие следы. В книге рассказов Этмана можно обнаружить, помимо «Компромисса», отголоски еще и «Наших», и «Марша одиноких», и, конечно же, «Соло на IBM».

Справедливости ради заметим, что несколько раз автор честно пытается выбраться из-под довлатовской сени – и тогда возникают мучительно «серьезные» ностальгические рассказы, ложно-многозначительные, сюжетно невнятные и унылые стилистически («со сжимающимся от обиды сердцем она вспоминала себя тоненькой и юной...») – из рассказа «Квадрат Малевича»). Однако по преимуществу Этман все же стремится не разжалобить читателя, но насмешить.

Временами автору удастся более или менее точно воспроизвести довлатовскую манеру («Фотографию сына он выхватывал из бумажника быстрее, чем любой кобвой – револьвер из кобуры»), хотя он периодически сбивается с иронии на тяжеловесную грубость («Если бы сотрудники американских посольств пользовались прибором, измеряющим уровень глупости, и на основании полученных показателей выдавали бы визы, то, по меньшей мере, пятьдесят процентов иммигрантов ими бы не стали»). Но главная беда Этмана даже не в этом.

Довлатов делал литературу из окружавшей его повседневной жизни, с веселым цинизмом кукловода используя реальных людей в качестве персонажей вымышленных им историй. Этман, напротив, честно фиксирует «случаи из жизни», воображая, что достаточно описать реальный факт (просто забавный или идиотически забавный) – и литература сама в нем поселится. Вот скунс забегает в дом за полчаса до прихода гостей и делает атмосферу невыносимой («В мире животных»). Вот очень нетрезвый водитель на автомате пригоняет к себе в гараж полицейский автомобиль вместо своего («День Колумба»). Вот вор в супермаркете кладет кусок мяса под шапку, а сотрудник магазина

вызывает «скорую» к покупателю с окровавленной головой («Пирожок»). Вот добровольные грузчики заносят тяжеленный музыкальный инструмент не в тот многоэтажный дом («Рояль»). Каждая из таких историй занимает по нескольку страниц. Это не моментальные фотографии, а монументальные анекдоты – словно газетная работа не научила автора хотя бы краткости.

Впрочем, есть случаи, когда и краткость – ничему не сестра. В этом легко убедиться, прочитав заключительный раздел книги, эдакий мини-словарик «Эмиграция от А до К». Джордж Буш, Брежнев, супермаркеты, водка, закуска, еврейский вопрос... Всего одна цитата: «На что мог рассчитывать иной раввин в Советском Союзе? На зарплату инженера, которую нужно было отдавать русской маме? А тут для нашего раввина раскрываются поистине неограниченные возможности, потому что, в отличие от Советского Союза, тут тебе и обрезания, и бармитцвы, и хупы, и похороны, да и праздников – вагон и маленькая тележка. Знай только нож держи заточенным, а тору – под рукой. Деньги сами потекут»... Смешно? Гм. На этом фоне, пожалуй, даже рассказ про скусна пахнет вполне сносно.

Ἐνὶ αἰ Ἀδελοὶ αἰ

АНТИСЕМИТИЗМ ДЛЯ ЧАЙНИКОВ

Семен Резник

Мифология ненависти. Об антисемитизме – для всех

М.: Academia, 2008. – 100 с.

«Типичное заблуждение рационально мыслящих интеллектуалов состоит в том, что достаточно доказать, продемонстрировать подложность какого-то документа, и он перестанет кого-либо интересовать. История показала, что это не так».

Замечательные слова – правильные и обязывающие. Ибо, написав их в просветительской брошюре об антисемитизме, автор просто вынужден сказать за «А» неизбежное «Б». То есть – объяснить социально-психологическую природу антисемитизма. Явления опасного отнюдь не только и, возможно, даже не столько для евреев. Этого, однако, автор и не совершает. Вернее – начинает двигаться по указанной дороге, разбирая основные антисемитские мифы («Жида Христа распяли», «Кровавый навет», «Всемирный заговор» и «Еврейская пятая колонна»), убедительно демонстрируя их вневременную и страновую инвариантность, но на этом практически и останавливается. В результате получается опять же мифологическая какая-то картина:

ненависть к евреям как ничем, даже самими евреями, не обусловленная всегдашняя сущность. Б-жественной природы, похоже.

Кто-то, возможно, склонен так и считать – но вот убедить сколько-нибудь способного воспринимать убеждения человека в том, что антисемитизм бред, при таком подходе довольно сложно. Говоря по-простому, миф о всемирном еврейском заговоре, например, в содержательной части принципиально непроверяем по существу. Просто в силу своей логической структуры. На любой довод существует ответ, перекрывающий предшествующий аргумент за счет форсирования уровня конспирологичности. И победить его можно, лишь уйдя от прямого спора – за счет перевода обсуждения на материи, относящиеся к причинам циркуляции означенного мифа в массовом сознании. Это, конечно, некорректно логически, зато соответствует здравому человеческому смыслу, а потому имеет шансы на рецепцию. Хотя скрупулезное изложение перипетий создания «Протоколов Сионских мудрецов» отчасти и является шагом в указанном направлении. Но, повторяю, лишь первым шагом.

Тем не менее брошюра, в общем, полезная, ибо содержит довольно аккуратно расписанные и подпертые ссылками сведения по заявленным вопросам. Хотя... читаем, допустим, такое: «Дед Петра Павловича Шафирова крестился и стал Петром Филипповичем Шафировым. Его сын, Павел Павлович, был крещен уже при рождении... От этого брака и произошел Петр Павлович Шафиров». В действительности же Павла Павловича Шафирова родил не Петр Филиппович вовсе, а сам Семен Резник: согласно новейшим исследованиям (см., например, монографию Д. Серова «Администрация Петра I») такого человека просто не существовало, а Петр Павлович являлся сыном Павла Филипповича непосредственно. И подобных проколов, похоже, немало: так, потери Германии во второй мировой войне – до сих пор предмет дискуссии, но никогда не оценивались в 12 млн человек убитыми. На этом фоне неправильное написание фамилии известного историка русской церкви А.В. Карташева – суцая мелочь.

Все это вроде бы и не меняет смысла высказанного – но доверие подрывает весьма основательно.

Ἐὰν ὀμίησῃ

Прикладная экзотика

Сеймур Эпштейн

От кускуса – к каше. Репортаж с театра еврейских общинных действий

Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2008. – 336 с.

От пряного магрибского зноя – к вечной мерзлоте. От гостеприимных берберских шатров – к городам, прежде закрытым для иностранцев. От кускуса – к каше. Благодатнейший материал для публициста! Однако экзотические контрасты в «репортаже» Сеймура Эпштейна – лишь яркий фон. Куда важнее здесь контраст иной: великого прошлого и многообещающего будущего, медленного угасания и бурного возрождения.

Таковы «различия... между чарующей атмосферой обреченной на распад некогда великой древней еврейской общины Марокко и перспективной, хотя и требующей напряжения всех сил ситуацией, сложившейся в потерянной еврейской общине Советского Союза, которой, однако, вскоре предстояло обрести себя». Эти коренные различия накладывают отпечаток и на особенности местного менталитета, и на привычные общинные заботы, от соблюдения кашрута до вопросов финансирования. Основной вывод прост: какой бы благой ни была цель, универсальных путей ее достижения не найти.

Нужно сначала вникнуть во все местные тонкости, изучить привычки «аборигенов» и, возможно, даже «обновить» свои предпочтения («Так, прожив в стране [Марокко] некоторое время, я вдруг осознал, что мне трудно пройти из пункта А в пункт Б, не зайдя по пути в кафе, чтобы выпить кофе с молоком», – с улыбкой замечает Эпштейн). У самого автора подобного опыта набралось без малого двадцать лет: все эти годы он проработал в «Джойнте», занимая должности от консультанта до руководителя образовательных программ – которым уделяется особое внимание в книге.

В книге, которая выросла из отчетов, дневниковых заметок и просто воспоминаний. Эпштейн, конечно, не Эгон Эрвин Киш и не Джон Рид, да и сама тематика специфическая и к тому же чисто прикладная, «для своих», – не слишком разгуляешься. Но он прилежный наблюдатель и аналитик, открывающий за очевидными противоположностями взаимосвязи более тонкие. Например, марокканская культура ориентирована в основном на звучащее слово, а советские люди – книгочеи; и даже у роднящего их фатализма – разные истоки.

Кроме того, сложный материал обретает живое дыхание благодаря десяткам человеческих историй, пронзительных, трогательных, забавных. Чего стоит рассказ о творении кемеровских евреев – самодельных картонных тфилин. Или – одной строчкой – упоминание о том, как «пожилой еврей в Омске, полвека не видевший этрога, заплакал от счастья».

Русскоязычному читателю вообще будет интересен взгляд со стороны на постсоветскую terra incognita. Далеко не лучезарную: безрадостный, бедный, обшарпанный – список тусклых эпитетов можно продолжить. Всплывают в книге и достопамятные авоськи, и водка, и прочие унылые диковинки, в том числе почти кошачья способность людей приспосабливаться к любым условиям. В общем, что советскому еврею хорошо, то марокканскому – смерть. Такая экзотика.

Àcàà Nîèrî àí èí

КЛЮЧИ ЗЛАТОГОРОВА

Аааи еу Аоіаіеау

«..Не делай себе изваяния и всякого изображения того, что на небе наверху, и того, что на земле внизу, и того, что в воде ниже земли» (Шмот, 20:4) – это вторая заповедь, данная Моше. Запрет, немаловажный для еврейской традиции. Только недавно еврейские художники смогли позволить себе изображать человека не с головой животного или птицы, а с человеческой головой. Недаром традиция как любой живой организм претерпевает изменения, происходит взаимодействие между нею и искусством. Ибо искусство постоянно пытается расширить границы традиции, чтобы позволить существовать ей в новых формах. Григорий Златогоров человек, способствующий расширению этих границ.

Иллюстрация Г. Златогорова к сказке Хаима-Нахмана Бялика «Царь Соломон и Асмодей»

По образованию и призванию он книжный график. Его чувство книги явно уходит корнями в еврейскую традицию, благодаря которой народ Израиля получил имя «народа Книги».

Книжный график – это особая специальность. Оформление книги вообще сложнейшее искусство, требующее много сил, времени, соблюдения определенных правил. Средневековые рукописные книги часто создавались годами. К сожалению, людей, которые сейчас делают это по-настоящему хорошо, стало меньше. Творческая несостоятельность часто заменяется сегодня простотой работы с компьютером.

«Старая школа», по сути, была привержена минимализму. В связи с технологическими ограничениями оставались только простые средства. Но благодаря этому художники «старой школы» часто двумя-тремя штрихами, оригинальным шрифтом, одной-двумя красками очень точно раскрывали дух книги. Сейчас это, надо признать, уходит в прошлое.

Человек, занимающийся книжным делом, сочетает в себе две природы. С одной стороны, художественного дарования может быть недостаточно, потому что художник должен черпать вдохновение не только в собственном воображении, но и в книге,

которую ему приходится оформлять. То есть он вступает в «соавторство» с автором текста. Можно быть прекрасным художником, но, столкнувшись с книгой, которая задает правила игры, – не справиться с поставленной задачей. Дар Златогорова позволяет ему следовать этим правилам. Он – великолепный художник-график, своими работами бросающий вызов признанным мастерам. Например, оформляя и иллюстрируя сказку «Царь Соломон и Асмодей» Хаима-Нахмана Бялика, которая впервые вышла в 1923 году, он невольно вступил в соперничество с художником, делавшим ее в первой четверти XX века, Яковом Аптером. Тот использовал профильно-барельефный стиль, модный в начале века, восходящий к вавилонской традиции, и в связи с этим всего одну краску. Златогоров же, напротив, полихромен – он выдерживает колер средневековых книжек. С другой стороны, используя компьютерные технологии, добивается эффекта современности. Златогоров создал что-то свое, совершенно непохожее на Аптера. Возможно, после этого книга звучала несколько иначе: раскрылись иные грани в ее восприятии. (Известно, что издание 1923 года стало раритетным.) Стиль, в котором оформлена сказка о Соломоне и Асмодее в исполнении Златогорова, напоминает иллюстрации к средневековым еврейским книгам. Но это не повтор, а новый образ, рождающийся путем углубления в материал.

Рисунки Златогорова в этой книге – это сочетание штриха и акварели, ибо «графичность» сочетается с некоторой расплывчатостью, порой даже намеренной «недостроенностью», но именно благодаря этому иллюстрация обретает полноту. И в этом он в корне отличается от Аптера, который, бесспорно, хорош, однако идет по совершенно иному пути.

Однажды Златогоров даже выступил в качестве автора текста – проиллюстрировал книгу собственного сочинения «Кляксы-маляксы». Проект весьма интересный, действительно на добрую половину состоящий из клякс, в которых можно узнать и людей, и животных – короче говоря, самых разных существ. Забавно, что техника, почти как пятна Роршарха: в пятне можно увидеть все что угодно. Результат рождается случайно, но тем и интересен. Не художник создает нечто, а будто его берут за руку и показывают, что может из этого получиться.

Художнику выпало работать и в других жанрах: он оформлял книги и по истории евреев, и по иудаизму, делал поэтические книги, например, двухтомник, посвященный исследованию творчества и жизни Пауля Целана. Проиллюстрировал «Имя Розы» Умберто Эко в технике офортов, созвучных рисункам Густава Доре, «Божественной комедии» Данте.

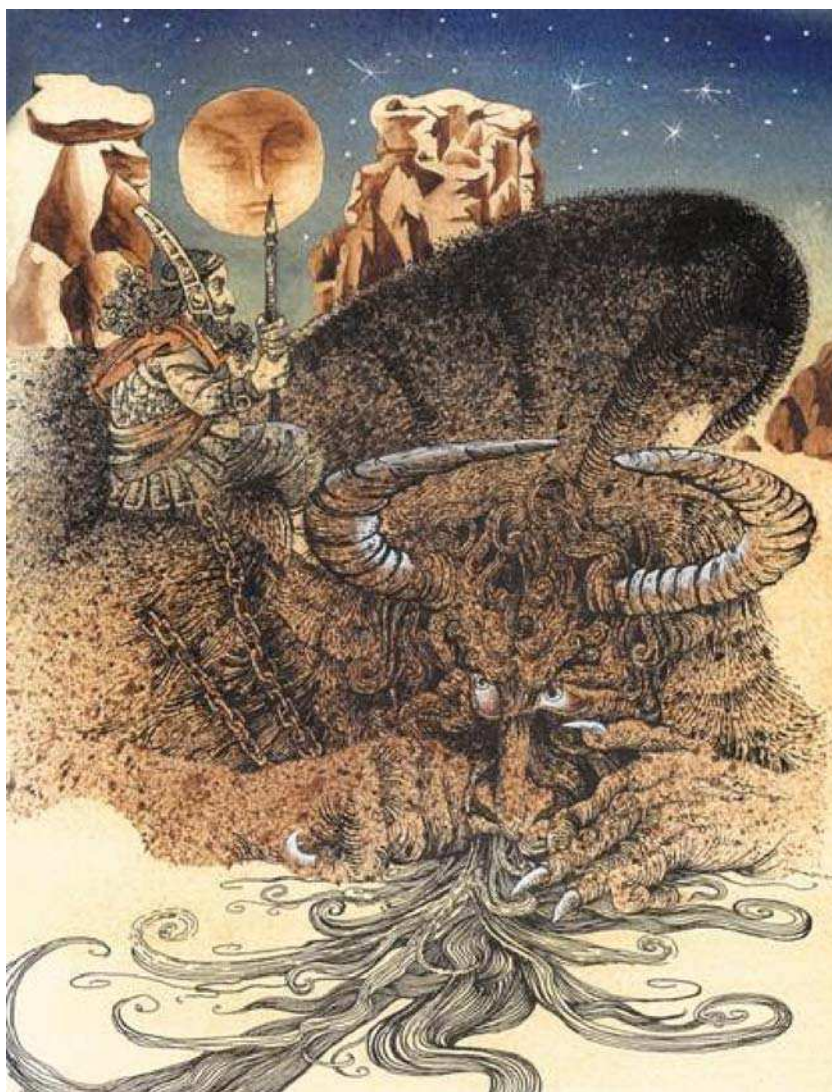

Иллюстрация к сказке Х.-Н. Бялика «Царь Соломон и Асмодей»

Но в связи с большим количеством заказов, при высокой плотности работы, художнику может просто не хватить воздуха для следующего вдоха, причем существует подспудный страх потерять свое «я». Тогда Григорий Златогоров от пера и бумаги переходит к другому сражению – работе с сопротивляющимся материалом, с металлом. Скульптурой Златогоров начал заниматься в последние три года.

Художник создал серию скульптур «Двенадцать колен Израилевых» по Пятикнижию. Он опирается на пророчества Якова, который благословил своих сыновей, предсказав судьбу потомству каждого из них.

У каждого есть яркие черты характера, которые будут передаваться из рода в род. Так, например, Йеуда наделен величием льва – и из его колена происходят цари («Молодой лев – Йеуда, от насильства ты, сын мой, удалился, преклонился, лег он, как лев и как леопард, кто посмеет потревожить его? Не отойдет скипетр от Йеуды, и законодатель из среды потомков его, пока не придет в шило и ему повинование народов» [Берешит, 49: 9-10], Иссахар – выносливостью и терпением осла, из его колена происходят ученые («Иссахар, осел костистый, лежащий среди заград. Увидев, что покой хорош и что страна приятна, он преклонил спину свою для ноши и стал преданнейшим тружеником» [Берешит, 49:14-15]. То есть в едином народе будут существовать

двенадцать совершенно разных типов. Яков предсказал это примерно во II тысячелетии до н. э.

Эта история – уникальный материал. Им и воспользовался художник. Он создал двенадцать разных типов людей и наделил каждый не только именем, данным ему Яковом, но и теми чертами, которые в точности этому типу соответствуют. Они проглядывают сквозь бронзу. Сопrotивляющаяся материя здесь, наоборот, помогает добиться характерности скульптур. Так традиция продолжает существовать.

Есть у художника серия «Клезмеры». Казалось бы, просто фигурки на подставках с надписями «Мазл Тов» или «Лехаим». Но не тут-то было. Оказывается, это крышки для рюмок. Рюмки – это теперь не просто объект для созерцания. Вот так человек вступает во взаимодействие с миром: для того чтобы налить и выпить, сначала надо открыть крышечку, с удовольствием повертеть ее в руках, хорошенько рассмотреть, а потом только произнести ритуальное «Лехаим!».

Клезмер с контрабасом

Серия «Еврейские праздники»: Пурим, Песах, Йом Кипур, Суккот

Художник выбрал довольно оригинальный способ «работы» с традицией: например, у него есть серия фигурок «Еврейские праздники»: каждая скульптура – определенный праздник. Каждый человечек снабжен предметами, без которых невозможно отправлять ритуал. А создавались эти скульптуры потому, что Златогоров никак не мог запомнить их названия и «решил проблему» наглядным способом.

Фигурки Златогорова – это не просто скульптура, каждая из них проживает свою жизнь, каждая исполнена с ювелирной точностью и большой любовью к деталям: ведь вся еврейская культура – как пазл – собирается из маленьких кусочков, каждый из которых уникален: даже самый маленький может стать ключом к ее пониманию. Скульптуры Златогорова – это много маленьких ключиков, и в каждом есть еще меньшие. Его работы – словно табакерка у Андерсена: любая, даже самая маленькая деталь выполняет свою функцию и находится на своем месте не просто так.

Для художника может существовать несколько источников вдохновения. Так случилось и со Златогоровым. Он черпает вдохновение, не только знакомясь с еврейской традицией через тексты, но и через фотографии тех, кто успел запечатлеть на фотопленке быт реальных местечек, например работы, сделанные Романом Вишняком. Тот снимал жизнь евреев в Восточной Европе во второй половине 1930-х годов. Уже тогда такого рода поселений оставалось немного. Пожалуй, нечто подобное можно обнаружить в Иерусалиме, в Меа Шеарим. Но это теперь явление уникальное, а тогда, в 1930-х, это был исчезающий, но все еще образ жизни.

Так что, когда рассматриваете скульптуры Златогорова, – приглядитесь. Есть в них что-то от человеческой повседневности, умиротворенности и размеренности. Ведь черта оседлости или местечко не предполагали суеты. Именно отсутствие суеты в творчестве Златогорова и подкупает. Не в последнюю очередь это связано с тем, что прадед Григория был ювелиром: специальность, явно требующая кропотливости и точности. Эти особенности прослеживаются и в его скульптурах: сложная работа, малейшее неверное движение может испортить все, и тогда ты вверяешься Промыслу. Ощущение этого Промысла замечательно видно в скульптуре «Под хупой» («Свадьба»), где повозкой, запряженной козлом, в которой отплясывают молодожены и стоит соединивший их раввин, управляет рука Всевышнего. И в этом чувствуется безграничное и даже трогательное доверие к миру, которое демонстрирует художник.

ОТ «ПОЛЬСКОГО МАНЧЕСТЕРА» К ОБРАЗЦОВОМУ ГЕТТО

Прогулки по еврейской Лодзи

Àèèòíðèÿ Î î÷àèîââ

Это была мешанина, свалка всех используемых каменщиками стилей, оцетинившаяся башенками, увешанная лепными украшениями, которые постоянно отваливались, разрезанная тысячами окон, полная каменных балкончиков, кариад, будто бы декоративных мансард, балюстрад на крышах, великолепных въездов, где швейцары в ливреях дремали в бархатных креслах, – и обыкновенных дыр, из которых уличная грязь лилась в страшные, похожие на навозные кучи дворы; магазинов, меняльных контор, убогих лавок, полных грязи и дешевого барахла; нищеты, которая влеклась по улицам с посиневшими губами отчаяния и колючим взглядом вечного голода...

**Владислав Реймонт.
Земля обетованная, 1899**

*Тон и облик придала городу фабрика, основной колорит создавали клубы дыма...
Город труб и грязи, дворцов и маленьких деревянных домишек, нищеты и миллионов, город тяжелой черной работы и пресыщения, земля обетованная для сотни и недобрый город для пятисот тысяч, о citta dolente, как же это получилось, что я полюбил тебя такой большой и сердечной любовью?*

**Юлиан Тувим.
Мое детство в Лодзи, 1925**

Так писали о Лодзи, подчеркивая ее контрасты, «блеск и нищету», нобелевский лауреат по литературе поляк Владислав Реймонт (1867–1925) и «князь поэтов» еврей Юлиан Тувим (1894–1953), связанные с нею своим происхождением. Оба они, как мы видим, использовали для описания этого города библейское выражение «Земля обетованная», однако его следует понимать отнюдь не в библейском, а в ироническом, как у Реймонта, или «капиталистическом» смысле (вроде того, который обычно вкладывают в слово «Клондайк»), связанном с внезапным головокружительным обогащением.

Мануфактура Познанских. Начало XX века

Вход в «Мануфактуру» Израиля Познанского

Итак, на этот раз мы отправимся в географический центр Польши, ее третий по величине город – Лодзь, происхождение имени которого не вполне ясно: то ли от фамилии Лодзиц, то ли от названия реки Лудка (ведь по-польски имя города звучит как Луджь), то ли от лодки, ладьи, которая и изображена на городском гербе.

Со времени первого упоминания Лодзи в источниках (1332) прошло почти семь веков, но слава пришла к ней не сразу – только в XIX веке, когда город внезапно становится текстильной столицей, «польским Манчестером». Именно тогда начинается промышленный расцвет города, который привлекает тысячи предпринимателей, рабочих, ремесленников и коммерсантов, в том числе еврейских, оживляется торговля, в первую очередь с Россией, обеспечивавшей высокий спрос на лодзинский текстиль. Как пишет Тувим, «в течение ста с чем-то лет количество лодзян увеличилось в 800 раз. В этой стремительности и разрастании было нечто нездоровое. Фабрики и мастерские множились почти в таком же соотношении. Лодзь тряслась в лихорадке растущих богатств, машины не поспевали, все поглощал ненасытный российский рынок». Бурное развитие и неслыханное процветание Лодзи длилось около века и оборвалось с началом первой мировой войны, а последовавшие за ней эпохальные события – революция в России и обретение Польшей независимости – совершенно изменили прежний статус города. Вниманию добровольного скитальца, склонного заблаговременно готовиться к

путешествию, можно предложить упомянутый «натуралистический» роман Реймонта, действие которого происходит в промышленной польско-немецко-еврейской Лодзи второй половины XIX века (три главных героя персонифицируют эти этнические составляющие города), или посмотреть снятый на его основе одноименный фильм Анджея Вайды (1974). Стоит прочесть и самый знаменитый роман Исроэля-Иеошуа Зингера – «Братья Ашкенази» (1936). В переменчивых судьбах его персонажей отразилась вся недолгая история бурного расцвета и упадка Лодзи, появления здесь немецкого и еврейского населения и его стремительного обогащения, доставшегося дорогой ценой – ценой отказа от ортодоксии, от традиционных ценностей, а также социальных и межнациональных конфликтов.

И польский, и еврейский романист, создавая, по существу, антикапиталистическую картину, рисуя облик «города желтого дьявола», вынуждающего менять подлинные ценности на мнимые, отразили и возникновение особого человеческого типа, *Lodzermensch*, «холодного, умного, готового на все», «ничего так не любящего, как богатство».

Памятник «Создателям промышленной Лодзи» на Петровской

Однако, разумеется, далеко не только циничные «лодзерменши» населяли этот город, он не был лишь контрастным сочетанием «голода голодных и сытости сытых», но имел еще одно измерение, и мы постараемся уловить в его атмосфере незримое присутствие многих замечательных людей, в том числе деятелей еврейского искусства. В Лодзи прожил большую часть своей жизни поэт Ицхак Каценельсон (1886–1944), здесь он основал еврейский театр «А-бима а-иврит» и сеть школ с преподаванием иврита. С Лодзью связаны имена выдающихся еврейских авангардистов, участников группы «Юнг Идиш»: Ицхака Браунера, Артура Шика, Марка Шварца, Янкеля Адлера и Моше Бродерзона, открывшего в Лодзи три еврейских театра, в том числе первый кукольный театр на идише.

Дворец Израиля Познанского

Жители Лодзи по-разному сохраняют память о своих выдающихся земляках. Например, в честь Юлиана Тувима в Лодзи проходят так называемые «Тувиналии», включающие чтение его стихов, карнавал – в костюмах тувимовских персонажей, выступления уличных оркестров и веселые театральные представления. Но едва ли не самым остроумным способом увековечить память о «великих лодзянах» стал одноименный проект, придуманный режиссером и актером М. Шитенхельмом: начиная с 1999 года, им ставят оригинальные бронзовые памятники без постаментов, прямо на тротуарах центральной улицы – Петрковской, растянувшейся почти на 5 км и считающейся самой длинной пешеходной улицей в Европе. Эти памятники задуманы таким образом, чтобы приблизить великих земляков к сегодняшним жителям города, создать – не без легкой ироничной игры – иллюзию контакта с ними, сокращения дистанции: бронзовый «Сундук Реймонта» изображает много путешествовавшего писателя сидящим на дорожном сундуке, где для любого желающего посидеть с ним рядом или сфотографироваться оставлено место, как и на «Скамейке Тувима», и за «Фортепиано Рубинштейна», и на «Кресле Ярача».

Синагога на Вольборской. Начало XX века

И лишь один-единственный памятник на Петрковской посвящен не людям искусства, а «Создателям промышленной Лодзи» – это групповой скульптурный портрет, представляющий заседание трех текстильных магнатов: Израиля Познанского, Карла Шайблера и Людвика Громанна. Первый из них – личность не только весьма заметная в промышленных кругах, но и оставившая впечатляющий след в городском ландшафте Лодзи, а также в истории ее еврейской общины. Унаследовав состояние своего отца, Калмана Познанского, который в 50–60-х годах XIX века был одним из виднейших лодзинских текстильных купцов, Израиль приумножил его и основал фабрику хлопчатобумажных изделий, где трудились около 10 тыс. работников, а затем превратил ее в одно из крупнейших в Лодзи акционерных обществ. Он уделял огромное внимание благотворительной деятельности, став, в частности, основателем Еврейской больницы, Большой синагоги «при Променаде» и Нового кладбища.

Имена еврейских промышленников, которым к 1900 году принадлежало уже 70% городских предприятий, будут не раз возникать во время прогулки по этой легендарной Петрковской улице, на давнем местном молодежном сленге – Петрине (если угодно, по ней можно проехать и на рикше). «Петрина кипит, – вспоминает Тувим горячечные времена текстильной лихорадки. – Гринберги, Гринфельды, Гринштейны и Гольдберги носятся по городу, как безумные, соскакивают с дрожек, вбегают в кафе, звонят по телефону, записывают, телеграфируют, едут, возвращаются, снова едут, записывают, подсчитывают: “финф ун цванцик... зибен ин драсик... хундерт ахцик”... Сто тысяч несущихся обезумевших Гринмахеров ввергают Лодзь в судороги гешефта. Это лихорадочное состояние лодзинской улицы на профессиональном языке называется “Дела пошли”».

Ни этой лихорадки, ни ста тысяч Гринмахеров не увидит в Лодзи сегодняшний путешественник, однако представление о былом процветании дает «история, застывшая в камне», архитектура. Поскольку город относительно молод, в нем нет памятников глубокой старины, но победоносная мощь и демонстративная роскошь торжествующего

капитализма отразилась в его архитектуре: во впечатляющих фабричных комплексах и пышно декорированных дворцах текстильных магнатов. Облик промышленной Лодзи во многом определили замечательные еврейские архитекторы: Давид Ланде и Густав Ландау-Гутентегер, получившие архитектурное образование в Санкт-Петербурге, и Адольф Зелигсон, один из архитекторов московского модерна. Зелигсон был школьным другом Морица Познанского, сына Израиля Познанского и зятя другого крупного магната, Маркуса Зильберштейна, и поэтому почти все здания, принадлежавшие этим двум семействам, построены по его проектам.

Одной из наиболее интересных работ Зелигсона была перестройка старой деревянной синагоги на Вольборской улице в экзотическом для Лодзи сочетании мавританского, византийского и неороманского стилей. Эта синагога, находившаяся в центре еврейского квартала и считавшаяся самым эффектным зданием города, до нас не дошла – ее сожгли в ноябре 1939 года, а в 1995 году на ее месте был возведен памятник, изображающий Моисея со скрижалями Завета.

В настоящее время многие фабричные здания используются в далеких от первоначального замысла целях – «Мануфактура» (1871) Израиля Познанского, одна из крупнейших в Европе, занимающая 27 га, стала гигантским торгово-развлекательным центром со своей особой «промышленной» эстетикой, «Белая фабрика» Людвика Гейера – Музеем текстиля. Впрочем, это не специфически лодзинская особенность, а общемировая тенденция нового использования старых промзон, известная и Нью-Йорку, и Москве («Гараж», «Винзавод»). В музеи превратились и пышные резиденции еврейских магнатов: в необарочном дворце Израиля Познанского теперь размещается Музей истории Лодзи, а в неоренессансном, стилизованном под венецианские образцы дворце его сына Морица – Художественный музей, с замечательным собранием современного искусства (в частности, работами Марка Шагала и художников группы «Юнг Идиш»).

Архитектор Давид Ланде, известный коллекционер произведений искусства и активный член еврейской общины, проектировал как жилые дома (например, особняк Давида Сендеровича на Петрковской улице, украшенный драконами и дельфинами и особо заслуживающий внимания путешественника-эстета), так и строения иного назначения. Относительно прежних функций элегантного здания на Петрковской со множеством колонн с капителями, где сейчас размещается художественная галерея, у историков нет единства мнений: некоторые полагают, что оно служило местом кошерного забоя птицы, а также домом молитвы, другие – настаивают на его торгово-складском характере. Ланде также проектировал здание Национального польского банка на улице Костюшко – самого большого в Польше памятника банковской архитектуры, в облике которого монументализм сочетается с изысканной декоративностью деталей, а также сецессионное здание электростанции на улице Таргова.

Густав Ландау-Гутентегер заслужил признание общины своими проектами синагог, самой ранней из которых и единственной сохранившейся в Лодзи во время войны стала частная синагога семьи Вольфа Рейхера. Владельцу удалось фиктивно передать ее своему немецкому деловому партнеру, который устроил там склад соли, что спасло ее от повторения судьбы всех прочих синагог города. Самому же Вольфу Рейхеру спастись не удалось – он погиб в гетто Литцманштадт (во время немецкой оккупации город Лодзь носил имя генерала Карла Литцманна, разбившего русские войска под Лодзью во время первой мировой войны), а единственный переживший Холокост член этой семьи передал здание общине. Сейчас синагога Рейхеров, обычно открытая в субботу и праздники, – одна из двух действующих в городе, наряду с небольшой синагогой, помещающейся в здании еврейской общины на Поморской улице.

Художественный музей

Среди знаменитых светских зданий в стиле модерн, построенных Ландау-Гутентегером на Петрковской, бывший Банк Вильгельма Ландау, ассиметричный неоготический особняк Шаи Гольдблюма с крылатыми монстрами, а также один из домов Оскара Кона, который ранее был Ошером из бедной хасидской семьи, а потом сделал типичную для Лодзи головокружительную карьеру, превратившись из ткача в предпринимателя, после чего, подобно Симхе Мееру из романа Зингера, в соответствии со своим лозунгом «богатый еврей перестает быть евреем», сменил имя и форму одежды.

В последние десятилетия особую известность приобрел дворец Кона на Торговой улице, где разместилась «кузница кадров» польского кино – Государственный институт кинематографии, телевидения и театра имени Леона Шиллера. Одним из ее создателей был Ежи Теплиц (1909–1995), на протяжении многих лет занимавший здесь пост ректора. В значительной степени благодаря ему, его коллегам и ученикам послевоенная Лодзь стала чем-то вроде интеллектуального центра Польши. Профессор Теплиц не только написал многотомную историю киноискусства, но и сам творил ее, и воспитал блистательное поколение учеников. Среди студентов этого Института были, в частности, такие создатели выдающейся «польской киношколы», как Анджей Мунк и Анджей Вайда, Януш Моргенштерн и Казимеж Кутц. В разные годы здесь на режиссерском учились Роман Полански, Ежи Сколимовский, Кшиштоф Занусси, Кшиштоф Кесьлевский, Адам Холлендер, на актерском – Януш Гайос и Барбара Брыльска, – всех перечислить невозможно. Однако на так называемой Аллее звезд можно увидеть имена многих знаменитых польских актеров, режиссеров и операторов, прославивших этот Институт и польское кино, – они вписаны в бронзовые звезды, вмурованные в брусчатку Петрковской улицы, рядом с Гранд-Отелем. Есть здесь и «звезда» Ежи Теплица с выразительной надписью: «Создатель киношколы». Однако она была установлена лишь после 30-летней паузы: в 1968 году в результате развернувшейся в Польше государственной антисемитской кампании профессор Теплиц вынужден был покинуть и свой пост, и страну. Неожиданным образом в выигрыше от антисемитской кампании в Польше оказалась Австралия, где его талант и знания оченьгодились: Теплиц не только возглавил Австралийский институт кино, телевидения и радио, но и способствовал становлению австралийской киношколы, используя опыт создания лодзинского Института и школы польского кино.

Здание Музыкальной академии

Находясь поблизости от Гранд-Отеля, самой известной и фешенебельной гостиницы города, где останавливались, в частности, Айседора Дункан, Игнаций Падеревский, Артур Рубинштейн, Жан Кокто, но также и Генрих Гиммлер, и Иосиф Броз Тито, следует вспомнить, что в проекте ее перестройки совместно участвовали Давид Ланде и Ландау-Гутентегер. Воздержусь от призывов поселиться в этом столетнем отеле, упомяну лишь, что его ресторан известен своей хорошей кухней. Уставшему от прогулки путешественнику можно посоветовать посетить располагающийся на этой улице сецессионный ресторан «Esplanada», исключительно популярный среди лодзян в то двадцатилетие, которое отделяло первую мировую войну от второй, или авангардистский паб «ŁL/o Ȯdz Ȯż-Kaliska», а одновременно резиденцию художественной группы с тем же названием (заимствованным у местной железнодорожной станции – «Лодзь Калишская»). Здесь неизменно бурлит богемная жизнь, устраиваются выставки и перформансы, а интерьер удивляет игрой венецианских зеркал. По инициативе члена этой художественной группы после 1990 года был создан Фонд Петрковской улицы, целью которого было ее возрождение, оживление и превращение в пешеходную зону. Предпочитающие кошерное меню могут посетить расположенное в здании еврейской общины Лодзи «Safe-Tuwim» на Поморской улице. Интерьеры кафе стилизованы под обстановку типичного довоенного еврейского дома, а блюда относятся к традиционной ашкеназской кухне (карп по-еврейски и пр.).

Мавзолей Познанских

Гуляя по городу сегодня, мы с трудом могли бы обнаружить следы внутриеврейских конфликтов, разгоравшихся в этой «Земле обетованной» между

ортодоксальными и «просвещенными», «прогрессивными», в значительной степени ассимилированными кругами, между хасидами (влиятельными в Лодзи были Александровские хасиды) и митнагедами. Ведь подавляющее большинство лодзинских синагог и домов молитвы (а в некоторых источниках приводится их общее число, превышающее 250, только на Петрковской было 30 домов молитвы) было разрушено во время войны. Но сохранившиеся документы проливают некоторый свет на это противостояние. Вот красноречивый отрывок из заявления 1879 года лодзинских буржуа во главе с тем же Израилем Познанским касательно строительства новой синагоги: «Оживленность города Лодзи в коммерческом и промышленном отношении увеличивает <...> число зажиточных и образованных лиц еврейского исповедания, которые соответственно своему умственному развитию, не следуя примеру и взгляду своих единоверцев-фанатиков и не имея возможности слиться с ними в одно целое, не могут <...> повлиять на уменьшение распространяющегося в высшей степени фанатизма, а между тем сами лишены возможности отправлять в общественной синагоге Б-гослужение и религиозные обряды...». Целью авторов заявления и спонсоров будущей «совершенно отдельной синагоги» было «уменьшение числа отсталых фанатиков» и «предоставление возможности образованному классу города Лодзи еврейского исповедания исполнять свои религиозные обряды <...> с требуемым приличием и усовершенствованием», то есть речь идет, разумеется, о реформистской синагоге, подобной уже построенной к тому времени в Варшаве. Эта поражающая великолепием синагога, вошедшая в историю под названием Большая, была построена в течение 80-х годов XIX века, посещать ее могла лишь элита, по специальным пропускам; в 1939 году она разделила судьбу практически всех лодзинских синагог – была сожжена, и на ее месте сейчас установлена памятная стела.

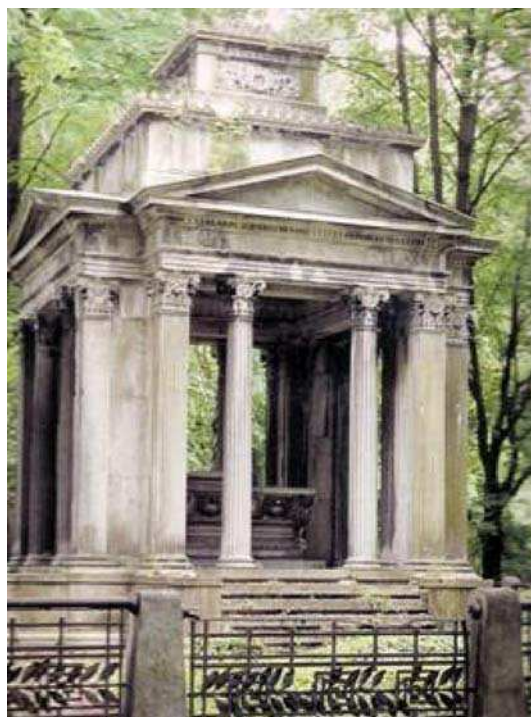
Но и позже противостояние различных кругов внутри еврейства, их взаимная отчужденность, если не сказать – враждебность, нисколько не ослабевали. Например, Юлиан Тувим, выросший в ассимилированной семье, до войны называвший себя «евреем-поляком», в своих «Воспоминаниях о Лодзи» (1934) с нескрываемым отвращением описывает лодзинских хасидов (вспомним, что до начала второй мировой войны каждый третий житель города был евреем): «Страшное множество черных еврейских “униформ”. Их носители употребляют чудовищный, хрипящий, к тому же наполовину – немецкий язык. Далекий, разумеется, от антисемитизма, я всегда был, есть и буду противником обмундированных бородачей и их древнееврейско-немецкого бигоса (странное сравнение, ибо так называется национальное польское блюдо, смесь мелко порезанной свинины с квашеной и свежей тушеной капустой; очевидно, здесь имеется в виду мешанина из дробных составляющих. – В. М.), а также вечного уродования польского языка. Давно пора, господа, обрезать долгополые лапсердаки и завитые пейсы, а также научиться уважать язык народа, среди которого вы живете. Черный хасидский сброд остался в воспоминаниях о старой Лодзи как кошмар». Надо заметить, что хасиды платили Тувиму той же монетой. Однако перед лицом Катастрофы европейского еврейства эти конфликты померкли. Тувим, ранее дистанцировавшийся от еврейства, во время войны выступает с пронзительным манифестом «Мы, польские евреи», идентифицируя себя со своим народом на основании не той крови, «что течет в жилах», а той, «что течет из жил».

Аллея Памяти жертв Лодзинского гетто

В 1940 году в районе Балуты было создано Лодзинское гетто, по замыслу Геббельса – образцово-показательное, где находилось более двухсот тысяч человек. После его кровавой ликвидации в живых осталось 877 человек. История этого долее всех просуществовавшего (до сентября 1944 года) гетто описана и изучена, хотя до сих пор обсуждается политика главы юденрата Хаима Румковского, вынужденного сотрудничать с немецкой администрацией. Сейчас у бывшей станции Радогош/Радегаст, откуда уходили составы из гетто в Освенцим, возведен мемориал (Аллея Памяти жертв Litzmannstadt Getto).

Оказавшись в Лодзи, нельзя не посетить поражающее своей внушительной и печальной красотой самое крупное в Европе (42 га) лодзинское еврейское кладбище у Братской улицы, так называемое «Новое» (основанное Израилем Познанским в 1892 году). Архитектор А. Зелигсон спроектировал и пространственную композицию этого кладбища, и огромное здание предпогребальных приготовлений. Будучи автором проектов дворцов для Познанских и Зильберштейнов, он выполнил и их последний заказ, спроектировав грандиозную сецессионную усыпальницу (1900) семьи Познанских из мрамора, чугуна и серого гранита, украшенную венецианским мозаичным плафоном (из 2 млн квадратиков цветного стекла). Подобно тому, как можно вчитываться в историю еврейской общины Лодзи, осматривая здания городской застройки, дворцы Петрковской улицы, на этом кладбище можно прочесть ее не менее впечатляющие завершающие страницы. На кладбище поставлен памятник жертвам Лодзинского гетто, около сорока тысяч из них захоронены на отдельном большом участке – «Поле гетто», ухаживать за которым приезжают молодые люди из Израиля, США, Германии.

Мавзолей Зильберштейнов

Евреи, столь стремительно заселявшие Лодзь в XIX веке, покидали ее в XX-м – эмигрируя из-за трудностей существования в условиях экономического кризиса, или в результате волн погромов, или улетаая с дымом печей лагерных крематориев. Последний массовый исход произошел в 1968 году как реакция на разгул антисемитизма. Но есть и такие, кто не покинул Лодзь, несмотря ни на что. В Лодзи живет совершенно необычайный человек – пан Марек Эдельман, бундовец, второй и последний (после самоубийственной смерти Мордехая Анелевича) руководитель восстания в Варшавском гетто, спасшийся в числе немногих, затем принявший участие в Варшавском восстании 1944 года, а в социалистической Польше – в движении «Солидарность». Сейчас пан Марек – автор многих книг и кавалер многих орденов, а в 1942 году он был 20-летним еврейским мальчиком, ставшим одним из основателей Еврейской боевой организации.

«Хороший город, откровенный город! Во всей Европе вы не найдете ни такой злобы, ни такой воли к жизни, ни такой тоски», – написал посетивший Лодзь Илья Эренбург («Люди, годы, жизнь»).

CREDO, QUIA ABSURDUM...

Àëàëñ Ðàì'í'íðò

Режиссер Лина Чаплина

«Йоэль, Исроэль и пашквили»

Израиль, 2006

Киноклуб «Двар Тора» при Еврейском культурном центре на Никитской существует около полугода, руководит им журналист и религиовед, постоянный автор «Лехаима» Юрий Табак. 10 мая в Киноклубе состоялась российская премьера фильма «Йоэль, Исроэль и пашквили». Автор – известный израильский документалист Лина Чаплина, выпускница ВГИКа, совершившая алию в середине 1970-х. Режиссеру Л. Чаплиной удалось невозможное: она снимала в квартале Меа-Шеарим, интервью ей давали члены общины «Нетурей карта». Сама режиссер так вспоминает об условиях, в которых пришлось работать: «Представители этой ультраортодоксальной группы <...> вместо средств коммуникаций используют “пашквили”, напоминающие стенгазету. Когда мы прибыли в иерусалимский район Меа-Шеарим, люди закрывали лица, бросали в нас камни и писали в своих “пашквильях” о том, что сниматься в кино – огромный грех. Но, как всегда, находятся отщепенцы, вот о них-то, собственно, и снят фильм».

Те, кто живет в Иерусалиме и соседствует с Меа-Шеарим, наслышаны о «Нетурей карта». Самоназвание означает «стражи города», адепты общины придерживаются воззрений, распространенных в ашкеназской ортодоксальной среде в конце XIX века, в период зарождения новой еврейской идеологии – сионистского движения.

Конфликт между ортодоксами и сионистами, видящими друг в друге конкурентов, – война за умы. Она идет уже более ста лет. С тех пор как война началась, возникли разновидности иудаизма, стремящиеся адаптировать строгие религиозные установки к требованиям современности, к защите Государства Израиль от внешних

врагов и к поддержанию порядка внутри его границ. И только адепты «Нетурей карта» ни на шаг не подвинулись в своих воззрениях. Государства не признают, не имеют израильских документов, гражданства, вида на жительство, не отдают детей в государственные школы, не служат в армии («ЦАХАЛ – сионистская армия», «сионизм» – ругательство).

Фабула этого документального фильма обозначена в названии. Йоэль и Исроэль – члены общины, конфликтующие между собой. Йоэль допускает вольности, приближающие его к современным израильтянам. В частности, он не прозябает на иждивении, а активно зарабатывает (кому из малоимущих соседей такое понравится?) и платит налоги сионистскому государству (это уже преступление, другие ведь не платят...). Исроэль, один из идеологов общины, его осуждает. Отношения они выясняют, вывешивая на стенах квартала отпечатанные типографским способом «пашквилем», или «да-дзы-бао», по-русски говоря. Исроэль, историк и идеолог «Нетурей карта», понимая, что компромиссы неизбежны, допуская их для своих детей, говорит: «Поезд прогресса остановить невозможно. Но мы хотим быть в последнем его вагоне».

«Пашквили» служат не только для выяснения отношений внутри общины. Они – способ общения с внешним миром. На пашквиле из Меа-Шеарим можно, например, прочитать: «Мы готовы смириться с властью арабов над Иерусалимом, лишь бы сионистское государство перестало существовать».

Не имеющий прецедента документальный фильм о «Нетурей карта» не склеен из старых хроник, а снят на улицах и в домах членов общины. Они сами, без посредника, без голоса за кадром излагают свою позицию. Лина Чаплина снимает как документалисты «новой волны» (В. Манский и участники организованного им фестиваля «Артдокфест»). Она дает высказаться мужчинам, женщинам, детям (эти еще не умеют притворяться и выбалтывают все), никак не комментирует их слова, минимально демонстрирует свою позицию. Не очищенный от помехов звук доносит посторонние голоса, уличные шумы, чьи-то шаги, лязг замка, скрип открываемых дверей. Камера проникает в дома ортодоксов, впервые показывает их быт, расположена она на уровне глаз, преобладают «длинные планы», а не рваный монтаж. Операторская подача совпадает с человеческим восприятием и создает иллюзию присутствия. С первых кадров зритель вовлечен в конфликт между героями, которые, чередуясь, доказывают в камеру свою правоту. Чаплина не делает резюме, оставляя это зрителю.

Один из напрашивающихся выводов состоит в том, что страна, допускающая такую критику в свой адрес, необычайно сильна и сбалансированна. Устойчивость ее, как ни парадоксально, обусловлена возможностью сосуществования взаимоисключающих точек зрения. Если же обратиться к исторической перспективе и рассмотреть протяженные отрезки времени, можно заметить, что более жизнеспособно не монолитное, а полицентричное и мультикультурное общество. Выигрывает не единство, а многообразие.

ТАМ, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ АНЕКДОТЫ

Аאִדֶּ-ֹוִי הָיִי עֵאִי דֵּעֵי

С чего начинается хороший еврейский анекдот? Ну, конечно же: «Приходит еврей к раввину...» Приходит он, значица, и спрашивает. А раввин, естественно, отвечает, из чего и получается тот самый хороший анекдот. Вот об этом мы сегодня и поговорим. Нет, не об анекдотах, – о вопросах к раввину.

Если бы этот обзор писался, скажем, лет пять назад, несомненно, он был бы посвящен одному-единственному сайту с адресом <http://www.rabbi.ru/> и таким же названием. Это был сайт интернет-сообщества русскоязычных раввинов, где любой желающий мог задать вопрос и получить ответ от одного из двух десятков раввинов. Настоящих, ортодоксальных, как в тех анекдотах. И при этом говорящих по-русски, точно как в анекдотах. Увы, этот текст опоздал появиться на свет, и теперь по данному адресу можно обнаружить только надпись: «Приносим извинения за неудобства, сайт закрыт на реконструкцию». Соответственно, вопрос можно задать тоже только один: «Когда же вы наконец откроетесь?» Но если вспомнить классика («ремонт – это не действие, а состояние»), то лучше и не спрашивать.

Впрочем, выход есть. Даже два. Вообще-то, их, конечно, больше, но мы будем говорить только о двух. Для этого нам следует обратиться к популярной системе интернет-дневников «Живой Журнал» (<http://livejournal.com>), где создано несколько сообществ (в «живожурнальных» терминах – комьюнити), посвященных данной теме. Один из них называется... правильно, «Рабби.ру». И подзаголовок у него соответствующий: «Пока мы строим новый Rabbi.ru...» Кстати, перейти туда можно напрямую со стройплощадки «Рабби.ру».

Итак, цитируем (уже не классика, а то, что написано на информационной страничке [профайл] сообщества). «Проект Rabbi.Ru – авторитетное русскоязычное сообщество раввинов. Вы можете спросить обо всем, что так или иначе связано с еврейством. На Ваши вопросы отвечают несколько раввинов, что гарантирует наиболее полные и объективные ответы. Мы постараемся ответить в течение 24 часов, если этому не помешают сложность вопроса, обстоятельства или соблюдение суббот и праздников». На самой странице этого сообщества – <http://community.livejournal.com/rabbiruc/> – в левой колонке есть раздел «Архив» с уже заданными вопросами и рубрикатор, называемый «Тематика», причем метку темы задают сами «вопрошанты». Среди анонсированных тем есть не только ожидаемые «Песах», «Дети», «Здоровье», «Кошерование на Песах», «Омовение рук», но даже «Курение», «Табак» и «Тефлон» (а вы думали, раввинов только об имманентной и трансцендентной сущности Всевышнего спрашивают?).

Чтобы задать вопросы, нужно присоединиться к сообществу (<http://community.livejournal.com/rabbiruc/profile>), только помните, что сообщество модерруется и вопросы могут быть удалены, если их сочтут неподобающими.

Кроме «Живого Журнала», сообщества «Рабби.ру» есть в социальных сетях «Одноклассники» (<http://odnoklassniki.ru>) и «В Контакте» (<http://vkontakte.ru/club2272539>).

А вот другое сообщество: «Шеилот.ру» (http://community.livejournal.com/sheilot_ru/). Хотя ивритское слово «шеила» – это

«вопрос», сообщество называется «Еврейский ответ». Почему? А это может стать вашим первым вопросом к создателям. Профайл же сообщает, что «Данное сообщество создано для консультаций с раввином по практическим вопросам. Приветствуются вопросы по лимуду (изучению Торы)». В отличие от «Рабби.ру», «Еврейский ответ» – закрытое сообщество, и для вступления в него нужно отправить модератору заявку, но, опять же, в отличие от «Рабби.ру», здесь можно задать вопрос и не будучи членом сообщества (смотрите здесь: http://community.livejournal.com/sheilot_ru/profile). Только помните – сообщество и вопросы в нем также модерированы.

Если в «Рабби.ру» на вопросы отвечают несколько раввинов (в основном хабадников), то в «Еврейском ответе» – раввин Давид Канторович. Он «литвак», и это следует учитывать, ведь обычаи, принятые в его общине, могут слегка отличаться от принятых в вашей. Но что касается «иудаизма вообще», то, конечно же, расхождений с другими ветвями ортодоксального иудаизма здесь не будет. А вопросы, я вам доложу, встречаются такие, что без пол-литра ну никак. И здесь логично сделать третьим созданный хабадниками Калифорнии в 1998 году сайт «AskMoses» – «Спросите Моше» (<http://www.askmoses.com/>), благо ему в этом году исполняется ровно 10 лет.

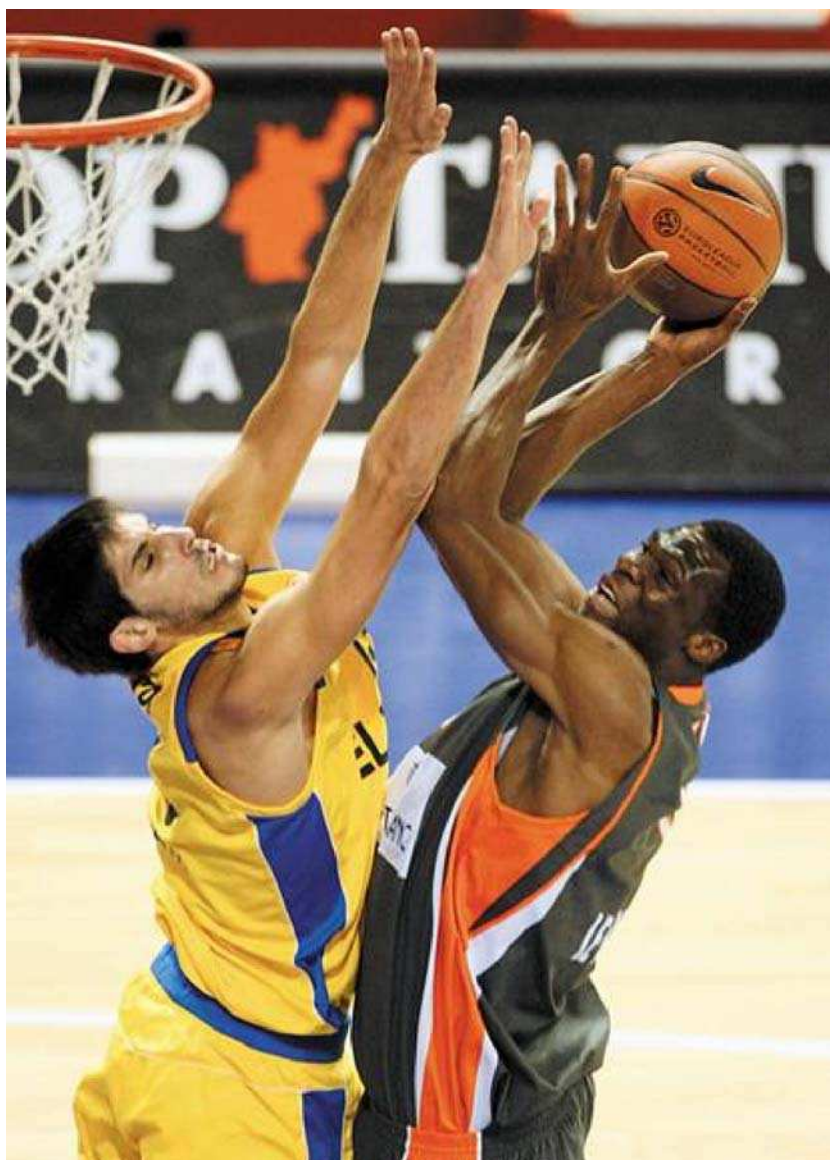
Сайт англоязычный, но на интересующие вас вопросы незамедлительно готовы ответить (и даже любезно пообщаться в чате) свыше 100 раввинов (см. список: <http://www.askmoses.com/en/scholars.html>) из США, Израиля, Англии, Канады, Уругвая, Аргентины, России, Украины, так что можно писать на иврите, английском, французском, испанском и русском языках. Материалы сайта структурированы по разделам, например «Праздники», «Философия», «Б-г», «Еврейское самосознание» и т. д., включая «Разное». Вот этим «Разным» вполне можно было ограничиться, а то бывают такие вопросы, что и непонятно, как их классифицировать: то ли «праздники», то ли «заповеди», а может, просто «не морочьте нам голову!»? Но рубрикатор существует (внизу главной страницы) и внутри каждого из разделов существует множество подразделов (по каждому из праздников, по каждому из элементов шабата, по некоторым группам заповедей — хорошо хоть не по всем 613-и и т. д.). Так что пользуемся, но и конечно же не забываем про поиск (уж его-то вы найдете сами, не так ли?).

А в разделе «Reviews from the Press» можно прочесть отзывы разных СМИ об этом сайте. Тут тебе и Википедия, и «Монреаль мэррор», и «Нью-Йорк таймс», и «Лондон дейли телеграф», и «Едиот ахронот». Теперь туда можно смело добавить «Лехаим»...

НЕ В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ, НО В ИХ КОЛИЧЕСТВЕ ...

Î àðé Çàé-èé

В Израиле события, связанные с лучшим спортивным клубом страны «Маккаби» (Тель-Авив), всегда обсуждаются в обществе на всех уровнях. Особенно теперь, когда прошедший сезон трудно назвать успешным для знаменитой команды.

Баскетбольный матч Евролиги: «Ле-Ман» (Франция) и «Маккаби» (Тель-Авив, Израиль).

Декабрь 2008 года

Бюджет баскетбольного клуба «Маккаби» в этом сезоне намного больше обычного. Один из совладельцев клуба – предприниматель Дэвид Федерман заявил в интервью, что его команда придерживается установок на полную отчетность, и назвал точную сумму бюджета прошедшего года: 24 124 105 долларов. Цифра впечатляющая, особенно на фоне мирового финансового кризиса, коснувшегося всех без исключения. Хотя справедливости ради следует отметить, в Европе существуют клубы и с куда более внушительными бюджетами. Практически все эти команды-богачи пробились в плей-офф Евролиги в Берлине в начале мая.

Назвать сезон 2008–2009 годов успешным для «Маккаби» сложно. Именно в свете рекордных для команды бюджетных средств. Клуб пробился в розыгрыш Евролиги «Топ-16», но там и остался. Приведу несколько примеров кризиса, который переживает этот коллектив. За прошедший сезон через команду прошло 12 (!) легионеров. Всего за три последних сезона в «Маккаби» выступили 22 иностранца. В прошлом и нынешнем сезонах команда меняла тренерский состав в разгар местного и европейского чемпионатов. Менялись и другие участники в руководстве и директорате команды, как-то: скауты, тренеры по физподготовке, начальники и администраторы клуба. С такой «текучкой кадров», с таким разнонаправленным потоком игроков и тренеров, естественно, очень трудно найти свою игру.

Но ведь и причины на то есть. Время от времени и самый сильный спортивный клуб нуждается в перестановках и обновлении. Процесс естественный. Только вот в «Маккаби» он, пожалуй, слишком уж затянулся.

Можно много говорить о личности нового (старого) тренера команды Пини Гершона. Он пришел в «Маккаби» (Тель-Авив) в середине сезона, сменив Эфи Биренбойма, не справившегося с командой, с высоким уровнем психологических нагрузок.

Гершон вызывает у людей или повышенную симпатию или абсолютную неприязнь. С чем это связано? Как ни странно, прежде всего с его высоким профессионализмом и чрезвычайной одаренностью, вызывающей у некоторых зависть. Есть и еще две причины – непоколебимая уверенность в себе и неумение держать язык за зубами: может задеть, обидеть ненароком – за дело и просто так, ради красного словца. Однако следует признать, большинство любителей баскетбола внутри страны, да и во всей Европе, Пини Гершона просто обожают. Даже в Иерусалиме, где традиционно отвергают все, связанное с этим клубом, Гершона терпят, признавая, что он не случайно выигрывает европейские и национальные призы.

Его вернули в «Маккаби», когда команда покатила вниз уже через два месяца после начала баскетбольного сезона. Эфи Биренбойм, принявший команду прошедшим летом с большими надеждами на успех, расстался с клубом по-джентльменски. Не будем и мы строить разного рода догадки, и так ясно: не получилось у Эфраима в «Маккаби», и все.

Уже за первые два дня пребывания в клубе Пини успел сделать многое. Извинился перед прежним тренером Биренбоймом, сказав, что тот ни в чем не виноват. Признался в любви хозяевам «Маккаби» (с одним из них, Раананом Кацем, он крепко поссорился три года назад), немедленно начал менять состав команды (причем с игроками, вероятно, переусердствовал), сменил отличного тренера по физподготовке Йорама Менахема – не потому, что тот плох, просто Пини предпочитает работать только

со своими, которым верит наверняка. Новым тренером по физподготовке «Маккаби» стал Ави Ковальски – так захотел Пини.

Тот самый Раанан Кац, один из совладельцев клуба, мультимиллионер из Майами, недавно говоривший, что ноги Гершона в «Маккаби» больше не будет и что он его знать не хочет, заявил, что лучшего друга, чем Пини, у него в жизни не было и не будет...

По требованию Пини клуб «Маккаби» подписал контракт с тренером Шароном Друкером, который стал помощником Гершона. Друкер, хорошо известный в баскетбольном мире, знающий и самостоятельный, признался, что к другому тренеру в помощники не пошел бы, только к Пини. Контракт с этим человеком обошелся дороже обычного контракта второго тренера. Но кто считает деньги, когда «спаситель» Пини требует в команду именно Друкера. Вот Вам, Пинхас, и Друкер, только побеждайте.

Безумная торсида «Маккаби», которая обожает Пини много лет, стонала от счастья и надежд. Атмосфера возвратившегося в Тель-Авив праздника торжествовала. Танцы девушек из группы сопровождения, музыка, плакаты, бумажные самолетик, порхающие по огромному залу, торжествующий желтый цвет – цвет «Маккаби». Деваться было некуда, необходимо было побеждать, все к этому располагало.

Но с победами у «Маккаби» нынче не так все просто. Команда выигрывала и проигрывала, отчисляла игроков и подписывалась на новых. Заметим, что уже при Пини и Друкере «Маккаби» вылетела из Кубка Израиля. Зато вышла в «Топ-16» в розыгрыше Евролиги. Спасла и честь мундира, и капиталовложения хозяев, что очень и очень важно. Но игры, достойной своего авторитета и имиджа, клуб так и не показал. Напомним, в первом матче плей-офф чемпионата страны «Маккаби» проиграла на своей площадке скромному клубу из Ашкелона на последней секунде дополнительной пятиминутки.

Пини Гершон

Согласно заявлениям совета директоров «Маккаби», Гершон и Друкер останутся на своих постах и на предстоящий сезон. У тренеров много забот с комплектованием клуба. Под вопросом участие в составе команды таких ведущих игроков, как Омри Каспи и Лиор Элиягу. Неясно, что будет с Талем Бурштейном. Наверняка останется в команде разыгрывающий Равив Лимонад, хорошо зарекомендовавший себя в конце сезона. И наконец, что с легионерами? Кто придет? Хозяева клуба решают в настоящее время вопрос с бюджетом на будущий сезон. Вряд ли команда сможет позволить себе суммы сезона прошедшего, хотя не раз говорилось, что даже в нынешнем объеме бюджет израильской команды много ниже, чем у таких грандов европейского баскетбола, как «ЦСКА», «Барселона», «ТАУ», «Сиена», «Панатинаикос», «Олимпиакос».

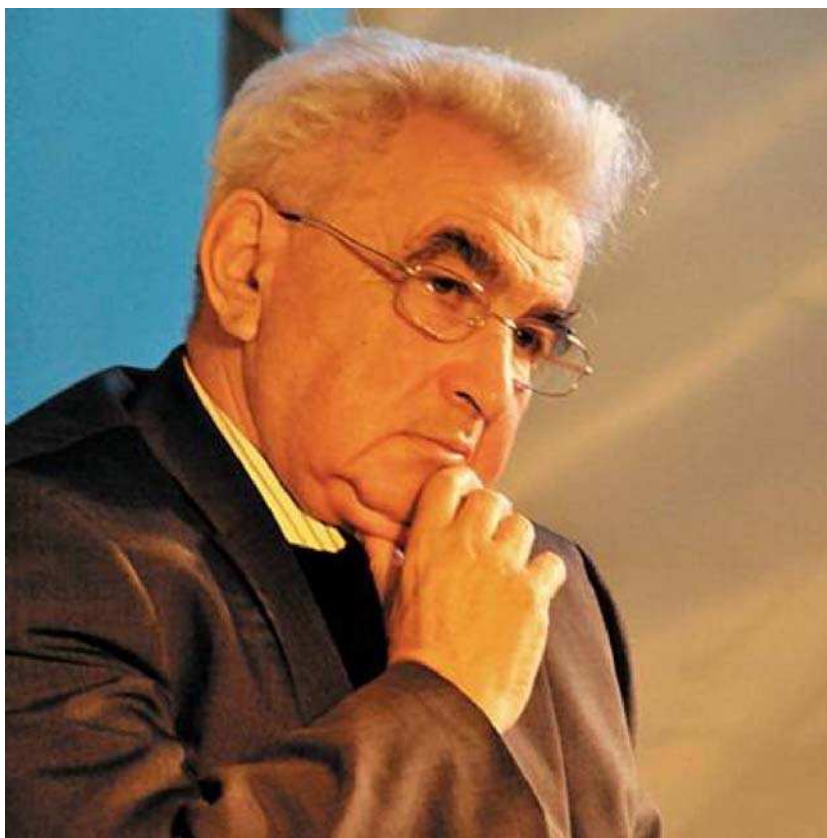
Спорт вещь непредсказуемая, и все уже было в этом лучшем из миров: и поражения богачей, и победы скромных по затратам середняков.

P. S. В решающем матче чемпионата страны 2009 года по баскетболу «Маккаби» (Тель-Авив) одержала победу над одноклубниками из Хайфы и в 48-й раз завоевала золотые медали.

ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Pdèé Èàì èíîèèé

Автор многих романов и повестей Григорий Канович (родился в 1929 году в местечке Йонава, в Литве) едва ли не первый из русских писателей своего поколения, который принес в отечественную литературу времен тоталитаризма и государственного антисемитизма «еврейскую тему» на острие своего глубинного предощущения Катастрофы. Воздух Катастрофы (канун войны, совпавший с отрочеством, потоки беженцев из Польши, страх и надежды местных евреев) стал его воздухом. В годы оккупации в Зеленой роще родного местечка Йонава были расстреляны едва ли не все близкие и дальние родственники будущего писателя. Можно без преувеличения сказать, что его романы, повести и рассказы – как бы сага об эволюции еврейского сознания, еврейской души, «чующей беду за три версты». Даже герои его прозы переходят из книги в книгу, а события происходят в маленьком местечке маленькой Литвы. Поэтому, я думаю, в любой его отдельно взятой книге можно, как в зеркале, увидеть и время, и художественное пространство всех остальных книг русского писателя, награжденного орденом Гедиминаса III степени «За вклад в развитие культуры Литвы», лауреата Национальной премии Литвы («Слезы и молитвы дураков», «Нет рабам рая»), номинанта Букеровской премии («Шелест срубленных деревьев»), писателя, чьи произведения переведены на 12 языков мира и вышли общим тиражом около двух миллионов экземпляров.

В 1945 году Канович вернулся в освобожденный Вильнюс. Как поэт дебютировал в 1948 году и в том же году поступил в Вильнюсский государственный

университет на филологическое отделение. Был народным депутатом СССР. В 1988–1993 годах возглавлял еврейскую общину Литвы. С 1993 года живет в Израиле.

«Парк евреев» (лучший русскоязычный роман Израиля 1997 года) открывается фотографией писателя: перед нами лицо человека, глаза которого вдруг прозрели что-то такое, что вызвало чувство ледящего душу ужаса; он увидел парк евреев, в котором «вырублены все деревья и остались пустые скамейки». Это глаза Катастрофы, которыми писатель смотрит на мир вчерашний и завтрашний, заглядывает в себя...

Заверните в этот парк, присядьте на одну из скамеек, попытайтесь ощутить тепло, чудом задержавшееся в дереве от давно сидевшего на нем человека.

Здесь нет тени от деревьев, потому что здесь нет деревьев... Здесь живут только тени ушедших. И с ними разговаривает писатель – духовное продолжение ушедших теней.

Вы когда-нибудь чувствовали себя продолжением чьей-то тени? Родились в полдень, когда тени исчезают? Но ведь ненадолго скоро они появятся. Разве вам никто не говорил, что время, которое вы проживаете на этой земле, – лишь тень прошлого. Время евреев, русских, немцев, литовцев – закончилось и стало тенью. Это время злодеев и гениев с самого начала летосчисления, но только не Б-га. Потому что, если Он станет этой тенью, то будет узнаваем. А это уже невозможно – Б-г велик только в Своей непознаваемости. Непознаваемость эта притягивает и отталкивает, радует и пугает, возносит и зашвыривает в тартарары. Потому что Он – это они, но настолько, насколько они в Нем неосознанно нуждаются в каждом мгновении собственной непознаваемости. Преодоление этой непознаваемости составляет все содержание человеческой жизни. Писатель, взявшийся за расшифровку непознаваемого, обречен на вседневное одиночество хранителя времени: разговор с тенями требует не только особого мужества, но и неисчерпаемой нежности и беспредельного терпения, ибо жить на краю собственной пропасти, несуетно и неторопливо выполнять все жизненные предписания и при этом делать свое гибельное дело – такое дано не всякому.

А чтобы преодолеть непознаваемое, нужно только желание – желание прийти в парк, в котором деревья срублены и остались только пустые деревянные скамейки, чудом сохранившие человеческое тепло, прийти и посидеть на одной из скамеек; говорить не надо – только посидеть и послушать безлиственный воздух парка, тишину в нем и в себе и случиться невероятное: вы вдруг начнете различать в себе голоса ушедших времен, голоса их теней, и среди них некоторые покажутся вам знакомыми, а иные – дорогими и близкими, совсем недавно ушедшими, но еще звучащими в вас настолько, что вы почувствуете близость этих голосов к непознаваемому, ощутите, что наступает мгновение, о котором говорил Арон Штейнберг: «В какой-то момент каждый из нас может стать воплощением судьбы всего человечества». Конечно, такое знание ко многому обязывает. И одного желания мало, необходима непрерываемая работа души. Но можно жить и по-другому – корнями вверх, когда ваш язык, питающийся всеми знаками времен и соединяющий вас со всеми временами, перестает быть связующим звеном духовного пространства, когда в безлиственном воздухе парка вы сам-один от начала земли и до окончания алфавита, до его полного распада, когда налетевший вдруг порыв ветра разносит его, алфавита, буквы невесть куда – и собрать их в одно-единственное, самое важное для человека слово на земле уже невозможно, потому что это слово – «любовь» – навсегда уходит с лика земли.

И не этот ли вариант не-жизни увидел писатель, и фотокамера запечатлела на его лице ледящий душу ужас. Увидел и произнес: «Что такое человек без любви? Кишка, набитая завтрашним дерьмом». И пусть никому не покажется странным, что эти слова писатель произнес лет за тридцать до появления его фотографии в книге «Парк евреев».

Художественное пространство Кановича втягивает читателя необычайной акустичностью его прозы, появившейся в русской литературе 50 лет назад (автобиографическая повесть «Я смотрю на звезды», 1959). Последние по времени произведения писателя («Очарованье сатаны», М.: Текст; Книжники, 2009, «Проза еврейской жизни») отражают жизненный и эстетический опыт автора, они обогащены его внутренней историей, в которой история народа переживается как собственная. Слова Шпенглера «Об истории никто не может судить, кто сам в себе не переживает историю» как нельзя точнее определяют суть художественного метода Григория Кановича.

Рискну предположить, что на глубине подсознания, т. е. на той глубине, где пульсируют пунктиры замыслов, Канович думает на языке идиш, на языке своей внутренней праистории; в ней-то и находятся первореальности еврейского существования, национального бытия. Синтез идишского подсознания и русского языка? Здесь нет ни подвоха, ни мистификации. А есть феномен языка Кановича.

Реальная жизнь едва ли не всех героев Кановича тесно переплетена с нежизнью давно или недавно ушедших в лучший мир: они думают, говорят, совершают поступки не-свои, а ушедших недавно или давно, и в этом, пожалуй, еще одна особенность эстетики Кановича, эстетики, в которой историческая глубина не имеет предела, и в пространстве, заселенном живущими, она – историческая глубина – всегда рядом с ними, а еще точнее, в них, потому-то, думаю, «образ мига и вечности» так ощутимо запечатлен в книгах писателя.

Канович, принадлежа (по роду занятий и духу) к «самой массовой партии – партии одиночек», относится к тем немногим из них, которые стремятся осмыслить самое трудное – свое одиночество в опустевшем и безлиственном парке евреев в надвигающихся сумерках не только своей отдельной жизни; в абсолютной тишине, которая бывает только в могиле, осмыслить не только для себя, а скорее для тех, кто не побоится заглянуть все же в темнеющий безжизненный парк, чтобы вместе с писателем ощутить время жизни и смерти в отпущенном судьбой пространстве.

Есть писатели, среди них и Канович, которым удается хронотоп своей частной судьбы соотнести с хронотопом историческим. Для таких писателей не суть важен масштаб осмысляемого пространства. Вспомним художественные пространства Фолкнера, Кафки, Джойса, Музиля, Маркеса. Для них намного важнее другое: во что может превратить время homo sapiensa, если он, человек разумный, настолько очаровывается сатаной, что даже память (читай – совесть) в нем глохнет так, как затихает звук пролетевшего мимо поезда, и вокруг него, идущего незнамо куда и незнамо зачем, – вокруг него медленно угасают последние звуки жизни и остается «одичавшая коза, которая пропалывала травку между надгробиями, натирала их своими рогами, но потом и она издохла» («Очарованье сатаны»). Апокалипсис?! «И понесет козел на себе все беззаконие их в землю непроходимую и пустит он козла в пустыню» (Ваикра, 26:22).

...Новый роман «Очарованье сатаны» – беспощадное в своей исповедальной пронзительности повествование о гибели евреев лишь одного литовского местечка Мишкине в самом начале второй мировой войны. Но в этом романе гибнут не только

люди. Гибнет историческая память. В романе это уже не столько многовековой и всеземной конфликт этносов, сколько соотношение национальной катастрофы с общечеловеческой на эстетическом уровне. Ощущение этой грядущей всечеловеческой катастрофы, художественное постижение ее социальных, психологических и философских корней и ее возможной эволюции – признак вершинных явлений мировой литературы. Проза Кановича жива этим признаком. Я говорю не о табеле о рангах, не о писательском месте под солнцем. Я говорю о художественном мышлении крупного масштаба, которое способно преодолеть тектонические сдвиги в судьбе одного человека, нации, человечества.

В одном из интервью накануне своего восьмидесятилетия Григорий Канович признался: «Дожив до этих лет, просыпаюсь с надеждой и страхом...»

Страх и надежда истинного писателя – это его Слово. «Что это за мир, где собака счастливее человека» – не этот ли, леденящий душу вопрос, вложенный писателем в уста Элишевы, героини нового романа, застыл в глазах Григория Кановича задолго до появления самого романа?..

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ.

ХРАНИТЕЛЬ СТРАХА И АЗАРТА

Поэт Александр Межиров умер в Нью-Йорке 22 мая в возрасте 85 лет. До этого он прожил не одну, а несколько литературных жизней.

Он родился в Москве в интеллигентной еврейской семье (отец – юрист, мать – учительница немецкого языка) в 1923 году. Сразу после 10-го класса, в 1941-м, был призван в армию и отправлен на курсы десантников в бывшей Республике немцев Поволжья. Депортация немцев происходила у него на глазах, и о ней он говорить отказывался: слишком страшно. Был брошен в составе десантного полка под Тулу, ранен осколками мин в обе ноги. После госпиталя послан на Ленинградский фронт пулеметчиком. На фронте вступил в партию. Демобилизовавшись, поступил в Литературный институт, который закончил в 1948-м. Первая книга стихотворений – «Дорога далека» вышла в 1947-м. Последняя прижизненная – в 2006-м. С 1992 года жил и работал в США.

В промежутке между 1947-м и 1992-м умещается на первый взгляд небогатая событиями биография успешного советского литератора. Публикации в периодике, многочисленные книги, переводы с литовского и грузинского... Когда нужно было в 1958-м голосовать за осуждение Пастернака – улетел в Тбилиси. Тщательно поддерживал репутацию бильярдиста и картежника. Преподавал в Литинституте. Был известен тем, что, эпатируя многих, невзначай вставлял в речь цитаты из Библии... Все это – внешний слой.

Первая жизнь Межилова – послевоенная история автора стихотворения «Коммунисты, вперед!», одной из самых пламенных идеологических прокламаций в истории советской литературы. Но и в нем уже заметна точка зрения «маленького человека», который видит мир от уровня бруствера: героям невозможно встать не просто под вражеским огнем, а «у шестого кола».

Вторая жизнь Межилова – история «шестидесятника». В 1956 году он написал «Мы под Колпино скопом стоим, / Артиллерия бьет по своим...» – сразу и о войне, и о государственном терроре. Стихотворение моментально разошлось в самиздате. Вскоре Межиров нашел свою «фирменную» тему – цирк как метафора человеческой жизни. О цирке писал (пел) и Окуджава, эта общая страсть не случайна: для тех, кто пережил войну и послевоенную ложь, цирковая условность и возможность риска обернулись островком

подлинности. «Он стар, наш номер цирковой, / Его давно придумал кто-то, – / Но это все-таки работа, / Хотя и книзу головой».

Третья, «перестроечная», жизнь Межирова, плавно перешедшая в четвертую, эмигрантскую, – история человека, который многое повидал и во многом разочаровался, прежде всего – в себе. Язвительный и самоироничный, помнящий о миллионах стертых в лагерную пыль, он выработал почти самоощущение старого Вяземского, но такого, у которого в молодости был не «Арзамас», а фальшь и самообман сталинского времени. Относился к себе с усталой, слегка брезгливой иронией.

В Америке писал все эти годы – временами более пронзительно, чем прежде. В 2000 году опубликовал поэму «Поземка», где полемизировал с кликушески-антисемитскими стихами давнего товарища Николая Тряпкина. Напомнил в поэме, как русский Андрей Платонов, когда при нем зашел спор о том, какой народ погубил Россию, назвался евреем.

О Межирове говорили, что в нем чувствовался неизжитый страх. Но точнее было бы сказать иначе. Межиров знал, что его страх до конца преодолеть невозможно, и был готов свидетельствовать о нем как об «открытой ране бытия». Знал поэт и то, что его страсть к азартным играм и азарт в работе – обратная и необходимая черта пережитого им ужаса. Сочетание страха, самопреодоления и страстной привязанности к жизни без страховок и опор стало главной темой Межирова в литературе.

Ī āīñē-ēīēā í á çàì áí èò āīāēú

Ī īò īī ó ÷ ò ī āīāēā í á āīāā

Ēáí ū ā í āí īāōāā çàì áí èò ū ī ðī āīāēú –

Ñēí ðī çāā ðý ò ū ī ðī āīāā

Ēēīŷ Ēōēēēēí

ЭФРАИМ КАЦИР.

«ИЗРАИЛЬ СКЛОНЯЕТ ГОЛОВЫ...»

Не стало одного из ведущих биофизиков XX века, четвертого президента Государства Израиль Эфраима Кацира. Он скончался 30 мая в своем доме в Реховоте и был похоронен, согласно оставленному им завещанию, рядом с женой.

«Эфраим Кацир был предан Израилю во всем, что он делал. Он был первооткрывателем в науке, а также внес огромный вклад в дело обеспечения безопасности государства», – говорится в специальном заявлении премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньяху.

Эфраим Кацир – один из многочисленной плеяды израильских политиков с российскими корнями. До 1972 года, когда по совету тогдашнего премьер-министра страны Голды Меир Кацир принял участие в президентских выборах, он носил фамилию Качальский. Под этим именем опубликовано и большинство его научных работ.

Эфраим Качальский родился на Украине, в Киеве в 1916 году. Его семья эмигрировала в Палестину, когда мальчику было девять лет (по другим источникам – шесть лет), и обосновалась в Иерусалиме – городе, ставшем второй родиной для будущего четвертого президента Израиля. В 1932 году юноша поступил в Еврейский университет, где занялся изучением химии и бактериологии. Окончив магистратуру, он решил не оставлять учебу и в 1941 году успешно выдержал экзамен на докторскую степень по биологии, за несколько последующих лет став ассистентом на отделении теоретической и макромолекулярной химии.

Эфраим Кацир всегда был патриотом своей страны – еще подростком вступил в ряды движения «Социалистическая молодежь», где зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Несколько лет он был инструктором в социалистическом движении «А-Ноар а-овед» и уже в шестнадцать лет стал командиром роты в тайной полувоенной организации «Хагана», где занимался разработкой взрывчатых веществ и организацией подпольного производства вооружений. С образованием Государства Израиль в 1948 году силы

«Хаганы» стали основой Армии обороны Израиля. Когда Кациру исполнилось тридцать два года, его пригласили на работу в Институт имени Вейцмана в Реховоте. Здесь он создал и на протяжении двадцати четырех лет возглавлял отделение биофизики, будучи одновременно с этим сначала профессором биофизики Еврейского университета, а затем главным научным экспертом Министерства обороны. В 1973 году Эфраим Кацир одержал победу на президентских выборах в Израиле и сменил Залмана Шазара на посту главы государства. На протяжении последующих пяти лет он планомерно проводил в стране политику, направленную на поощрение алии и улучшение социальных условий. Во внешней политике период президентства Кацира был ознаменован крайне драматичными для Израиля событиями – от войны Судного дня до первого прихода к власти правых.

По окончании своего президентского срока он вернулся к научной работе, возглавлял отделение биотехнологии. Как ученый Кацир внес весомый вклад в исследование белков и их структурных элементов – аминокислот. Его научные заслуги были отмечены премией имени Вейцмана (1950), Государственной премией Израиля (1959), премией имени Ротшильда (1960), а также различными премиями и медалями во многих странах мира, в том числе – Германии и Японии. За время своей научной карьеры он разработал методы синтеза аминокислотных цепей, обладающих рядом свойств белков, и доказал зависимость биологических свойств белковых соединений от химической структуры. В 1960 году Кацир одним из первых синтезировал нерастворимые энзимы, а затем предложил пути их практического применения в промышленности и медицине.

Эфраим Кацир скончался в день гибели своего брата – известного химика Аарона Кацира, погибшего от рук японских террористов в аэропорту Лод 30 мая 1972 года.

«Израиль склоняет головы перед памятью Эфраима Кацира. <...> Он был одним из крупнейших биофизиков XX века, а его порядочность и скромность служат примером для всех израильтян», – подчеркнул премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху в своем заявлении.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Вы читали? *Марк Ефимов.* [Оменташн // 2009, № 3](#)

Реакция. В перечислении распространенных названий homentashen в разных регионах автор допустил неточность. Диплес к оменташн или «ушам Амана» отношения не имеет. Это традиционная греческая сладость (печенье), распространенная преимущественно на Пелопоннесе, в местах наименьшего присутствия евреев в Греции. Словом «диплес» (diples, dipples) обозначают медовые рулетики. Ни по форме, ни по рецептуре они никак не ассоциируются с оменташн. Но это все равно что называть все изделия из теста «пирожками».

А. Ёїѳї аї, Ёї ѳаѳїаѳ

Вы читали? *Леонид Радзиховский.* [Арифметика о математике // 2007, № 12](#)

Реакция. Глубинные причины антисемитизма кроются в крайней жесткости ортодоксальных ограничений. Диктаторские требования к каждому соблюдающему еврею привели к изменению формы жизни – невозможности участвовать в коллективном труде; осталась одна возможность – индивидуальный труд, ремесленничество, торговля, посредничество, ростовщичество. Последние привели к росту финансового влияния на общество, к народному антисемитизму и к его последующему политическому использованию, такому, как изгнание из Испании, изгнание из Центральной Европы и караваны в Восточную... Высокая конкурентоспособность – не врожденное свойство евреев, а следствие жестких ограничений, заставлявших заниматься индивидуальным трудом. То есть в антисемитизме виноваты не окружающие народы, а неудачные формулировки, справедливые во времена семейно-родового скотоводства, но трагические в последующие. Не стоит расстраиваться.

Р. Ёї аї єѳ, Ёї ѳаѳїаѳ

Вы читали? *Леонид Радзиховский.* [Никто не заметил // 2009, № 6](#)

Реакция. Уважаемая редакция! Будучи большим поклонником журнала «Лехаим», не могу не отметить, что неточности в малосущественных деталях, которые легко проверить, ставят под сомнение точность важных утверждений ваших авторов. В статье уважаемого г-на Радзиховского неверно указаны мои и профессиональные, и биографические данные. Я – физик-теоретик, род. в 1973-м, окончил Московский физико-технический институт, аспирантуры Института теоретической и экспериментальной физики (Москва) и Университета г. Принстон (Нью-Джерси, США). Действительно, я многому научился у математиков, и, наоборот, мои статьи по физике используются математиками. Но все же моя основная специальность – физика. В том, что касается основного тезиса автора, «Каждой стране – свои евреи», он слишком похож на «Каждый народ достоин своего правителя». Мы сами выбираем, какими евреями быть.

Ё. Ёї аѳѳаѳа, Ёї ѳаѳїаѳ

Наш ответ. Уважаемый г-н Некрасов! Действительно, в материале были допущены указанные Вами фактические ошибки. Редакция приносит Вам свои извинения.

Вы читали? [Специальный материал, посвященный событиям в Мумбаи \(Индия\) // 2009, № 1](#)

Реакция. Прочитал сообщение о трагедии в Мумбаи, гибели шести человек в центре «Бейт-Хабад», среди которых были и руководители центра Гавриэль и Ривка Гольцберг. Это известие потрясло меня до глубины души. Вспоминаются слова из Танаха: «Память праведника благословлена, а имя нечестивых сгниет» (Мишлей, 10:7). Также высылаю вам письмо для рабанит Хани Липшиц, посланницы в Катманду (Непал).

Дорогая Хани!

Сообщение о гибели посланников в Мумбаи Гавриэля и Ривки Гольцберг всколыхнуло душу. Хотя мы не знакомы, но я знаю, что Ривка была очень дорога Вашему сердцу. «Я пишу лишь для тебя, моя вторая душа», – обращаетесь Вы в печали сердечной к ней, изливая свою душу, всю тяжесть горестной утраты. Несмотря на то что я не являюсь хабадником, разделяю горечь Вашей утраты и скорблю вместе с Вами. Б-г Любящий и Милосердный дает чувства сопереживания. Да не опускаются пусть руки в служении ближнему: сыны Израилевы да обретут через Вас поддержку и вдохновение, черпайте из неоскудевающих источников Б-жиих. Как бы хотелось иметь с Вами совместное общение, но не имею такой возможности – не знаю иврита. Вы не одна, по всему миру посланники Ребе помнят о Вас. Есть и те, кто не из еврейского народа, но также скорбит вместе с Вами. Образ Гавриэля и Ривки, добрых вестников Б-жиих, да вдохновит Вас на служение: нести свет во тьму. Нет, совсем не тщетен этот труд, хоть силы зла будут ополчаться и восставать. Свет сильнее тьмы, добро победит зло, и знамя Б-га Вечного да водрузится высоко над всеми идеями человеческими. «И знамя Его надо мною – любовь!» (Шир а-ширим, 2:4). Да, любовь Его чистая, светлая, бескорыстная – это могучее оружие, которое может разрушить вражеские крепости. Несите ее, милая Хани, да благословит Вас Б-г Всемогущий!

Ĭ.Ā. Ĭ ḏġōēnēt, ā Ēāēī ōū

Вы читали? *Борис Клин.* [Не о чем говорить? // 2009, № 6](#)

Реакция. Не совсем ясна позиция автора. Аргументы о культурологическом характере предмета шиты слишком уж белыми нитками. Ответить на такие аргументы можно только в стиле: «Вы что, считаете нас идиотами?!» или пропустить мимо ушей – «не слышать». Опять же, никаких прав у большинства в данном случае не было, как раз напротив, тот трюк, который РПЦ пыталась проделать в этом случае, прямо запрещен статьей 29, пункт 2 Конституции РФ: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

N. Sayin, Ēī ōādī āō

Авторы номера:

Роман Арбитман (р. 1962) литературный критик, пишущий о проблемах массовой культуры. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р.С. Каца) и нескольких детективных романов (под маской Льва Гурского).

Максим Василенко (р. 1977) журналист, филолог-русист.

Эльханан-Бунем Вассерман (1874–1941) выдающийся раввин и педагог, глава основанной им знаменитой ешивы в г. Барановичи, общественный деятель и публицист, активно сотрудничавший в еврейской прессе. Мученически погиб в страшном Девятом форте в Ковно (Каунас).

Михаил Гольд (р. 1972) журналист, главный редактор журнала «Мост» (Киев), заместитель главного редактора газеты «Еврейский обозреватель».

Михаил Горелик (р. 1946) эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Данила Давыдов (р. 1977) филолог, поэт, прозаик и литературный критик. Первый лауреат премии «Дебют» в области прозы («Опыты бессердечия», 2000). Публиковался в журналах «Октябрь», «Новый мир», «НЛО» и др.

Валерий Дымшиц (р. 1959) антрополог, этнограф (фольклор и культурная антропология евреев Восточной Европы), литературовед, переводчик с идиша, английского и немецкого («Тяжба с ветром» [Антология еврейской литературной сказки], Ицик Мангер, «Книга рая»), директор центра «Петербургская иудаика». Член редколлегии журнала «Народ Книги в мире книг», творческого союза «Мастера литературного перевода».

Хаим Граде (1919–1982) один из крупнейших еврейских писателей XX века. Писал на идише. Получил светское и традиционное еврейское образование. Дебютировал как поэт, был членом литературной группы «Юнг Вильне». Автор сборников стихотворений, рассказов и романов «Безмужняя жена», «Цемах Атлас», «Немой миньян».

Марк Зайчик (р. 1947) прозаик («Сделано в СССР», «Иерусалимские рассказы»). Печатался в журналах «Континент», «22».

Юрий Каминский (р. 1942) филолог. Работал в газетах Красноярска, Минска, Кировограда, редактором журнала «МЫ» (Израиль). Автор книг стихов и прозы, литературно-критических статей.

Феликс Кандель (р. 1932) писатель, сценарист. Автор рассказов, пьес, повестей, сценариев к мультипликационным фильмам, в том числе «Ну, погоди!». Печатался в «Новом мире», «Литературной газете», «Неделе», «Континенте», «Гранях», «22», «Сионе», «Время и мы» и других изданиях. Двадцать лет работал на радиостанции «Голос Израиля», выпускал серии авторских передач. Его книги переведены на иврит, французский, немецкий. Лауреат четырех израильских премий.

Илья Карпенко (р. 1961) филолог, литературовед, журналист.

Марина Карпова преподаватель, переводчик, автор учебно-методических пособий по преподаванию еврейской традиции и классических текстов.

Илья Кукулин (р. 1969) филолог и литературный критик, автор статей по истории и социологии русской литературы, обозреватель сайта «Open Space».

Евгений Левин (р. 1973) журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Меир Левинов (р. 1959) преподаватель истории иудаизма, переводчик и публицист. Автор книг «Владеющий Именем», «Еврейская чертовщина».

Михаил Липкин (р. 1966) преподаватель иврита, переводчик (Бен-Цион Нетаньяху, «Пять отцов-основателей сионизма»).

Афанасий Мамедов (р. 1960) прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам».

Виктория Мочалова филолог-славист, директор центра «Сэфер»; зав. Центром славяно-иудейских исследований Института славяноведения РАН; автор работ по истории и культуре восточноевропейского еврейства.

Синтия Озик американская писательница, автор более десятка книг – романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

Арье Ольман (р. 1969) гебраист, библеист, переводчик еврейских классических текстов. Доктор философии, сотрудник педагогической ассоциации «Новая еврейская школа», Института Штейнзальца, Центра Чейза по преподаванию иудаики на русском языке. Автор публикаций по филологии, библеистике и культурологии.

Леонид Радзиховский (р. 1953) журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЕЖ», радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»), лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2005».

Александр Рапопорт (р. 1960) поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист.

Елена Римон литературовед, переводчик, доцент кафедры еврейского наследия в израильском университетском центре «Ариэль», редактор и комментатор («Ивритская литература в русских переводах: Антология», «Ш.-Й. Агнон. Новеллы» и др.).

Михаил Эдельштейн (р. 1972) филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели».

Менахем Яглом (р. 1964) переводчик, редактор и издатель еврейских классических текстов. Автор публикаций по еврейской истории, культуре, философии и мистике.